

САГА

ОДЕССКАЯ САГА

ЮЛИЯ ВЕРБА

САГА

НЭЦАХ

Annotation

«Нэцах» — третья книга «Одесской саги». Это слово означает седьмую цифру сфирот в каббале и переводится как «вечность» или «торжество» и символизирует победу и стойкость в терпении и вере. Роман «Нэцах» — про выдержку, силу и выносливость, качества, которые помогают разросшейся молдаванской семье в любых условиях, при всех властях сохранить себя, свои корни и те самые легендарные одесские пофигизм и жизнелюбие... В издательстве «Фолио» вышли первые два романа «Одесской саги» Юлии Вербы — «Понаехали» и «Ноев ковчег».

- [Юлия Верба](#)
 - [1944](#)
 - [Первомай](#)
 - [Ах ты шалава!](#)
 - [Вор у вора...](#)
 - [Бог палкой не бьет](#)
 - [1945](#)
 - [Нету тела — нету дела](#)
 - [1946](#)
 - [Гость с того света](#)
 - [1947](#)
 - [Муха в янтаре](#)
 - [1948](#)
 - [Не трожь!](#)
 - [1949](#)
 - [И снова здравствуйте!](#)
 - [1951](#)
 - [Одесса-мама](#)
 - [1952](#)
 - [Туалетный фарт](#)
 - [1953](#)
 -

- [Седина в бороду](#)
 - [1954](#)
 - [Почти военный](#)
 - [1955](#)
 - [Учитель](#)
 - [1956](#)
 - [«Белая акация»](#)
 - [1957](#)
 - [Для здоровья](#)
 - [1958](#)
 - [100 лет в обед](#)
 - [1959](#)
 - [Горячая пшонка!](#)
 - [1960](#)
 - [Сдохнуть со скуки](#)
 - [Первая любовь](#)
 - [1961](#)
 - [1962](#)
 - [Глаз бури](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Юлия Верба Нэцах

*Моей
бесконечно
любимой
и родной
молдаванской
семье.
Вы всегда со
мной!*

*Саша Крылов,
спасибо за
Гордееву*

1944

Первомай

Нюся не сразу догадалась. У ее тощей Полиночки с месячными постоянно были проблемы — худоба, голод, нагрузки в балетной школе, скудное овощное питание. Нюся и не следила за «этими днями» у дочери, тем более во время войны. А сейчас ее будущая прима Большого театра очевидно и громко, как биндюжник после попойки, блевала в медный таз.

Еще минуту назад мадам Голомбиевская жарила добытую у Привоза свежую тюлечку — любимое запретное лакомство ее Жизели.

— Боже, что так воняет? — успела фыркнуть Поля и выхватить со стола таз для варенья.

Нюся стояла в третьей позиции. На авансцене в позе умирающего лебедя билась над миской ее единственная дочь.

Полина подняла красное лицо, сморгнула слезы и выдохнула: — Дай водички!

Нюся протянула стакан. Ее руки по-прежнему были в маслянисто-ртутных ошметках тюльки, которую она, несмотря на такой медицинский форсмажор, машинально продолжала метать на сковородку.

— Фу-ууу! Убери! — взревела балерина и, отпихнув мамину руку, снова выгнулась над тазом.

— Ты что со своим румыном творила, шалава? — просипела Нюся. — Я ж тебя учила! Я ж тебе все дала!

Да, Полина влюбилась в захватчика и врага, этого чернявого душегуба с крестьянскими руками и улыбкой до ушей. Румынский денщик Гриша, проживающий вместе со своим господином офицером в двенадцатой у Беззубов, не приставал ни к малолетней Нилке, ни к готовой на все жопастой Мусе, ни к перестарку Даше. Губа не дура — он положил глаз на ее Полиночку! Нюся была опытной женщиной, поэтому на все ухаживания и подношения смотрела сквозь пальцы. Во-первых, мог взять силой, а так хоть еды в дом принес, во-вторых, ее поникшая запуганная дочь хоть немного ожила и, как все рыжие, стабильно покрывалась предательским румянцем до ушей, когда видела этого дурака, а в-третьих, ну не был этот мальчишка злом. Уж в ком, в ком, а в мужиках Нюся разбиралась. Деревенский бойкий

паренек, попавший в историю. Во всех смыслах. Он не хотел командовать, не строил из себя победителя и явно тяготился молчаливой дворовой ненавистью. У него «так получилось». Призвали — пошел и прибился со своей сельской смекалкой и расторопностью к офицеру.

Ярко-рыжая, белокожая до синевы Полина с ее балетными подъемами и точеными ножками и этот мужлан с лапой 45 размера... Шансов у румына не было. Такой неземной сахарно-фарфоровой красоты он в жизни не видел. Гришка-Григор сначала сетовал, что барышня такие бледные, и совал яблоки, потом припер шоколада, явно уворованного у своего хозяина, потом невесть откуда добытую в ноябре розу. А к Рождеству вручил Полиночке теплые сапожки, чтобы было в чем сходить прогуляться. Догулялись... Вода камень точит. Полина сначала гневно фыркала, потом краснела до полуобморочного состояния, потом стала глупо хихикать, потом прятаться, а через полгода они, не стесняясь, ходили за ручку, как все влюбленные.

Денщик не переезжал к Голомбиевским, но Нюся деликатно задерживалась на рынке или ездила «по делам» на полдня.

Двор на такой удивительный мезальянс отреагировал молчанием во всех видах — от презрительного до сочувствующего. А Нюсе и пошептаться было не с кем — ни Ривки, ни Иры, ни Софы... Одна Гордеева, да с ней и раньше не особо посплетничать можно было, а теперь и подавно. Женька с Аськой — чистые дети... Правда, Асе, той самой, что получила квартиру через органы, увы, не свои, а те самые, чекистские, Нюся невзначай по секрету намекнула, что Полечка на задании. Ну так, на всякий случай. А потом... как и положено, временное стало постоянным, аж до апреля сорок четвертого, когда, слава богу, пришли наши, и ее приемный полузять Григор вместе с господином Флорином доблестно рванул. Тем апрельским днем Нюся просидела в сквере Гамова — нижнем садике, или, по-старому, Дашковских прудах, да холера его разберет где — на лавочке напротив дома до темноты и холода. И застала зареванную дочь и смущенного румына. Одетых и совершенно разбитых.

Накануне этот Гришка спас их двор. Немцы поместили ворота Мельницкой, 8 красным крестом. То ли весь квартал собрались взрывать — дом-то угловой, то ли только их. Крест был, когда Нюся уходила, а когда вернулась затемно — его не было. И у этой заразы

румынской рукава вымазаны краской... Что он там шептал ее дочери, она не слушала, ушла на кухню. Румын раскланялся, поцеловал ей ручку. И ушел, шмыгая носом, сначала за хозяином, а на рассвете со двора. Больше его не видели. И слава Богу. А через двое суток ее Полиночка мгновенно и официально превратилась из «повезло костлявой» в румынскую подстилку.

Ой зря эта паскудная Муся обозвала ее дочечку! Нюся собралась. Оделась во все черное. От ее бывшего великолепия осталась только профессиональная походка. Несмотря на седьмой десяток и отеки, она все так же призывно виляла бедрами, выписывая идеальный знак бесконечности. Так мадам Голомбиевская и ввалилась в кабинет следователя. Нюся знала: то, что нельзя остановить, надо возглавить. После того что Муся в первые дни оккупации сдала Полонскую как еврейку немецкой комендатуре, да и на Женьку, видать, она настучала, Голомбиевская понимала, что сейчас дорога каждая секунда. Муся с ее недалеким умом и жизненной хваткой клещи скажет и сделает что угодно, чтобы не попасть под расстрельную статью. А самый простой способ выжить — сдать кого-то рядом. После ее утреннего окрика вслед Полинке сомнений не оставалось, кто же станет той самой жертвой.

Следователь, лейтенант СМЕРШа достал папку с их адресом.

— Ну и кому верить? Тут у вас не двор, а вражеский рассадник, — он разложил стопку листов. — Недели не прошло, а вон сколько друг на друга настрочили. Но вы первая лично пришли. Не побоялись. Уважаю. Как вас там, гражданка?

— Анна Голомбиевская. Пенсионерка.

— Да уж... Что за люди... — Он поморщился, перебирая листочки, и сочувственно посмотрел на Нюську. — Это с какой больной головы надо было написать, что вы... кхм... телом торгуете!

Нюська покраснела и взмокла от ужаса.

Лейтенант снова сочувствием посмотрел на нее:

— Да успокойтесь — я же вижу, что вы стара... простите, приличная пожилая женщина. Похоже, что это шалава, что вы рассказываете, и накатала. И на вас, и на вдову чекиста. Да, кстати, что там у вас во дворе за старуха, которая нацистами руководила? Можете подробнее рассказать — кому там во дворе патруль зиговал?

Нюся медленно выдохнула: мысль о том, что лейтенант и подумать не мог, что она в самой древней профессии, одновременно и радовала, и сильно огорчала. Нюся мотнула головой и собралась:

— Зиговали матери того самого чекиста. Она из люстдорфских немцев — материла патруль на ихнем, когда невестку на расстрел вели. Можете проверить — она прекрасный врач. Весь сорок первый под бомбежками наших спасала, а как немцы пришли — прикинулась дурочкой и ни дня в госпитале не работала.

— Так, понятно, — офицер был сама забота, потом глянул в папку и, внезапно понизив голос, спросил: — А Полина Голомбиевская — ваша дочь?

Нюся побледнела.

— Да... девочка моя, балетная школа... умирает от дистрофии, ну вы же знаете, как голодно было, и... и от пережитого... она есть перестала после того... после... Ее румынская солдатня... ее... в сорок четвертом... — Нюся разрыдалась: — Не уберегла я, не отбила... да и что мы могли...

— Та-ак... Кто-то еще подтвердит, что Мария Ткачук донесла на соседей немцам?

— Да весь двор подтвердит! — вскинулась Нюся. — Она же квартиру соседкину сразу заняла — ее еще за ворота не вывели, как помчалась!

— Ну что же. Спасибо за сигнал. Будем разбираться.

Выйдя из кабинета, Нюся торопливо перекрестилась:

— Господи, прости меня... мерзко-то как... Прости меня... как там? Око за око... я не за себя... за доченьку... И царствие тебе небесное, раба Божия, София... Спи спокойно. Я за тебя отомстила... И за Поляночку тоже...

Ах ты шалава!

Аня Беззуб зашла во двор на Мельницкой. Последний раз она была здесь почти три года назад, в сорок первом. Двор вдруг сжался, стал крошечным, как кукольный домик.

Анька шла и не видела ни одного знакомого лица, не слышала привычных воплей маминых подруг.

— Хоть бы выжили, хоть бы выжили... Пожалуйста, хоть кто-нибудь... — шептала она, поднимаясь по качающейся уцелевшей чугунной лестнице. Лестница расшаталась, металл кое-где прогнул. Анька уцепилась за перила. Лестница, по которой она полжизни гоняла тысячи раз в день, вдруг стала висячим мостом между сегодня и вчера. Она шла в свое прошлое, замирая на каждой ступеньке. Чтобы лестница перестала дрожать и раскачиваться вместе с ее сердцем. Анька сглотнула.

Та же занавеска на дверях. Она стукнула в косяк.

— Да! Кто?! Да кого там принесло?! — раздался знакомый стальной голос Женьки.

Анька осела на стоящий у двери сундук. За эти простые двадцать три ступеньки она ослабела, как будто силы вытекали с каждым шагом.

— Шоб ты всрался — и воды и не было! — Занавеска распахнулась. На пороге с руками в тесте по локоть стояла ее сестра. Женька повернула голову.

— Анька?! Анечка!

Женька бросилась обнимать ее, смешно отставляя в стороны ладони.

— Анька вернулась!

На ее вопли выскочила Нюся Голомбиевская и, сжав обеих вместе с тестом в объятиях, в голос зарыдала:

— Девочка наша вернулась! Слава Богу!

Женька, хватая ртом воздух, вырвалась из Нюсиного декольте:

— Нюся! Я ж задохнусь! И тебя всю вымазала!

— Молчи, малахольная! Имею право! Я вам всем жопы мыла и на руках качала! Тем более на спине вымазала — мне не видно, — всхлипнула Нюся и принялась трясти Аньку:

— Деточка, ты где ж была? Ни слуху ни духу!

Аня нахмурилась:

— В Крыму я была.

И почти беззвучно добавила:

— В подполье. Жень, что с Ваней?

— Живой-здоровый! В Хабаровске с Ксеньей до сих пор. Пошли в дом.

После прочтения письма и телеграммы из Хабаровска, после нагретой выварки и купания в горячей воде, после праздничного обеда сестры, как 30 лет назад, вытирали намытую в тазу посуду до скрипа. Женька с полотенцем через плечо и беломориной во рту оглянулась на Аню, переставшую метать тарелки. Та, опустив ладони меж колен, сидела скрючившись и уставившись в одну точку.

— Ань? — окликнула ее Женька. Та молчала и продолжала легонько раскачиваться. С пальцев капала вода на пол и на тапочки.

Женька повела бровью и молча вышла в комнату. Вернулась с бутылкой абрикотина и двумя стаканами. Плеснула на дно янтарно-ароматной спиртовой настойки и подвинула стакан сестре:

— Ну давай... Что там у тебя стряслось?

Анька молчала, не мигая глядя в одну точку.

— Изнасиловали? Фашисты? Наши? Ну! — Женька поморщилась и отхлебнула из своего стакана. — Живая, целая, и на том спасибо. Ребенок жив, да чего ты?

Анька, не глядя на Женю, задумчиво произнесла:

— А говорят, снаряд в одну воронку дважды не падает... Они его выкинули...

— Кого выкинули?

— Выкинули как собаку, как хлам! — закричала она шепотом. — Прямо в теплушку! Как скот! И на рудники увезли! Больного! Без вещей, без еды... Ы-ы-ы-ы...

Анька по-детски скривила рот и наконец зарыдала.

Женька присела у ее ног:

— Кого выкинули-то? Ты можешь нормально сказать?! Ты что, еще кого-то родила?

Анька отрицательно замотала головой.

— Чекиста твоего, что ли? Он что, жив еще? Так его ж расстреляли вроде давным-давно?

— Не чекиста, Борьку, Боречку-уу...

— Какого Боречку?!

— Борю-ю Вайнштейна...

— В смысле — Боречку? Он что, живой?! Ну?!

Анька взяла у Жени из рук не стакан, а бутылку и, запрокинув голову, сделала несколько глотков, поперхнулась и опустила ее на пол.

— Уверена, теперь точно нет.

Не останавливаясь на таких мелких подробностях, как перевозка золота и бриллиантов, Анька, слабея и пьянея, рассказала, что это Боря ее спас после аварии, что потом они случайно встретились в Крыму и незаметно начался роман...

Женька поджала губу:

— Да уж... могла бы и рассказать, что Борька жив...

— Да тебе зачем? Ты замужем, счастлива.

— Моим врагам такого счастья, — буркнула Женя. — А дальше-то что? Это у него ты всю войну просидела?

Анька шмыгнула носом и кивнула.

— Я, я... не в подполье... я тифом заболела во время эвакуации, спаслась чудом... а потом Борины татары меня увидели и ему сказали... и он меня забрал... и-и-и... И я не была ни в каком подполье! Господи, какой позор! Я должна была родину защищать, а сидела как крыса позорная в доме. На улицу ночью выходила... Боря запретил. Он сказал, что меня тут каждая собака знает, и как коммунистку сразу расстреляют. Что он потом партизан найдет, а я... я... я испугалась... Он сказал: — Сдохнешь — Ваня сиротой останется. Мне его не отдадут. Ты должна сохранить себя ради нашего сына...

— Так Ванька от Вайнштейна? — Женя окаменела. — Вот это поворот...

Анька не услышала ее и продолжала рыдать:

— А я — сволочь, согласилась, но я даже не знала, жив ли Ванечка... и сидела, спряталась, не сражалась. Боже, какой кошмар!

— Да какой кошмар, мишигинер! — Женя твердой рукой абсолютно точно разлила остатки самогона по стаканам. — Повезло тебе. Выжила. На курорте. С едой, водой, в тепле, да еще и с хахалем своим под боком. Позора не терпела, с врагом под одной крышей три года не жила, плевки в спину не получала, как румынская подстилка.

Ты даже не представляешь, что здесь творилось. А у меня нож под рукой, и ствол Петькин. И одно движение — и нет их. А ты не можешь, потому что детей убьют. И живешь с этим ножом в сердце. И этим тварям в кабаке жратву подаешь, потому что детей кормить нечем. И ненавидишь всех. И себя, и мужа, и детей, из-за которых ты связана по рукам и ногам... Партизаны? Видела я их. В том же кабаке, который твоя сестра держит, а тебе гроши платит. Одна радость — объедков с тарелок немецких набрать и домой отнести. У нас малый Ижикевич больше герой, чем они. А еще тебя, блондинка, на расстрел не уводили из-за того, что мама еврейкой была, потому что у тебя три комнаты и тряпки довоенные. А потом, после освобождения, ты на допросах не стучала зубами от ужаса, объясняя смершевцам как посмела жена чекиста жить в одной квартире с оккупантами! Не гневи Бога, страдалица!..

— Женя... Он сотрудничал с немцами, — наконец выдохнула Аня и пошла красными пятнами, — а я знала!.. Знала и не сообщила после освобождения.

— А что ты хотела? Вором был, вором и остался. За что ему советскую власть любить? Что его бацию шлепнули? Я тебя умоляю! Боря всегда на гешефтах был. Ему все равно, с кого бабки брать. А что выкинули — так и понятно. Ты чего хотела? Чтоб орден за твое спасение выдали? Сотрудничал — получил! И вообще, — Женька прищурилась и понизила голос: — Ты труп его видела? Похоронку получила? Так не вой! Он живучий, как клоп. Тогда от расстрела спасся, а в Азии, или куда там их увезли, и подавно выживет. Не гимназистка.

Анька всхлипнула и обняла Женю. Та осторожно похлопала старшую сестру по плечу:

— Иди ложись, я постелила. Иди. Уже все хорошо. — Она отодвинула от себя Аню и понизила голос: — И не трепи никому ни про Бору, ни про свои посиделки, если хочешь Ваньку дожидаться живой. В подполье была — и все. Никто сейчас доискиваться не будет. Не до тебя сейчас.

Когда Анька ушла в спальню. Женя забрала ее недопитый стакан и, закурив, медленно отпила.

Вглядываясь в черные дворовые тени и редкие звезды над крышей Гордеевской квартиры, она прошипела:

— Ах ты ж шалава... От Борьки моего у нее сын. Ну-ну...

Евгению Ивановне Косько не нужен был Вайнштейн. Тем более вне закона, тем более после всего пережитого с Петькой. Но тут был вечный сучий женский кодекс, который четко сформулировала Лидка: «Мы не отдаем свою собственность. Даже ненужную». Анька нарушила все женские понятия, закрутив с Борей и даже не спросив, не узнав ее мнения. Она-то видела, как Женю штормило после расстрела Вайнштейнов. Это она, Женя, — козырная Шейне-пунем, красивое личико, а не блеклая Анька. Это ради нее Борька потерял Одессу и карьеру. Ради нее, а не Ани. И не важно, что прошло почти двадцать лет. У женской ревности и обиды нет срока давности.

Вор у вора...

В родной горотдел НКВД Василий Петрович по кличке Ирод пошел в начале июня — почти через два месяца после освобождения Одессы. Он достаточно точно рассчитал срок, за который его коллеги примут огромное количество отчетов о героической деятельности в период оккупации, рапортов о верности и любви к Родине, доносов и заявлений на друзей и соседей и просто устанут от количества и однообразия этих бумаг.

При входе дежурил боец с автоматом. Василий Петрович представился дежурному, совершенно замотанному капитану с рукой на перевязи, своим довоенным званием и должностью и попросил проводить к начальнику. Вопреки просьбе его отвели в первый слева кабинет, где раньше обитали в ожидании вызова его костоломы.

В помещении с разбитыми окнами, кое-как заклеенными старыми газетами, он увидел лейтенанта в летной гимнастерке, который что-то писал. Подняв удивленный взгляд на Ирода, тот огорошил:

— Я не вызывал вас. Или вы решили чистосердечно покаяться, облегчить, так сказать, душу и заодно работу следователя? — Водянистые светло-голубые глаза изучающе-насмешливо скользнули по фигуре Ирода.

— Нет, я пришел за новым назначением, просил проводить к начальнику горотдела, дежурный привел к вам, наверное, что-то перепутал, бедолага, — на автомате, ничего не понимая, доложил Ирод.

— Нет, не перепутал. Здесь я решаю, кто идет к начальнику, а кто в камеру, — усмехнувшись одними губами, сказал лейтенант.

— Да ты знаешь, кто я такой? Ты понимаешь, с кем говоришь?! — сдавленным от ярости голосом просипел Ирод. Он задыхался от гнева:

— Конечно знаю, слышаны о ваших подвигах, такого количества заявлений у нас еще ни на кого не поступало, и я только ждал, когда придет копия личного дела из Центрального архива, ваш-то архив сгорел перед оккупацией. — С этими словами следователь не глядя достал из верхнего ящика стола толстенную папку с завязками.

— Вот оно, родимое, — он слегка прихлопнул своей миниатюрной ладошкой по обложке с надписью «Личное дело», и хотя

фамилия была прикрыта этой ручонкой, но надпись каллиграфическим канцелярским почерком «Василий Петрович» и снизу в скобках «Ирод», прочиталась легко.

— Да будет вам известно, я был оставлен на подпольной работе по решению Москвы. Дайте запрос в контрразведывательное управление, там все мои рапорта и донесения есть, — напористо начал было Ирод.

— А как же, я везде разослал нужные запросы, скоро придут ответы. Но если вы будете так настаивать на своей невинности, я в ближайшие час-два систематизирую все материалы, что поступили на вас, доложу начальнику, и он решит — вызывать повесткой или автозак высылать. Так что пока можете быть свободны. Ждите вызова... ну или еще чего, — добавил лейтенант после многозначительной паузы. Он явно наслаждался ситуацией и своей властью над Иродом.

Вот тут Василий Петрович испытал настоящий животный страх. Его до смерти напугал не этот лейтенантик с явными садистскими наклонностями, других сюда и не брали, не выживали здесь они, ни возможные допросы — он был к ним готов. Его напугала возможность вот так просто, на основе доносов попасть в мясорубку собственной конторы, откуда можно никогда не выбраться, потому что после допросов третьей степени от человека оставался только кровавый кусок мяса.

Он не помнил, как дошел домой, как закрыл все двери на все замки и засовы и спрятался в своей пещере под домом, обложившись оружием, вкрутил запалы во все гранаты, что были под рукой, твердо решив, что если приедет автозак или эмка горотдела, взорвать их к чертовой матери, подорвать стену в пещере и уходить в сторону Хаджибейского лимана, в Усатово.

Так прошел день, второй, третий. Напряжение понемногу отпускало, страх не ушел совсем, он стал каким-то привычным. Потом, выйдя в город, чтобы пополнить запасы еды, он вдруг понял, что ничего не будет, что бояться нечего. Самое худшее миновало. Он готов ко всем неожиданностям, и как только отменят запреты, надо уезжать. Куда угодно, туда, где его не знают. С его капиталом можно и в СССР неплохо прожить.

Со временем пришла и укрепилась надежда на благополучный итог его дела, он снова уверовал в свою судьбу.

А на исходе 1944 года, в последних числах декабря Василий Петрович затосковал. Он был достаточно безжалостен к окружающим, равно как и к самому себе.

Не раз и не два долгими зимними вечерами он неоднократно пытался четко сформулировать причину своего неудовольствия...

Вот ведь, казалось бы, в его личном распоряжении находятся ныне огромные суммы в самой разной валюте, драгоценности, мануфактура, продовольствие, да чего там только не было в этих тайниках, закладку которых курировал он лично, и только у него были точные координаты этих закладок в катакомбах. Трудно даже представить, насколько огромны, особенно в нынешнее беспокойное время, его богатства... Да, часть этого состояния была использована по прямому назначению, часть — разграблена местными, часть — просто сдали оккупантам непосредственные участники обустройства закладки тайников.

Но и он не сидел без дела — одна операция с купчей Беззубов на виноградник чего стоила!

За два осенних месяца он несколько раз брал под нее кредиты через своих людей в местном отделении «Дойчебанка» и тут же перепродавал его втридорога жуликоватым румынским негодьям, которые специализировались на поставках зерна в действующую армию — подобные операции приносили огромный барыш, и негодья были согласны на любые проценты — прибыль все равно была непомерно большой и с лихвой покрывала все самые сумасшедшие проценты, а самое главное — кредит от «Дойчебанка» открывал для таких купцов доступ в высшую лигу — военные поставки всегда и во все времена очень лакомый кусок, вот потому Ирод и не стеснялся, заламывая неслыханные проценты.

Не забывал он и о «государевой службе» — сеть агентов Ирода бесперебойно обеспечивала оружием, взрывчаткой, продовольствием, одеждой и медикаментами несколько партизанских отрядов, которое базировались в Усатовских катакомбах.

Была налажена агентурная работа, сбор информации, было несколько удачных вербовок среди младших офицеров, даже два

адъютанта из румынского штаба попали в его сети, хотя в этом случае не обошлось без курьезов, или «карамболей», как он их сам называл...

Верный своей привычке — всегда оставаться в тени, на этот раз он лично принял участие в вербовке: уж больно они ему понравились — ухоженные, в отлично подогнанной форме, обладающие безукоризненными манерами и кукольно-красивые... Ну не смог Василий Петрович совладать со своей страстью и пошел на сближение.

Очарования, страсти и желания обладать этими красавцами хватило ненадолго. Что касалось постели, они были безупречны — чутки, отзывчивы, легко и непринужденно угадывали и исполняли каждую его прихоть и неизменно восторженно и с неподдельной благодарностью принимали его дорогие и изысканные подарки, но этим вся их ценность исчерпывалась.

Как источник даже мало-мальски полезной информации эти два сладких павлина, несмотря на то что служили в штабе, были абсолютно бесполезны. Кто-то из высокопоставленных родственников просто приткнул этих отпрысков древнего княжеского рода на непыльное место, чтоб пересидели войну вдали от фронта.

Ирод очень быстро пресытился ими и, решив избавиться, столкнулся с серьезной проблемой — они частенько кутили в разных ресторанах города, неоднократно появлялись в разных местах одной компанией и, если б что-то с ними вдруг случилось, первым сигуранца проверяла бы его, а вот тут могло бы всплыть много нежелательных моментов. И вздернули бы его на Александровском на раз-два. Второе — за каждого убитого офицера казнили 100 жителей без разбора, что вызывало крайне негативную реакцию населения и окончательно отталкивало от подполья простых одесситов.

Сложив эти два факта, Ирод направил в Москву предложение: впредь устранение офицеров и солдат оккупантов проводить, маскируя под несчастные случаи, для чего затребовал к себе двух опытных ликвидаторов. Первая пара оказалась тупыми палачами из расстрельных команд. Их пришлось от греха подальше просто сдать сигуранце через подставных лиц. Вторая пара — чуть лучше, но Одесса — портовый город, и они, попав в круговорот черноморских соблазнов, устроили перестрелку с местными бандитами на побережье и были просто расстреляны прибывшими на место жандармами. А вот

третий, старый угрюмый одиночка, бывший сотрудник секретной лаборатории при НКВД, уникальный знаток растительных ядов, оказался именно тем, кто был нужен Ироду.

Прожившие лишних три месяца на этом свете из-за чрезмерной переборчивости в средствах Ирода два румынских павлина спокойно отошли в мир иной, отравившись устрицами в самом шикарном ресторане Одессы, а Василий Петрович записал на свой боевой счет устранение двух офицеров из штаба.

Потом было еще несколько подобных случаев в разных уголках города, но ни один из них не стал причиной массовых казней, и Ироду был выдан карт-бланш на все подобные акции в городе.

А потом была та самая встреча с бывшим однокашником по Пажескому корпусу. Он был из обрусевших немцев остзейского баронского рода Розенов, носил гордое имя Вильгельм, но так ничем и не проявлял себя настолько, что даже клички не удостоился за все годы обучения.

Так вот этот Никто баронского рода с гордым именем Вильгельм предстал перед Иродом в одесском кафешантане в обычной серой форме, но с дубовыми листьями в новых петлицах.

— Крючок, ты ли это? — на чистом русском языке возопил немец, хлопнув Ирода по плечу.

— М-м-м-м... Вильгельм? — с трудом выудил из памяти имя однокашника Ирод, лихорадочно вспоминая его полную фамилию: «Фон — чего-то там, барон... Розен?! Розен!!! Чтоб тебе пусто было»... — выдохнул он про себя.

— Каким ветром тебя занесло в этот приморский городишко? Встречал кого-то из наших? Ты тут по службе или как? Ну рассказывай, рассказывай... — сыпал вопросами немецкий полковник.

— Ого, ты уже штандартенфюрер! На каком фронте сейчас? В отпуск или по службе? — в свою очередь наседал Ирод, чтобы не отвечать на вопросы однокашника, при этом лихорадочно считая варианты: «Арест? — нет вроде... Встреча подстроена? — похоже, нет... Радость — вполне искренне выглядит, такое сложно сыграть... Кто-то опознал и сдал? — вряд ли, тогда бы меня сигуранца или гестапо тихонько выволокли на улицу... или *не* тихонько...»

А Вильгельм заливался соловьем: он в Одессе по службе, а тут пришло сообщение о повышении, вот он и зашел отметить новое

назначение и звание...

— Меня повысили, теперь я — старший инспектор у адмирала Канариса.

«Ого... абвер... не верю я в такие совпадения, уж больно удачно все как-то», — промелькнуло в подсознании у Ирода.

— Инспектор? Старший? Тебе, русскому, пусть и фольксдойче, доверили проверять немцев? — поддержнул его Ирод, но тут же снизил накал беседы: — Хотя, если ты получил оберста на третьем году войны, то вполне возможно...

— На пятом... наша война идет уже пятый год, дорогой Крючок, неправильно считаешь, ты стал сдавать, изменяет тебе твоя хваленая дедукция, и — штандартенфюрер это не оберст, — надменно процедил барон фон Розен.

— Ну что поделаешь, ты прав — возраст, да и путаюсь я в ваших званиях. Прости меня, мой друг, позволь поздравить тебя от всей души, могу представить, как тебе пришлось рвать жилы, чтобы занять такой пост, сколько к тебе было претензий от истинных арийцев, — сменил тон беседы Ирод.

— Ну что скрывать — было, есть и будет всегда, но теперь мне полегче станет. Теперь надо мной всего два начальника, — мой руководитель и лично адмирал. Всё, больше я никому ничего не должен, — вдруг с болью произнес он.

— То есть? Ты про деньги? — сделал стойку Ирод.

— И не только — кратко ответил барон. — Ладно, давай выпьем, а? Так, как раньше, в былые годы.

— А давай! Нам есть что вспомнить... — поддержал инициативу Ирод. — Только уговор: я угощаю — на правах хозяина. Как ты сам сказал: ты гость в моем городе.

— Неожиданно... и щедро... — задумчиво протянул гость.

— При барыше я нынче, как говорили наши предки, хорошую сделку провернул, — беспечным тоном ответил Ирод. — Так что гуляем.

— Ты — и коммерсант?... Это как же?... — удивление барона было неподдельным.

— Ничего удивительного в этом не вижу, ты не подумал, как бы я смог выжить в этой стране, имея Пажеский корпус за спиной? Да меня

к стенке прислонили бы в два счета, если б узнали о моем происхождении!

— Как? Мне говорили, что ты эмигрировал в восемнадцатом или девятнадцатом после фиаско в Крыму.

— Как видишь, нет. У тебя неверные сведения, — сухо произнес Ирод.

— Боже, боже, у тебя такие блестящие перспективы, такие возможности были! Как же я тебе завидовал, как я хотел быть таким же, как ты... — разочарованно протянул полковник.

— Что было, то быльем поросло. Зато ты времени зря не терял и кое-чего достиг. Теперь можешь почивать на лаврах, — перевел беседу в более приятное русло Василий Петрович.

— Почивать??? Ну, если честно, кроме лавров, ничего больше и нет. Паек, достаточно скромное денежное довольствие и постоянные разъезды — у меня и дома-то своего до сих пор нет. Казармы, гостиницы, какие-то съемные квартиры — вот нынче мой дом. У меня даже гражданской одежды нет. Старая сносилась давно, а новую я не покупал, ни к чему, — с ноткой грусти поделился однокашник.

— А командировки у тебя только в прифронтовые зоны? А в Европе бываешь? — забросил пробный шар Ирод.

— Ты с какой целью интересуешься? — моментально напрягся абверовец.

— Чуть позже поговорим, на трезвую голову, есть у меня что тебе предложить. — Ирод снова стал Крючком — именно так, за дьявольскую хитрость, изворотливость, тонкий аналитический ум и феноменальную память прозвали его в Пажеском корпусе.

— А скажи мне, ты кого-нибудь из наших встречал за эти годы? А то я как-то растерял всех. Знаю, что много у Врангеля было, кто-то в эмиграцию подался, несколько человек пошли служить к красным, стали военспецами, наставниками лапотников и биндюжников, — перевел он разговор на другую тему.

— Сейчас говори, я завтра улетаю во Францию, вернусь в Одессу через месяц, не раньше, — попытался вернуться к прежнему разговору полковник.

— Ну вот и лети, служба — дело святое. А как вернешься, так и поговорим, — не сдался Ирод.

А через месяц он молча положил на стол сто царских червонцев и сказал обалдевшему абверовцу: — Это так, для начала разговора, получишь много больше, если переправишь мой груз поближе к Швейцарии и выправишь мне разрешение на проезд туда же, для лечения, медицинские справки я тебе любые предоставлю.

— Что за груз? — Полковник смотрел прямо в глаза Ироду.

— Золото в слитках и монетах, — последовал безразличный ответ.

— Камни, драгоценности, произведения искусства? — второй вопрос.

— Нет, только золото.

— Какой вес? — третий вопрос.

— Стандартные немецкие патронные ящики, ну, стандартного веса, 45 кг. 4 штуки.

— Ого...

— Твоя там четвертая часть. Один ящик. Вот тебе твоя пенсия, еще и внукам останется. Остальные не трогать! Найди надежное хранилище, если не сможешь, скажи, мои люди найдут, — для острастки приврал Ирод.

— Так что ж твои люди тебе не помогут и золото переправить?

— Так сможешь мне или нет? — спросил Ирод вместо ответа.

Вильгельм долго сидел молча, только передвигал монеты по одному ему ведомому алгоритму, складывал их в непонятные узоры, потом, отодвинув всю кучку золота от себя, сказал:

— Я подумаю, ответ дам через три недели. — Надел шинель и пошел к выходу.

— Ты монеты-то забери, — запоздало сказал ему вслед Ирод.

— Нет. Потом, — услышал в ответ.

Через три недели, минута в минуту, раздался негромкий стук в дверь. На пороге стоял улыбающийся фон Розен. Он сразу взял быка за рога:

— Где мои монеты? — весело воскликнул.

— Ну, не тяни, что решил, берешься? — спросил Ирод.

— Да. Я все придумал, место хранения — шале моих дальних родственников в предгорьях Альп, с нашей стороны. Ближе не могу ничего найти. Но там место тихое, практически безлюдное сейчас из-за войны, они и мой ящик посторожат, пока суть да дело, — отрапортовал Вильгельм

— Когда? — задал самый главный вопрос Ирод.

— Как только оформим тебе разрешение для выезда на лечение.

Получение разрешения на выезд затянулось надолго, было много проволочек и задержек, везде пришлось платить, и немало, и лишь к середине января 1944 года все нужные бумаги были у Ирода на руках.

Все было готово к отъезду. Фон Розен заранее забрал ящики, чтобы быть готовым в любую минуту погрузить их в вагон литерного поезда, на котором вывозили документы разведшколы в рейх, потому что абверовцы четко знали, что сдача Одессы неминуема и счет идет на недели. Ирод мог давно уехать, но хотел дождаться отправки золота и уже тогда стартовать, потому что без этого в предгорьях Альп ни с этой, ни с той стороны делать ему было совершенно нечего. А пока восстанавливал в памяти знания немецкого, английского и французского языков — практиковался при каждом удобном случае.

Ожидание затянулось, командировки барона случались все чаще, но он каждый раз уверенно обещал, что вот-вот он подаст условный сигнал, и вдруг... исчез в одночасье. А когда начался авианалет на порт, когда по улице проскакали казаки штурмовой группы генерала Плиева, к Ироду пришло понимание, что однокашник и компаньон обманул своего соученика по кличке Крючок самым наглым и беспардонным образом, скрывшись в своем литерном вагоне вместе с его золотом.

Не было такой кары, которой он не пообещал абверовцу, если б довелось бы еще раз встретиться... Такого поражения Василий Петрович не испытывал никогда в жизни. Нет, он не обнищал в одночасье, у него осталось еще довольно много драгоценных камней, которые он планировал вывезти сам, подкупая по пути следования всех контролеров и проверяющих, много валюты разных стран, продовольствия и медикаментов, которые в такие времена ценились дороже золота и бриллиантов. Но все это было не то... Ирод последние несколько месяцев в мыслях жил в какой-нибудь невоюющей стране, пусть не в Европе, не страшно — с его капиталами он мог неплохо устроиться в любом уголке земного шара. А теперь какой-то никчемный баронишка украл у него эту выстраданную мечту...

Ирод переждал штурм Одессы в персональном укрытии под домом, которое он соорудил с помощью своих агентов, отгородив часть глубокой пещеры одесских катакомб. Это было удобно: в случае

опасности стенка разбиралась или даже подрывалась, и он мог под землей пройти до Усатово или выйти на безлюдном берегу Хаджибейского лимана. По пути в укромных ответвлениях было обустроено несколько мини-складов с оружием, продовольствием и медикаментами на любой, даже самый непредвиденный случай. В долгие минуты ожидания, придумывая самые разные пытки для своего обидчика, Ирод пытался угадать, где тот мог спрятать золото и спрятаться сам. Мысленно представлял их встречу, свой триумф. Злоба закипала в нем совершенно нешуточная. Попустило Василия Петровича только через неделю, да и то чуть-чуть, но и этого хватило, чтобы вернулось ощущение реальности происходящего, и Крючок включил свою логику на полную мощь. Главный вопрос: как теперь уцелеть, не попасть в мясорубку к коллегам, которые сейчас развернутся на полную катушку, не схлопотать пулю в ночных бандитских гоп-стопах и не нарваться на какого-нибудь отставшего от своей части, затравленного и испуганного солдата или потерянного в суматохе штурма полицая...

И вдруг он вспомнил еще об одном деле, которое просто отменил за ненужностью. Его ликвидатор просил выручить свою самую одаренную ученицу, он ее разыскал в городском госпитале, в ожоговом отделении, после ранения при авианалете в районе порта. Ирод тогда ничего не обещал своему подручному, более того — наведя справки об одаренной ученице, выяснил, что последние два года она работала лаборантом-регистратором в экспериментальной лаборатории в концлагере в Доманевке, курировала испытания ядов в различных концентрациях и препаратов на их основе на заключенных. При всей нелюбви Василия Петровича к людям такое было табу даже для него. Да, были некие смягчающие моменты в этом деле, по своим каналам он выяснил, что пойти в лабораторию ее заставили комендант лагеря и его заместитель, приставив вальтер к голове ее пятилетнего сына и угрожая пристрелить его, если она откажется сотрудничать. Барышню эту знали многие в Одессе, она писала диссертацию по пищевым ядам и отравлениям и побывала во всех лабораториях всех одесских заводов, которые хоть как-то были связаны с производством продовольствия. Так что подозреваемых, кто мог донести немцам о ее существовании, было полгорода.

Но тогда, в свете предстоящего отъезда, Ирод счел ее лишней обузой — ну зачем она ему? С собой брать?

А вот теперь ее шансы невероятно возросли. Дедушка — ликвидатор штатный, завтра поступит новый приказ от руководства — и он исчез. А Ироду свой, до мозга костей преданный «чистильщик» еще очень даже может пригодиться. Так неожиданно шансы на спасение для химички-отличницы из призрачных стали более чем реальными. Операцию по спасению этой тетки Ирод прокрутил в считанные дни. Сначала он, верный себе, навел подробные справки о состоянии здоровья пациентки. Все оказалось гораздо проще, чем ожидалось: у бывшей лаборантки ожоги довольно сильно повредили кожу на большей части лица и плече. Она была в сознании, и прогнозы на выздоровление были очень обнадеживающие. Так что понадобилось только купить документы на другое имя у делопроизводителя госпиталя и ночью перевезти пациентку из палаты на квартиру к дедушке, поклявшемуся выводить свою любимую ученицу, которую неожиданно сентиментально назвал «доченькой», в самые короткие сроки.

Так у Ирода и появился свой «карманный» ликвидатор. А у химички — новое лицо и новое имя.

Бог палкой не бьет

Муся в ужасе выходила из квартиры Полонской. Почти все жители двора вышли смотреть.

— Пожила в старухиной комнате на халяву? — буркнула Гордеева с галереи. — Получай, скотина! Бог палкой не бьет!

Муся рыдала и тряслась:

— Я шо?! Товарищи! Кого вы слушаете?! Эта старуха вообще немцами командовала! А те две и Косько с двенадцатой с румынами жили. А я ничего не сделала!

— Еще как сделала! И за что? За комнату вонючую! А повесьте ее в сквере через дорогу, чтоб патроны не тратить! — глядя в глаза Мусе, крикнула Аська.

— На шо она нам в сквере — шоб воняла, как при жизни, только сильнее? — отозвалась Нюся.

Дашка, Муськина подруга по комнате и белошвейному делу, не вышла, она выглядывала, обмирая от страха из окна комнатки на втором этаже.

— Пошла, гнида! — Патруль брезгливо подтолкнул Мусю прикладом, как будто боялся запачкать пальцы и прикоснуться, заразиться... — Разберутся с тобой. Не сомневайся! Со всеми предателями разберутся! — строго прикрикнул он во двор.

— Думаешь, это она меня сдала в сорок первом? — спросила, не поворачиваясь к Нюсе, Женька.

— А кто ж еще?

— Была б уверена, сама бы застрелила еще неделю назад, — произнесла в никуда Женька и пошла домой.

— Лучше б ты этому дураку Григору яйца отстрелила, — вздохнула Нюся. — Вот что мне теперь делать?

— Снимать штаны и бегать, — хмыкнула Женька. — Пусть рожает. В двадцать два примы из нее все равно не получится.

Нюся осталась одна на коридоре и вздохнула в окошко дочери:

— Может, Котька Беззуб вернется? Вы ж там по малолетке крутили амуры... Хотя... кто ж на тебя, дочечка, с прицепом румынским теперь позарится...

По этану

Если бы Вайнштейн знал, как его оплакивает Аня и как бесится Женя, он бы обязательно расцвел своей неотразимой улыбкой фартового одесского пижона. Эти женские эмоции его бы точно согрели, хотя тепло ему сейчас было без надобности. Боря ехал практически плечом к плечу с плачущими, истекающими потом, адреналином и смертным ужасом людьми на полу теплушки, которая увозила «татарских предателей-коллорабационистов» на новые поселения. Мужчин было меньше трети, в основном — женщины с детьми и старики.

Он не замечал пропитанных за неделю пути своими и соседскими испражнениями штанов, липкой вонючей рубахи, не чувствовал зуда и жжения от опрелостей и укусов вшей. Вайнштейн лихорадочно думал. Да, конечно, за те пятнадцать минут, которые ему дал на сборы отряд НКВД, он взял самое нужное и ценное, показательные часы с парой колец, чтобы если отнимут — дальше не обыскивали, и несколько камешков. Остальные оставил — не успел. Дома он камни не хранил, но шепнул Аньке, где половина. Несмотря на всю свою легендарную кошачью лень и любовь к комфорту, он оставался хищником. Аньке он сразу все объяснил, почуял своим воровским инстинктом за неделю. Но расслабился, не ушел, не спрятался. Не думал, что его в такой глухомани тоже заметут, да еще и так лихо, в четверть часа. По Бориной легенде, она, оправившись от тифа, добралась до партизанского отряда в горах, но весь отряд погиб на операции. Анька была ранена и еле доползла до села, где ее вы́ходил Боря. Мол, узнал по комсомольским рейдам и лекциям и спрятал от фашистов.

Анька сразу воодушевилась, что тогда Боря — герой, и он уцелеет. — Да не смейся! Мой моральный облик тут каждая собака знает. Посмотрим, как карта ляжет, а я на дно. Только пару дел в Джанкое закончу и сдрысну отсюда.

Не успел. Красиво сработали: так, чтоб не один город, а целый народ в два дня вывезти из Крыма, никто даже представить не мог.

Давно, видать, готовились. Начали утром восемнадцатого мая и к 16.00 двадцатого выгребли всех.

Отряды НКВД заходили в дома и давали на сборы пятнадцать минут, ну, двадцать на семью. Люди, которые заселялись в «освободившиеся» дома, в ужасе находили еще теплые печки и неубранные постели. Официально разрешалось брать с собой полтонны вещей, а домашний скот, сельхозоборудование велено было оставить. Выдавались обменные талоны. Мол, по предъявлении на новом месте получите в полном объеме.

Никто не разбирался — виновны-невиновны, сотрудничали с немцами или нет. Независимо от возраста всех — от младенцев и детей до дряхлых стариков — вывезли. Дорога шла на восток.

Госкомитет обороны предписывал к первому июня отправить всех татар Крыма в Узбекскую Советскую Республику. Чекисты управились на неделю раньше.

Основная часть доживших будет выгружена в Узбекистане, поближе к рудникам. Часть поедет дальше, в Таджикистан и Казахстан в спецпоселения за колючей проволокой. Некоторых закинули на Урал, в Молотовскую область и в Марийскую АССР.

Боря еще не знал, куда их везут — страна огромная. Он лично делал ставку на таежные лагеря. Значит, надо рвать, пока не довезли до пункта назначения или не пустили в расход раньше.

Радовали две вещи — если неделю везут и до сих пор не расстреляли — значит, убивать пока не собираются. И второе — Анька уцелела, значит, если его сын выжил — она Ваньку точно найдет.

Любил ли он Аню? Страсть давно угасла. Ему всегда нравились норовистые, с перцем, языкатые и дерзкие, как Женька. Анька — не его типаж, но с ее революционным сдвигом, чудесным спасением и внезапной долей в бриллиантовых гешефтах она увлекла и восхитила, стала подругой по оружию, а когда еще и подарила ему наследника, он растаял. Но годы войны, вечно ноющая, махнувшая на себя рукой, практически рабыня перестала вызывать в нем прежнее желание и тем более уважение. Да, как и положено, он нес ответственность за мать своего сына. Но не более. Включились семейные воровские законы касательно женского пола — баба не человек.

Борька поморщился — вонь кругом нестерпимая. Сменная одежда была рядом, под рукой, но он ее берег. Неизвестно, сколько дней и недель еще болтаться. Вагоны останавливались раз в сутки на пустых, чтоб не сказать пустынных полустанках. Бежать некуда. Из вагонов

сбрасывали трупы, с которых соседи, проехавшие с покойником последние часов двадцать, успевали снять все ценное вместе с тифозными вшами. Подкупать охрану чтобы узнать куда их везут, — без толку. Увидят, что есть ценности, — отнимут и завалят, не раздумывая.

Рядом тихо бредил мужичонка в очках. И все рассказывал, что он не виноватый, что командировочный, и документы имеются... Не жилец, — спокойно разглядывал его Боря и ювелирным, практически незаметным движением выудил из внутреннего кармана болящего фраера документы в платочке. Бросил глаз в паспорт и красную корочку. Все понятно: попал мужик под раздачу. Вот уж действительно не в том месте, не в то время и главное — не с той фамилией.

«Кто этих татар считает?» — подумал Вайнштейн, глядя на соседа, и расплылся в улыбке. Его немного лихорадило, но в такой духоте и вони это было немудрено, тем более, что его план был гениально простым и, как всегда, по-блатному дерзким. Боря достал из кармана свою справку с анкетными данными. После очередной замены паспортов с годовых на трехлетние в тридцать девятом он помимо паспорта за очень солидный подгон участковому получил еще на всякий случай справку, выданную «со слов»: якобы после утери паспорта.

Боря бережно снял с доходящего командировочного очки, подхватил его под мышки и двинулся к дверям с воплями:

— Тут опять покойник! Да выкиньте уже его! Мы ж так все передохнем!

До пункта назначения — вольфрамовых рудников Кайташ в глубине Узбекистана — Вайнштейн не доехал всего три дня.

Он с воплями дотащил горячего мокрого соседа до конвойного и продолжил орать: — Да скиньте этого тифозного — весь вагон заразит!

Конвоир нахмурился и выставил штык вперед: — Ты нафига мне его припер? Шоб я сдох??! А ну тащи взад!

Боря шепнул: — Выкинь нас обоих на полустанке, — и сунул ему в руку золотое кольцо: — Еще добавлю...

Конвойный оглянулся — он был один, и гаркнул: — Убери остедова!

И тихо добавил: — Прикинешься трупаком — скину обоих через час.

Вайнштейн застонал и осел. Практически в обнимку с затихшим командировочным они лежали на полу. Когда вагон дернулся и остановился, конвойный наклонился над Борей:

— Лежи и не рыпайся.

Боря, прикрыв веки, сунул ему в руку второе кольцо.

Конвойный с подошедшим напарником обшарил карманы командировочного и Вайнштейна — подкупленный Борей вертухай хмыкнул и вытащил у него из внутреннего кармана часы.

Напарник отозвался:

— Да они еще теплые. Этот, — он ткнул Борю сапогом, — вроде дышит еще.

— Ага, давай до завтра подождем, когда он почернеет и потечет...

Вайнштейн рухнул лицом в каменистую насыпь, сверху шлепнулся труп командировочного.

«Вот сука, не мог трупака первым скинуть», — подумал он, но радость от чистого, пусть и горячего ветра уже прошла волной от ступней до макушки. Борис лежал не двигаясь, почти не дыша, еще час. Под крики конвойных, под вопли татарки, у которой отобрали мертвого младенца... Лежал окаменев, чтобы не дай бог не заметили, не добились...

Он поднимет голову, когда стук поезда совсем затихнет. Аккуратно положит лицом вниз своего «спасителя». Отряхнется, как собака, и пойдет вдоль рельсов в бесконечную жаркую степь...

Новый голос Мельницкой

После того как забрали Мусю, опустевшая квартира Полонской стояла запертой долго. Возвращались из эвакуации одни соседи, заселялись новые, и только эта дверь у парадной, которая с начала века была настежь в любую погоду вместе с ушами и ртом Софы Ароновны, стояла закрытой, обиженной, оскверненной и замершей в ожидании.

Но неожиданно у Софиной квартиры появилась новая хозяйка. Нюська была уверена, что это Софа с того света управила — из эвакуации вернулась Ривка. Без дочери. Та нашла себе несчастье, правда, непьющее, и уехала за мужем в Армавир. Гедалины конюшни и их опустевшую квартиру уже заселили новые жильцы.

— Так даже лучше, — задумчиво выдохнет Ривка, распахнув дверь квартиры Полонской, чтобы выветрился затхлый, сырой запах осиротевшего дома. — Я у себя даже заснуть без моего шлимазла не смогла бы. Я давно поняла, что его больше нет. Еще в сорок первом. Как оборвалось внутри. И холодно здесь все время, — она потеряла тощую грудину. — Одна я теперь, как Софа, видно, моя очередь двор сторожить и хай на всех поднимать. Тем более, что я теперь самая старая тут.

— Раскатала губу! — рассмеялась Нюська. — Почету захотелось? Ты сначала Лельку Гордееву переживи!

— А она что?..

— Она то. Правда, не выходит почти и роды не принимает. Но живая, шо та вошь у тебя на косынке. И такая же черноротая.

— О, ну так это мы можем исправить, — приосанилась Ривка.

— Это как же?

— Да я тут в горфинотделе прикинулась бодрой и молодой и записалась в бригаду домохозяек — чистить дворы от грязи и мусора и завалы расчищать. Так что рот трапочкой и ей, и Макару могу протереть. Он, кстати, не подох еще от пьянки?

— Да что с этим клещом станется! Отсиделся не пойми где и явился как герой-партизан. Видели мы, как он по винным погребам партизанил!

— Да, кстати, Нюся, ты бы тоже взбодрилась — в финотделе говорили, шо с четвертого июня уже заработают «Лондонская» и «Красная» для иностранных туристов. Может, вспомнишь молодость и подзаработаешь?

Нюська замахнулась, а потом схватила Ривку за седую голову и прижала к груди:

— Ах ты ж язва старая! Как же мне тебя не хватало! Не, ну а шо — вместе пойдем! Тем более что и рестораны пооткрывали, и в Горсаду концерты с таборными песнями обещают. А то мы просто

жить без них не можем! Гостиницы для иностранцев — это, конечно, самое важное, шо прямо первым надо открыть!

Нюська зря ворчала. Вместе с ресторацией на Карла Маркса и стадионом «Динамо» открыли продовольственные и хлебные магазины, уже в июне запустили два трамвая и отремонтировали скважины подачи воды. Правда, самыми первыми после освобождения открыли почтовое отделение и авиасообщение с Москвой и Киевом. И Женья теперь каждый день с трепетом ждала новостей от Петьки и мамы.

Маков цвет

Боря все шел и шел в полузабытьи, голодный, с распахнутым, как у рыбы, ртом и треснувшими губами. Сумерки вдоль железнодорожной насыпи вытекали из-под ног длинными синеватыми пятнами, как будто кто-то во дворе на Мельницкой плеснул из ведра на плиты водой, и побежали к решетке темные сужающиеся пятна...

Вайнштейн, накреньсь, со свистом выдыхая воздух, пытался догнать, наступить на край этого прохладного пятна, а потом тени растеклись Черным морем по степи, и он сбился с курса. За упавшей ночью Борька, плохо соображая от обезвоживания и усталости, давно отошел от рельсов и брел по степи, пока не рухнул без сил.

Проснулся от тычка сапогом в спину и спросонья выругался. Пинок повторился — Вайнштейн, придя в себя, резко вскочил, выдернув из потайного кармана выкидуху.

Перед ним, судя по одежде, был азиат в засаленном халате. Он стоял против солнца — лица не рассмотреть.

Первый обжигающий удар хлыстом выбил оружие из рук, второй — сбил ослабевшего Борьку с ног. «Узбек» присел, двинул Вайнштейна в ухо, так что тот выключился, перетянул ему руки и неожиданно легко закинул на низкорослую лошаденку. Борька болтался кулем на лошади и вспышками снова видел море. На этот раз невыносимо красное — маковые лепестки трепетали под порывами ветра, и было их до горизонта.

В полузабытьи он слышал какие-то голоса, один, начальственный, пробасил сипло:

— Скидай его пока что в кошару, не ровен час тиф или еще что, вон как губы-то обметало, сдается мне, лихоманка у него. Накажи стряпухе кормить с отдельной плошки и с другими не смешивать. Посмотрим, что да как, потом решим. Да развяжи ж его и напои вволю, видишь, совсем худо ему.

— Якши, хужайин (хорошо, хозяин), — ответил Борькин спаситель и, отведя лошадь в сторону, совершенно бесцеремонно скинул связанного Вайнштейна с коня на глинобитный пятак перед сараем из прутьев, обмазанных обсыпающей глиной.

Падение было очень болезненным, так как тело Борьки за долгую дорогу онемело, а связанные и потому занемевшие вконец руки и ноги не позволили хоть как-то смягчить удар о твердую площадку.

Он взвыл от боли и разразился такой долгой матерной тирадой, что в хозяйском дворе стих шум.

— Это кто ж там так затейливо маму и папу моего объездчика крестит и имеет направо и налево?.. — послышался тот же густой начальственный голос, в котором явно звучали веселые нотки. — Зря стараешься, гость дорогой, он все равно доброй половины слов твоих не понимает... Так что побереги свой богатый запас до другого раза.

Но последней фразы Вайнштейн не услышал — он снова впал в забытие.

Очнулся он от того, что кто-то вливал ему в рот тонкой струйкой холодную воду. Жадно захлебываясь, он начал глотать живительную струю.

А потом, ощутив на лбу влажную ткань, снова отключился.

Сколько продолжалось путешествие в мир беспомыслия, трудно сказать, много раз потом Борис вспоминал эти качели — холщовый холод на лбу, спасительная струйка холоднющей воды на растрескавшиеся губы — и опять забытие, и опять ткань — ручеек — сон...

Но как-то потихоньку болезнь отступила, и в один из дней Вайнштейн явственно стал слышать разговоры людей на улице и почти понимал, что происходит за плетеной стенкой его убежища.

Там шла обычная сельскохозяйственная жизнь — знакомые звуки однозначно подсказали, что рядом есть кузница, конюшня, и много людей постоянно что-то привозят и увозят.

Отгадка, кто чем занят и что происходит, пришла к нему сразу, как только он, шатаясь от слабости, попытался выйти из своего пристанища. Связки головок мака под навесами, множественные стеллажи и несколько огромных котлов с тлеющими под ними углями — вполне достаточно, чтобы оценить масштаб и ассортимент кустарного опиийного производства.

Вайнштейн наркотой не барыжил — не дорос по молодухе, когда возможности были, но процесс еще по жирным двадцатым и первым крымским вояжам знал неплохо.

Он сразу заметил все просчеты в примитивной технологии и моментально прикинул процент потерь при таком корявом процессе выпаривания опия-сырца.

— Эх, село оно и есть село... Это ж сколько срубить на этом можно при должной очистке, а не этих казанах закопченных... Сумасшедшие же деньжищи!!! Да, пожалуй, даже выгоднее золота и камушков будет... — пробормотал он себе под нос. А в голове у него уже моментально выстроились возможные варианты и комбинации. Хищно улыбнувшись, Борька перечислил все свои козыри, что жизнь снова сдала ему: самое главное — жив и почти оклемался, объездчики на плантации не убили, лечили, кормят, значит, я зачем-то нужен им, в общем, еще побарахтаемся...

Через два дня его приодели в ношенный, но чистый халат и привели на прохладную веранду хозяйского дома.

Вопреки местным обычаям, стол, за которым сидели четверо возрастных крепких бородатых мужиков славянской внешности, был на высоких ножках и овальной формы, перед ним три стула с высокими деревянными спинками и подлокотниками, четвертый — попроще, без подлокотников.

Для гостя моментально был поставлен такой же, без подлокотников, и последовало приглашение к столу.

Одновременно было подано нехитрое угощение и, после молитвы, произнесенной, как Вайнштейну показалось, с излишним пафосом, все приступили к трапезе.

Он, сдерживая себя с трудом, старался не хватать со стола, ведь точно знал, что к нему присматриваются, оценивают каждое его движение. Не укрылось от него и с каким вниманием смотрели все, как

будет положено крестное знамение после молитвы хозяйской «Отче наш». Изучают — значит... просчитывают...

Мозг Бориса считал варианты, как в былые времена: трое примерно одногодки, бороды лопатой, черкески старенькие, но опрятные, серебряные газыри начищены, серьга в правом ухе — последний в роду, по казачьим обычаям. Да и морды, хоть и дубленные солнцем дочерна, но глаза вылиняло-голубые, да и бороды с рыжиной.

Четвертый же — явно чужак в этой компании, но очень близок, судя по положению за столом, хотя и не ровня. Одет опрятно, халат атласный, под ним вполне славянская косоворотка. То, что за стол общий посадили, так нет тут никакого почета — у казаков всегда и хозяева, и наемные работники, и гости за одним столом харчевались. Традиция такая...

Ладно, решил он, есть кое-какие козыри в руке, а пока поем вволю, там побазарим, и пойму, кто чем дышит..

Три чарки, как и положено, были выпиты, и стол моментально опустел, а потом в комнату вошли около десятка молодых мужичков и две явно местные старухи ну очень преклонного возраста, все в каких-то амулетах, с маленькими мешочками на поясе и с кучей непонятных украшений и спереди на одежде, и на спине. Им подали отдельные стулья и усадили в самом дальнем углу.

— Ну что ж, рассказывай, мил человек, кто ты, откуда и что тебе надо в наших краях? — раздался уже знакомый бас из-за стола.

— Да долго рассказывать, может, как-то другим разом? — спросил Борис.

— А мы не торопимся, да и тебе пока что некуда... Так что давай, по порядку, времени у нас хватает.

— Не торопитесь? Вот потому вы и деньги теряете, производство у вас — каменный век, всё надо менять... — начал было с места в карьер Вайнштейн, но на самом взлете его пламенной речи пресек обладатель густого баса:

— За то позже погутаим, ты отвечай на мой вопрос, а мы слушаем.

На веранде повисла тягостная пауза, все мужики дымили самокрутками нещадно, но привычного аромата конопли или еще чего Борис не учуял, что показалось ему странным. Как же так? У воды жить и не напиться? Непонятно...

И, махнув на все рукой, рассказал он все, начиная, правда, с татарского периода, став между делом братом того самого Юсуфа.

Рассказал, как в одночасье всех погрузили в вагоны и повезли неизвестно куда, как умирали от жажды и голода в вагоне, как подменил документы, как подкупил конвоира... И завершил словами, что, мол, остальное вам известно. И, помолчав чуток, снова заикнулся про то, какие возможности упускают его благодетели и спасители из-за своей дремучести, что надо все менять и переделывать...

И снова его вернул на землю голос старшего в этой компании:

— Ты, мил человек, ступай к себе, нам тут поговорить нужно промеж собою, завтра поутру продолжим, — Борису снова указали его место.

А на следующий день его пригласили уже в дом. В большом помещении с купеческой роскошью и хорошей ресторанной сервировкой был накрыт огромный стол, а вот собеседников нынче было всего трое — те самые, в черкесках с газырями, четвертого не было. Ну вот и хозяева нарисовались, моментально отметил Борис.

Последовало приглашение «отведать, что Бог послал», затем молитва и традиционные три рюмки. После того, как на стол подали медальный самовар, перешли к беседе, причем старший сразу обозначил:

— Ты рассказываешь нам все, что хотел сказать вчера, а мне пришлось не единожды дать тебе окорот, потому как не для всех твой рассказ нужен.

— Ну так для того, чтобы все наглядно показать и объяснить, я должен понимать, сколько чего собирается, сколько сырца, сколько чистого опия добывается...

— Не гони коней, паря, всему свой час, рассказывай по порядку, ежели чего не поймем, попросим, чтоб понятно растолковал.

Борису четко дали понять, что приглашение в дом — это отнюдь не признание его, а обычная осторожность умудренных житейским опытом людей. Вот тут и пришло понимание, что сейчас решается его судьба, и козырей у него снова нет. В такие моменты Вайнштейн всегда испытывал особое состояние подъема, цирковые называют его куражом, вот на этом кураже он и начал свое повествование, которое, как потом выяснится, стало для него не просто судьбоносным.

— Значит, так, первое. Я смотрю, у вас огромные навесы, куча мака на просушке, а головки разного цвета — это потери, потому что надо надрезать их через три недели после цветения — в эти дни в маковой головке максимальная концентрация опия, и срезать их, или собирать «слезы мака», как говорят татары, на следующий день — это неперемное условие. А если головки разного цвета, то есть собраны в разной фазе, значит, потери опия, значит, потеря качества, значит, меньше денег будет получено при реализации. Подобный товар нужно на рынок выдавать с высоким качеством, это залог успеха и больших денег.

Второе. Те три старых котла, что используются для очистки опия-сырца, немедленно выбросить — выпаривание нужно производить в котлах с плоским дном, на ровном жару, для чего нужны плоские камни, на которых и будут стоять новые котлы, а огонь пусть греет камни, а не дно котла. На первых порах такое вполне подойдет.

Третье. У вас есть глина, есть камни, сложите хорошие печи, и пусть работники круглосуточно поддерживают в них огонь, используйте для этого уголь, если есть железная дорога, значит, есть уголь. Или любое местное топливо, я не знаю, чего у вас тут горючего в избытке...

В этом месте старший, крепыш-казак, что сидел в центре, поднял вверх указательный палец и издал какой-то утвердительный звук. Борька сбился, поперхнулся на полуслове, замолчал и отхлебнул почти остывшего чая из своей чашки.

— Продолжай, голубь, это я так, для памяти, — мирно произнес старший.

— Да что там продолжать, я почти все сказал, — ответил потухшим голосом Вайнштейн. — Ну разве что прессование и упаковка должна быть плотной, чтоб вода не просочилась и везти было удобно... Железная дорога вам в помощь, но тут надо подумать, какие особенности местные можно использовать, — наигранно вяло закончил он.

Помолчал и безразличным голосом забросил свою главную наживку:

— Ну и рынок сбыта, покупателей найти, чтоб оптом всё забирали и цену хорошую давали, для этого надо в большой город выбраться, с деловыми людьми поговорить...

В этом месте один из казаков, сидевший по правую руку от старшего, которого Борька мысленно окрестил для себя «второй», презрительно поморщился и вопрошающе сказал:

— Это что — к ворам и бандитам, к уголовному отребью на поклон идти??? Да где ж такое видано, чтоб казак с ними разговоры вел? Нагайка и шашка — вот тот язык, который испокон веков для них надобен!

— Ну, вам решать, как и с кем разговаривать, — снова вяло-безразлично ответил Борька.

— Вот-вот, помни это крепко, а то ишь какой выискался, все-то у нас не так, все надо выбросить, все переделать, новых купцов найти... Старых многолетних наших покупателей побоку значит? Это как же так, мы с ними уже который год дело имеем, и все тихо-мирно, а тут возьми и поломай, потому что вот такой умник свалился к нам неизвестно откуда и ну поучать...

— Да ты кто такой, господин хороший? — подал голос и «третий». — Еще вчера в кошаре валялся, ходил под себя, ложку до рта донести не мог, а сегодня жизни нас учить взялся, матершинник? Слышали мы, какие слова ты в беспамятстве тут бормотал, чистая феня с матюками, — распаялся он все больше и больше. — Говорил я вам, толку от него не будет, в полевую артель его, вот и весь сказ!

— Охолонь немножко, брат, кого и куда определить, это уж мне решать! А ты ступай к себе в кошару, человече, отдыхай, завтра поговорим о судьбе твоей, — пробасил старший.

Борька вышел из комнаты, раздираемый противоречивыми чувствами, но сквозь тревогу настойчиво пробивался ликующий крик: «Есть фарт, поперло!»

Какая радость!

Женя влетела домой:

— Нила! Нила! — она трясла газетой. — Ты глянь!

— Вус трапылось? — Нилочка с полотенцем на плече отложила тарелку.

— Открывается нефтяной техникум! Вот читай, слушай: вчера, 24 июня 1944 года принято Постановление Государственного Комитета

Обороны СССР о создании нефтяного техникума в освобожденной 10 апреля Одессе.

— И? — Нила сжалась в предчувствии.

— Ты посмотри! Техники-технологи, плановики и... бухгалтеры! Ты представляешь?!

— С ума сойти... какая радость, — вяло отозвалась Нилочка. — И шо?

— И ты будешь туда поступать! — торжественно объявила Женя.

— Мамочка... ты уверена? Где я, а где нефтяная промышленность? Может, я официанткой пойду куда-то? Или нянечкой в детский сад? Я детей люблю.

— Еще чего! — Женя включила командирский стальной регистр и зазвенела: — Все женщины нашего рода — с мозгами как счеты. Все абсолютно. Медицина, надеюсь, тебя не привлекает?

— Да упаси боже, — хихикнула Нила.

— Тогда завтра едем все узнавать, и документы возьми. Люби что хочешь, а специальность нормальную получи. Понятно?

— Мам... — Нила вздохнула. — Мама, ну ты... ты же знаешь, я у тебя мишигинер, с математикой не очень...

— Чтоб я этот дворовый идиш не слышала! Твоей четверки вполне достаточно, чтобы сдать экзамен. Отличная работа. И нефтяная промышленность — это деньги всегда. И работа всегда. И карьера, что мне и не снилась.

Женька была права — элитный техникум, да еще и во время войны, открывается! Нефть и газ будут очень нужны, а специалисты в этой сфере еще больше.

Нилочка смотрела на белый лист и за каких-то десять минут стала такого же цвета. Она ничего не соображала. Эти задачи на вступительном экзамене в звездный нефтяной техникум были как текст на таджикском — буквы знакомые, а смысла не понять. Да и откуда взяться знаниям, если она почти два года не училась. В сентябре сорок первого после двух недель учебы начались бомбежки. Женя велела сидеть дома, потом — оккупация. Идти в школу или нет — непонятно. Все ждали, что вернутся наши. Нила в свои четырнадцать взвалила на себя весь быт, пока мама подрабатывала официанткой в ресторации тети Лиды в две смены, чтобы хоть что-то

заработать. Богатая родственница не особо помогала младшей сестре. Нила тоже хотела пойти помогать — не в ресторан, так хоть на кухню посудомойкой, но мать непустила.

— Хочешь, чтоб эти твари тебя по кругу пустили? — прошипела Женька дочери.

— Мама, я ж на кухне... Та ко мне и подойти близко страшно. Я ж сама себе воняю.

По маминому завету сорок первого: «Воняй! Воняй, чтоб на тебя не позарились», Нила стала есть... лук. Ее ослабевший от постоянного голода организм сам выбрал единственный доступный источник витаминов. Она с удовольствием грызла луковицы, как яблоко, если конечно, удавалось их добыть. Но Женя Косько была непреклонна.

Вот Нилка и стирала, убирала, варила какие-то пустые супы, не только на их внезапно маленькую семью, но и на румынских квартирантов. Еще в ее обязанности входило присматривать за братом, но за ним разве уследишь — рванет с пацанами с утра за ворота, и откуда столько сил на беготню... Спасибо, что хоть сам вечером возвращался.

В сорок третьем жить стало чуть вольготнее, и мама чуть не силой вернула ее в школу. Правда, теперь школа называлась гимназией, и в расписание добавили Закон Божий, который вел настоящий батюшка. Идти к малышам вымахавшей шпале Нилочке не хотелось, да и Женя настаивала — иди по возрасту, — там нагонишь... Ничего она не поняла и не нагнала, но аккуратно списывала невероятным каллиграфическим почерком с завитушками. С математикой было совсем туго, но у Нилки Косько был туз в рукаве — врожденная феноменальная грамотность. Она писала не просто красиво, а безупречно и орфографически, и синтаксически. Так и менялась в классе. А договориться с любым она могла не хуже тети Ксени.

Есть фарт!

Борьке действительно поперло — на следующий день к нему привели двух закопченных узбеков, местных кузнецов, и одного очень интересного дедушку — чеканщика. «Старшой» был уже в хоздворе и

без предисловий сказал, вернее скомандовал: — Вот тебе твоя артель, покажи-расскажи свои задумки, поглядим, чего хорошего в них...

Борька задал единственный вопрос: — Как я с ними объясняться-то буду? Они ж ни бельмеса по-русски не понимают.

— А им и не надо, есть у меня нужный человек, в технике понимает, язык знает. Вот он тебе в помощь, — и ткнул пальцем в стоящего поодаль мужичонку в знакомой косоворотке и очках. Борька узнал четвертого, что был на первой встрече и сидел во главе стола, но стул у него был без подлокотников.

«Ого, мои шансы растут, своего подручного мне в толмачи определили», — мысленно порадовался Боря, и взяв уголек, принялся прямо на стене кузни рисовать выпарочный котел и схему печки. Получалось довольно коряво, что вызвало много ненужных вопросов у потенциальных исполнителей. Наконец после бесконечных уточнений и повторов прозвучало риторическое «якши», Борька попросил воды и утер взмокший лоб:

— Ох и тупые же эти пастухи... — в досаде поделился он с «четвертым».

— Э нет, не скажите, батенька, тут тупые не задерживаются надолго, напрасно вы вот так... Просто дело для них новое, печки они практически никогда не клали и казан с плоским дном такого размера и формы для них внове, так что дождитесь результата, а уж потом крестите их, если будет причина, — ответил спокойно и невозмутимо № 4 и продолжил: — Давайте знакомиться, я — Петр Ильич Сметницкий, местный агроном.

— Ого... Петр Ильич, агроном??? В такой-то глуши? — моментально отреагировал Вайнштейн.

— Ну что ж, жизнь нас забрасывает... На все воля Божья... — неопределенно и так же невозмутимо ответил собеседник и, пожевав губами, видимо, решаясь на какой-то важный для себя шаг, продолжил:

— Вы вот тоже не из аула сюда попали, с самого Крыма, а одежка-то на вас европейская была, оборванная, грязная, покрой хоть и не знакомый мне, но не татарская, нет-нет, далеко не татарская. В колхозе, где я служил по специальности, было много татар, так что насмотрелся я на них, кое-что понимаю в их укладе и быте.

— Так с чужого плеча одежка-то и документы чужие, я ж ничего не скрывал, ты сидел за столом и не мог не слышать мой рассказ, —

начал закипать Боря.

— Милейший, я человек старой закалки и не терплю когда мне тыкают, я с вами гусей не пас и попрошу держаться в рамках приличия в разговоре со мной, в противном случае вынужден буду отказаться от общения с вами.

— Ой-ой, какие мы важные и обидчивые, уж не из недобитков ли буржуйских будете? — не преминул съязвить Борька и нарвался на стальной немигающий взгляд безобидного на первый взгляд селянина.

— Именно, именно из них, недобитых, выживших вопреки всем расстрельным декретам картавого, решениям большевистской партии и Зверя в человеческом обличье! — гневно выкрикнул агроном. — Я, приват-доцент Петербургского университета, ученик профессора Стебута Ивана Александровича, соавтор его эпохальных трудов — двухтомника «Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России», трехтомника «Настольная книга для русских сельских хозяев». Мы сделали переворот в науке, который дает возможность увеличить урожайность в десятки раз на тех же площадях посевной земли!!! Только востребовано это оказалось в конопляно-опийном хозяйстве у трех малограмотных казаков, а большевикам это почему-то оказалось не нужно, оказывается, выгоднее покупать зерно за океаном за золото и драгоценности Эрмитажа, иконы и жемчужины культурного достояния своей родины!

— Есть еще конопля? Кроме мака, есть и конопля??? — моментально вклинился в паузу в гневном монологе Вайнштейн.

— Тьфу!!! Что ж вы за человек такой, а?.. Вам о сокровенном и наболевшем, а вы... хотя... ну да, ну да... Хомо хомине люпус эст... все время забываю...

— Чего??? — пришла очередь удивится Борьке.

— Латынь это, милейший... Читайте умные книги, там много чего интересного... даже для вас найдется. Засим позвольте откланяться, когда возникнет надобность в вашем присутствии здесь, я пришлю за вами кого-нибудь, а сейчас возвращайтесь к себе, не смею задерживать, — не преминул еще раз щелкнуть по носу заносчивого Борьку его новоиспеченный полудруг-полуначальник.

Через три дня все было готово, и Вайнштейн не мог не отдать должное местным умельцам — все исполнили в точности, как он говорил, размер каменной нагревательной плиты и плоского огромного

то ли казана, то ли глубокого противня совпадали идеально. Не обошлось и без неожиданностей — наверху у всех новых печей был поворотный колпак с флюгером и по две задвижки вместо привычной одной. На недоуменный взгляд Бориса агроном ответил:

— Такие задвижки есть на всех печах сушки зерна для регулировки тяги, а колпак с флюгером, чтобы исключить обратную тягу... это, батенька, Петербургский университет, если понимаете, о чем я, собственно... Нас учили не только землю пахать, но и многому другому.

— Угу, вы только тюки с сеном подальше от своих чудо-печей оттащите, а то сгорим все разом, если искра из трубы на них попадет, — не остался в долгу Борис.

— Вы правы, за подсказку спасибо, — ровно и любезно отозвался агроном. Что-то гортанно выкрикнул в сторону рослого узбека, и несколько человек моментально перетасили все тюки с сеном за высокий дувал, которым была огорожена площадка с печами.

— И это, я вот чего хотел сказать, вернее... посоветоваться, — тут же исправился Борис. — Смены круглосуточные, надо не по одному истопнику на печь, а по два, да навес бы от солнца для них днем не помешал, я вот только не могу придумать, как обезопасить их от искр...

— Ну тут есть хорошие местные технологии, удивительно эффективные, несмотря на примитивность. Пропитывают любой доступный строительный материал — камыш, тростник, сено, солому, все, что есть под рукой, — раствором жидкой глины — «глиняным молочком», и вуаля, хоть костер на крыше разводи — пока цела пропитка, ничего со строением не случится. Но предлагаю вернуться к этому вопросу несколько позже, сейчас для нас... Да-да, для нас, — повторил он, отвечая на удивленный взгляд Бориса.

— Я, видите ли, некоторым образом поручился за вас, хотя шаманки и оба брата Алексея Дмитриевича категорически враждебно настроены по отношению к вам... Так вот, главная задача — доказать эффективность нашего метода и сделать точные расчеты роста прибыли производства.

— И в чем тут ваш гешефт? — вырвалось у Борьки помимо воли.

— Что, простите? Гешефт? Это по-каковски? — зашелся смехом агроном.

— Да на этапе так жиды промеж себя гутарили, ну, интерес, значит, прибыль по-нашему, — вывернулся Вайнштейн.

— А-а-а... Ну как бы вам попонятнее объяснить... Поднадоела мне эта рутина... Скоро десять лет уже, и все одно и то же: посевная — уборочная — пар... Посевная — уборочная — пар...

— Какой пар? Ничего не понимаю — обескураженно пробормотал Борис.

— Это трехпольный севооборот... Ага, опять непонятно... Поясняю: первых год — сеем на поле мак, после скашиваем все стебли, перепаживаем и сеем на это место коноплю, потом снова покос, и следующий, третий год земля на этом участке отдыхает, это и называется пар, стоит под паром...

— Не, ну я понимаю, что конопля — тоже выгодное дело, но мак растет быстрее, здесь же можно попробовать по два урожая снимать за сезон, зачем тут конопля? Это же невыгодно, она медленнее растет... — блеснул познаниями Вайнштейн.

— Пробовали и не единожды, но в предгорьях погода малопредсказуема, даже шаманки часто ошибаются, потому решили по-моему — трехпольная система идеальна в местных погодных условиях. А конопля не только ради самой конопли, она очень хорошо оздоравливает землю после мака, который, как оказалось, не может самостоятельно бороться с сорняками, а вот конопля делает это походя, просто за счет бурной вегетации, и урожайность тут в отличие от средней полосы — фантастическая, должен я вам доложить, надо было только наладить правильно машинный сев, не заделывать семена глубже чем на 2 см, а то казачки наши привыкли по старинке: чем глубже, тем надежнее, а всхожесть у конопли в этом случае — нулевая. Вот и отдали они мне на откуп все свои маково-конопляные плантации, а на полях и огородах, что для прокорму, как они говорят, работают по своему разумению, вместе со своими сыновьями и их семьями. Сеют сами, что хотят, я не вмешиваюсь. Спросят совета — отвечу, а так... Не интересно мне, не те площади...

— Не понимаю... За одним столом сидите, равный голос имеете, с одного котла питаетесь, весь доход семьи зависит от вас... Чего скучать-то??? — инстинктивно проявил свое иезуитское нутро Борис и попал в точку — лицо собеседника непроизвольно дернулось, он поджал губы и сухо произнес:

— Мне много не надо, я не жалуясь. — И завершил беседу библейским: — Дал Господь день, даст и пищу в нем...

Все, пора, печи уже нагрелись, сейчас обожжем казаны и начнем, помолясь. Первую партию выпарим из бракованного сырца, в прошлом месяце два батрака так нажрались сырца, что не заметили, как насобирали с гусеницами и мухами, так и высушили... Покупатель заметил и снизил цену закупки, хозяева устроили показательную порку бедолагам на общем дворе, всем на обозрение, а товар так и лежал, не знали куда его, да вот вы подвернулись, теперь в дело пойдет...

— Как это некуда деть? — изумился Вайнштейн. — А своим раздать, ну я понимаю, не в рабочий сезон, а так, оттянуться на праздники, как не порадовать корешей? А прилюдно пороть работяг за то, что на сборе хватанули лишку... не по понятиям... — И снова острый взгляд агронома из-под бровей. — «Опять прокололся...» — чуть струхнул Боря.

— А у Митрича свои понятия, свои законы, как и у его братьев. Сказал, кто употребит зелье бесовское первый раз — 25 ударов плетью прилюдно, кто второй — 100 ударов... Вы казачью нагайку видели? 100 ударов — это верная смерть. Было тут парочку случаев, с тех пор никто и никогда не смеет. Нас с вами это, кстати, тоже касается...

— С какого это перепугу они будут мне диктовать, когда можно мне побалдеть, а когда нет. Выходные ж бывают тут у вас?

— Бывают, а как же, праздники, именины, чарку, и не одну, поднесут по случаю, все по славянским обычаям. Только вот употребление опия или конопли в любых видах запрещено, но самосад вполне приемлем, грехом особым не считается. Службу правят в горнице особой, там несколько икон старого письма, за батюшку Митрич раньше был, а сейчас его младший лихо службу правит, даже венчание уже трижды провел.

— Да отчего ж порядки такие драконовские и все молчат?

— А вы Митрича видели с братьями? У них не забалуешь. Они тут уже больше двадцати лет — как от барона Унгерна откололись. С рядовых объездчиков полей у прежнего бая начинали, да так дело поставили, что никто не то что на поле маковое, даже к границам владения не решался приблизиться, а как тот помер, на себя хозяйство приняли, перерезали-порубали всех охочих до хозяйского добра

соседей — у нашего бая не было наследников, черная оспа всю семью покосила, вот и решили соседи прибрать его участок к рукам, да сами чуть своих наделов не лишились, потому как наши казачки в разведке у Унгерна служили и не жалуют стрельбу, у них свои методы. Так что не рекомендую нарушать запреты, что Митрич наложил. Ищите другие утхи, вам что, баб мало? На водку запрета нет, через месяц вино созреет. Может, и я приглашу вас к себе на огонек, глядишь, и сойдемся поближе...

Тем временем казаны прошли обжиг, были почищены, промыты, и в них залили водный раствор опия-сырца. Петр Ильич вынул часы из кармана и засек время начала процесса.

— Мне нужен хронометраж процесса, — пояснил.

— Наверное, есть смысл и старые казаны хронометрировать, если уж сравнивать по гамбургскому счету, так сказать, — внес предложение Борис.

— А как же, делается уже. Там мой помощник с утра контролирует, потом отфильтруем, взвесим и на доклад к хозяину. Вы ступайте пока на кухню, перекусите, потом приходите, меня смените на хронометраже. Нам до вечера тут безотлучно находиться надобно, слишком большие ставки, обидно будет проиграть по недосмотру.

В комнате рядом с кухней, отведенной под столовую, стояли два длинных стола со скамейками, каждый стол на 15–20 человек, прикинул Борис. Сел за крайний. К нему моментально подлетела молодая узбечка и знаками пригласила за небольшой стол в глубине комнаты. В отличие от остальных, он был накрыт скатертью. «Ну вот, значит, снова меня повысили», — усмехнулся в душе Борис.

А вот еда была достаточно незамысловатой — кулеш в глубокой фарфоровой миске и плов в точно в такой же, и ложки подали деревянные... «Ну вот как ими плов есть?» — спросил сам себя Борис, но оказалось, что вторая ложка предназначена для хаша, его подали отдельно, в огромной миске вместе с отваренной бараньей головой, что не могло не потешить самолюбие Борьки — он знал, что такое блюдо обычно подавали только самому уважаемому гостю.

«Растут наши шансы, растут!!!» — ликовал в душе Вайнштейн.

От плова после кулеша и хаша он благоразумно отказался, может, и слопал бы его, но вот задача — есть деревянной ложкой плов или руками, как местные, — не нашла решения.

А процесс выпаривания тем временем набирал силу, и Борис, забрав хронометр у агронома, активно включился в работу: то показывал, как равномерно помешивать раствор, чтобы осадок не пригорал, то материл истопников за излишнюю щедрость в закладке тюков сена в топку печей и постепенно, еще до возвращения Петра Ильича, опытным путем установил задвижки на печах в оптимальное положение, а дальше все пошло легче — закрывая и приоткрывая дверцы поддувала, его подручные смогли более дозированно нагревать раствор, который начал густеть на глазах, что и требовалось в данном случае. После полудня раствор стал пригоден для фильтрации, но было решено продержат его еще час, уменьшив огонь до минимума. Это было очень удачное решение, плотность нефильтрованного опия достигла разумного максимума через полчаса, и казаны-противни сняли с огня, давая остыть концентрату перед фильтрацией, финишем процесса.

Борис ликовал — в старых казанах раствор только начал густеть, хотя на огонь их поставили сразу после завтрака, на 5 часов раньше, и вдобавок, с одного из казанов явственно чувствовался запах подгоревшего осадка. Вайнштейн было повернулся, чтобы сказать об этом агроному, но тот еле заметно качнул головой, призывая к молчанию, и тут же задал какой-то малозначащий вопрос, после чего преувеличенно внимательно начал осматривать куски старой ткани — будущие фильтры, понял Борис и снова не утерпел: — Нельзя такую старую дерюгу — дырок много, потеряем товар, тут шелк нужен, чистый шелк. — Сказал так уверенно и безапелляционно, что Петр Ильич быстрым шагом пошел в хозяйский дом, на женскую половину, откуда вскоре вернулся, неся на плече штуку белоснежного шелка.

— Ну, мил человек, не сносить нам головы, если запорем процесс. Взял я грех на душу — соврал хозяйке, что Митрич распорядился мне выдать шелк из свадебных запасов, даже думать не хочу, что он нам устроит в случае проигрыша...

— Тогда вперед, — заряжаясь возбуждением своего напарника, почти выкрикнул Борис.

Фильтрация была достаточно простым и рутинным процессом. Два узбека держали кусок шелка длиной чуть более метра на овальном тазом и, поочередно поднимая и опуская каждый свой край вверх-вниз, гоняли концентрат из конца в конец в образовавшимся

углублении шелковой купели, а Борис или Петр Ильич поочередно помогали, подгоняя густеющий на глазах осадок специальной деревянной лопаткой, — такой прием значительно ускорял процесс разделения концентрата. Большая миска быстро наполнялась отфильтрованным осадком, и через час все три казана-противня опустели. Их тщательно промыли и рачительно, по-хозяйски, пропустили воду после мойки через шелковый фильтр, это добавило еще пару пригоршней фильтрата в общую копилку.

Петр Ильич направился к весам в угол их импровизированного цеха, и в этот момент откуда-то из воздуха материализовались все три брата, до этого с напускным безразличием ходившие мимо новой площадки. Борька вздрогнул от неожиданности, когда ему в ухо засопел младший из братьев. А следом зашли и все сыновья-племянники — все вдруг случайно оказались рядом.

Судя по реакции Петра Ильича и братьев, которые заставили трижды повторить взвешивание и много раз сжимали фильтрат в горсти, пробуя на избыточное содержание влаги, такого результата не ожидал никто.

По команде Митрича на соседней площадке быстро затушили огонь под старыми казанами, перелили густеющий раствор в новые и, разбудив тлеющие угли в печах, стали доводить смесь до ума. Нюх Вайнштейна не подвел: на дне одного из казанов осадок спекся в твердый корж, который не смогли отковырнуть даже дамасским кинжалом Митрича.

— 25 плетей, — бросил он в сторону узбека-истопника и его напарника, — каждому!!!

Посмотрел на братьев и добавил: — Всыпать лично и без жалости!

Повернулся к двум молодым казакам: — Ты носи штоф мой и рюмки праздничные, а ты бегом на кухню, пусть стол накрывают, праздновать будем... Два дня гуляем, так всем и передай.

Под свист нагаек и визги узбеков из-за дувала старшой наполнил три тяжелых граненых рюмки синего стекла, которые по вместимости были, скорее, стаканы на ножках.

— Ну что, господин хороший, будем знакомы: я — Алексей Дмитриевич, потомственный казак, старший есаул Особого отряда Первого полка в армии барона Унгерна, это, — он кивнул в сторону

дувала и визгов, — мои родственники, брат двоюродный Николай и Игнат — дядька мой. Как прикажешь тебя величать?

— Да я ж говорил, я Виктор Семенович Гиреев, инженер-путеец, вы ж документы видели...

— Ну, Гиреев так Гиреев... А крестили тебя с каким именем, помнишь еще? Лады, захочешь, расскажешь... Так, с сегодняшнего дня спишь в доме, в боковой горнице на мужской половине. За процесс, — он кивнул в сторону печей, — отныне спрос с тебя, а Петр Ильич теперь этому делу сторона, у него своих забот полон рот, уборочная у нас скоро...

Дай списать

Нила вздохнула и покосилась на соседа по вступительному экзамену. Угрюмый прыщавый паренек строчил столбики с цифрами, тыкая в чернильницу пером и брызгая чернилами и на лист, и на рукав рубашки, и на пальцы. Она достала из кармана платочек и провела ему по щеке. Тот от неожиданности дернулся.

— Пятно на щеке от чернил! Сейчас размажешь под носом, как у Гитлера, — все ржать будут. Вот держи, руки вытри.

Пацан насупился, но платок взял, а Нила вдруг по-детски радостно улыбнулась ему и, пожав плечами, шепнула:

— Я — полная дура. Дай, пожалуйста, одно задание списать, чтобы хоть трояк поставили. А то меня мама за двойку убьет. А так просто по баллам не пройду. И у тебя там в условии две ошибки... Грамматические.

Митя подвинет свой листок поближе и сделает вид, что размышляет, покусывая ручку, чтобы Ниле было виднее. Та идеальным почерком перепишет первое задание и благодарно кивнет.

— Да все пиши! Мне не жалко, — шепнет он ей, едва коснувшись локона возле ушка. — Все успела? Тогда я сдаю первый, а ты посиди еще минут десять, как будто сама думаешь.

Нила опустила голову, улыбнулась.

Она выйдет через пятнадцать минут. Митя будет дожидаться ее у входа.

— А ты чего в нефтяной пошла?

— Ты специально ждал, чтоб спросить? — прыснет Нила. Юный «математик» густо покраснеет: — Нет, платок хотел отдать.

— Та ладно, себе оставь, и так спасибо тебе огромное.

— Зачем мне девчачий! Еще и с буквами. Ты, что ли, вышивала?

— Нет. Мама. Она так нервы успокаивает. Нитки кончились, вязать нечего, так она вышивает. И математику сильно любит, — вздохнула Нилочка.

— А ты?

— А я не люблю ни вышивать, ни считать. Никчемная совсем.

— Ну что-то тебе ж нравится?

— От ты какой цикавый! — хмыкнула Нила. — Я люблю печь. И петь. И все!

— А что?

— Пирожки всякие. С печенкой, с яичком и луком, с капустой. Штрудель с маком, как бабушка научила. Или с яблоком.

— Ну тебя! — рассмеялся Митя. — Жрать захотелось страшно. Я про песни спрашивал.

Нила хихикнула и, как Женя, уперла руку в бедро и приосанилась, а потом подмигнула Мите и внезапно звонко, хрустально и удивительно легко запела:

*Все, что было, все, что ныло,
Все давным-давно уплыло,
Утомились лаской губы,
И натешилась душа-а-а.
Все, что пело, все, что млело,
Все давным-давно истлело,
Только ты, моя гитара,
Прежним звоном хороша-а-а!*

Митя смутился и стал оглядываться на притормозивших прохожих.

— Антисоветчина какая-то мещанская! — произнес.

— Значит, не слушай, — фыркнула Нила и пошла по улице. Митя догнал ее.

— Ну не обижайся. Голос у тебя очень красивый, а вот репертуар подкачал. А тебя как зовут, кстати?

— Нила.

— Как?!

— Неонила. Имя тоже старое, идеологически невыдержанное и поповское. Так что, Митя, спасибо за помощь. С меня пирожок, когда война кончится.

— А может, раньше? За поступление?

— О-о... вот тут ты вряд ли дождешься. Говорю же — дура я в математике.

Женя курила на галерее.

— Ну что? Написала?

— Что-то написала, — задумчиво ответила Нилка.

— Все задания решила? Ну?!

— Все, все. Не уверена, что правильно. Но что смогла. Там такие все умные сидели.

— Азохенвэй умные! Такие умные — только срать не просятся! — презрительно пожала плечами Женя. — То шо раньше сдали — еще ничего не значит.

Прошло два дня. В гулком фойе техникума, в толпе гудящих и роящихся возле доски объявлений абитуриентов Нила трясущимся пальцем в четвертый раз вела по списку:

— Не может быть... не может... — Она всхлипнула и оглянулась — кто-то тронул ее за плечо. Сзади стоял Митя с улыбкой до ушей.

— Еще как может! Так что с тебя пирожок! С чем там? С капустой? С яблоком?

Нила беззвучно плакала:

— Какой кошмар... я же не смогу здесь учиться. Я чужое место украла...

— Да какое чужое, дурочка? Поступила — радуйся! Самый лучший техникум! Работа будет уважаемая.

— У кого? — Нила подняла глаза. — Я ноль в математике. Я ее не понимаю совсем. Я ее ненавижу! Про физику с химией вообще молчу...

Митя растерялся:

— Слышь, ты это... деваха, не реви... Ну я помогу тебе.

— Что, три года за меня решать будешь?!

Нила так спешила из техникума, что взмокла и покраснелась. Задыхаясь, она выдохнула: — Поступила.

— Ха, — Женья хмыкнула и улыбнулась, не вынимая беломорину изо рта, — я сразу сказала: это наша, Беззубовская порода. У нас все бабы круче шахматистов! Ну кроме Аньки. Все толковые! И ты такая же! Я ни минуты не сомневалась!

Нила тяжело дышала и, еще больше краснея, прошептала:

— Мам, я не решила... я списала. Я все списала... у мальчика. Он рядом сидел...

— Ну, судя по твоей тетке Лиде, за счет мужика устроиться — это тоже семейный талант.

Женья приподняла дочь за подбородок:

— Хватит скулить. Вгрызайся в этот шанс. Косько поступила, и не важно как. Меньше языком молоти, особенно подругам. Пойди вон бабку свою бесноватую порадууй. Может, подарит чего.

— Ага. Пургена и снотворного, — огрызнулась Нила уже себе под нос. Но смиренно пошла по теплым доскам галереи на Гордеевскую сторону.

— Лёлечка, я в техникум поступила... зачем-то, — сообщила она, обнимая двумя руками Гордееву.

— Техникум — это хорошо.

— Нехорошо. Я там ничего не понимаю.

— Ишь ты! — хмыкнула Фердинандовна. — Начинай — втянешься, не переломишься. Или ты хочешь всю жизнь за мужем сидеть и детям сопли подтирать?

— Хочу, — улыбнулась Нила. — А что в детях плохого?

Фердинандовна, подслеповато прищурившись, посмотрела на Нилку и вздохнула:

— Да уж... ты точно не в мать, а в эту козу Фирку пошла. Ищи теперь себе мужа.

По-братски

— А когда мы сможем оговорить, какова будет моя доля, уважаемый Алексей Дмитриевич? — Это голос Бори прорезал тишину дворика. Случилось это неожиданно даже для самого Вайнштейна — сказалась выпитая огромная рюмка и нервное напряжение последних часов... Спиртное сыграло злую шутку с Борисом. Тишина повисла

такая тяжелая и тягостная, что ее можно было резать ножом... Затаили дыхание все, включая его самого, но он неожиданно смело, с вызовом, вопросительно посмотрел прямо в глаза старшему, а тот, прищурившись, долгим немигающим взглядом буравил его.

— Ну ты сначала покажи, насколько ты нам полезен, тогда и за долю поговорим, а теперь все за стол, хватит на сегодня, пора и честь знать, — тоном, не терпящим возражений, пресек все возможные вопросы Митрич.

«Лады, продолжим торжище за столом, я с тебя, старшой, живого не слезу. Даже по самым скромным подсчетам, я тебе массу сырца на 70 % уменьшил, морфий такой чистоты еще поискать надо, у татарвы из половины выпарить за счастье считали, а тут такой выход, и мне долю вместо доли... не на того напал, казачок», — думал Борька.

Он рискнул еще раз поднять эту тему за столом потом, после разгульной гулянки второго дня. Да Митрич все время уходил от разговора или напоминал, что за столом о делах говорить не по правилам, что ничего не понимает по причине большого количества выпитого, или песни затягивал свои тягучие и непонятные, а то вдруг предлагал всем позабавиться, но Вайнштейн категорически отказывался, ссылаясь на отсутствие должного умения, да и забавы казачков ему были чужды.

Вольтижировка, состязание в сабельном поединке, рубке и метании ножей и уж тем более — в кулачных поединках или борьбе его совершенно не прельщали, а вот казачки, напротив, распалились с каждой чаркой, и их поначалу безобидное состязание подчас переходило в смертельный поединок, вот тут всегда в дело вмешивался казачий триумвират «Митрич и братья», и снова наступала тишина на поле битвы.

А на следующий день после гулянки всех подхватила и закрутила общая рабочая карусель. Митрич с братьями решили, что участок Бориса переходит на круглосуточный режим, и уже вечером Вайнштейн чуть не пинками гонял узбеков-истопников, которые начали уставать и жалобно на что-то жаловались ему. Потом пришла очередь пинать фильтровщиков концентрата, потом снова истопники и мешальщики, и снова фильтровщики... Потом случилось то, чего и надо было ожидать — ночная смена напортачила, узбеки от усталости упустили ткань фильтра, концентрат пролился малой частью в таз, а

большая часть, конечно, оказалась на земле, Игнат, дядька Митрича, что подменил на ночь Борьку, недолго думая, в сердцах отметелил нагайкой бедных узбеков, не считая ударов и не сдерживая силы, в результате тех в плачевном состоянии отволокли к шаманке в ее глинобитный домишко в дальнем углу усадьбы и срочно послали подручного мальчишку, чтоб разбудили Борьку.

— Иди, урус, Гнат тебя хочет, — коверкая слова на свой лад, непрестанно повторял мелкий пацан.

Вайнштейн ожидал всего, чего угодно, кроме того, что увидел в выпарочном углу — концентрат в двух казанах начал подгорать, потому что узбеки в страхе разбежались кто куда, спасаясь от гнева Игната. Тот метался по выгородке из угла в угол и матерился в бешенстве, размахивая нагайкой, а когда увидел Бориса, стал орать:

— Смотри, что твои натворили, головой ответишь, поганец!!! — и, резко развернувшись, засунув нагайку за пояс, направился к дому.

— А ну стой! — вдруг загремел железом в голосе Вайнштейн. — Назад, и помогай быстро, пока концентрат не спекся!

— Ты с кем это разговариваешь, поганец, вот я тя сейчас поперек рожи-то переkreщу пару раз, запоешь у меня по-другому!!! — рванул нагайку из-за пояса Игнат.

— Быстро зови хозяина, Митрича! — отрывисто бросил посыльному мальчонке Борис. Тот исчез в секунду, а Борис, повернувшись к печам, крикнул через плечо опешившему от всего происходящего Игнату:

— Скорее хватай с той стороны казаны и на землю аккуратно, теперь воду сверху доливай, только помалу, не плюхай, может, и спасем концентрат!

Митрич появился как раз, когда в казаны залили по ведру воды.

— Ну что тут у вас за беда, где узбеки???

— Говори! — Вайнштейн отрывисто не то предложил, не то скомандовал Игнату.

— Но-но... — начал было тот.

— Говори! — тяжело уронил Митрич, окидывая взглядом раскаленные печи, казаны на земле, грязную, в земле и крови ткань фильтра... Картину дополняли опрокинутый таз, разлитый концентрат, следы волочения на земле с еще не окончательно запекшейся кровью...

— А чего это я должен отчитываться? — опять взвился Игнат.

— Ну!!! — угрожающе протянул Митрич. — Долго я еще должен тебя уговаривать?!

— Не запряг еще, нукать мне будешь тут, — пытался отбиваться Игнат. — Что ты мне сделаешь, что??? Пристрелишь, как Ваську, снова свалив все на узбеков? Думаешь, я не понял, почему у него полбашки не оказалось? Боялся, что мы пулю твою достанем, вот и размолотил ее камнем, а нам сказал, что лошадь понесла, а он за стремя зацепился!..

— Надо будет для дела, запрягу, и побежишь как миленький, а я еще и оглоблей погонять буду, — очень твердо ответил Митрич. — А что до Васьки касается... — Он помолчал немного. — Я знаю, что ты к шаманке ходил, просил рассказать, что да как, знаю, что она тебе ответила, но смотрю, ты все не угомонишься никак. На мое место метишь, верховать хочешь? Ну что ж, верхуй, если семья мне недоверие выскажет. Соберем малый круг после уборочной и погутаим. А насчет пристрелить тебя — нет в том нужды, я тебя на кулачный бой вызову, там и кончу, если Бог даст.

Борис застыл соляным столбом и не знал, что делать и говорить. Такой объем информации, и как им теперь распорядиться, непонятно!

— Так, теперь к делу, рассказывай, что да как, — снова ровным тоном, как будто ничего не произошло, обратился Митрич к Игнату.

— А что я? Это его узбеки начали характер показывать, лопотали тут, что устали, что засыпают, вот я и взбодрил их нагайкою маленько.

— Так маленько, что один Богу душу отдал, а второй на ладан дышит? — Это мальчишка-посыльный прибежал с известиями от шаманки и доложил на ухо Митричу несколько минут назад.

— Да ништо, одним больше, одним меньше. Завтра новые придут, я скажу старикам, чтоб прислали порасторопнее, — наигранно-безразличным тоном ответил Игнат.

— Ништо??!! Ты забыл, что один из них родственник нашего самого крупного покупателя?!

— Да какой он родственник? Так, седьмая вода на киселе, — парировал Игнат.

— Седьмая, говоришь, а кто за него теперь отступные будет семье платить, ты подумал?! Ну, Игнаха, не дай бог, что это именно он

помер, я тебя тогда им в рабы продам, если сумма будет больше твоей доли!!! С общественных денег ни копейки не дам, заруби себе на носу!

— Да плевать мне на тебя и твои общественные деньги, мне семья поможет, ежели чо! — гневно крикнул Игнат.

— Семья — это хорошо, это ты правильно вспомнил, да вот забыл, видно, ты, что когда нужно было твоему старшему сыну калым платить, ты его чуть из дома не выгнал, я тогда ему помог, поручился за него на кругу, и выделили мы ему нужную сумму.

— Так он же на шаманкиной дочери жениться решил, а за нее такие деньжищи заломили! Мало ему других девок, что ли... За нее сын главы соседнего клана хороший калым давал, вот пусть бы и забирал ее!

— А того ты не смекнешь, что она вот уже сколько лет всех наших баб и деток лечит не хуже нашего полкового лекаря, где мы еще такую знахарку найдем? — прищурился Митрич.

— Да я ж потом за него отдал, — напомнил Игнат.

— А когда младший заженухался, ты ему в благословенье отказал и денег тоже не дал, ему старший брат помог, и я ссудил беспроцентно, сейчас парень счастливо живет, второй пацан у него на подходе.

— Да отдам я, отдам как смогу, — уже примирительно пробурчал Игнат, понимая, что припер его племянник в угол.

— Значит, так, ступай к знахарке, вызнай, что да как, денег ей дай, не жмись, пусть нарочного в аул сейчас пошлет, купит все, что нужно. С утра чтобы сам сходил в аул, разыскал семью того, что почил, узнал, в чем нужда, и денег дал, много дал, вдвое, чем попросят. Слышал? Или повторить? И запомни, я проверю. И молись, Игнат, моли Бога, чтобы выжил родственник нашего покупателя, иначе...

— Ну что иначе? Опять пугать будешь? — снова разъярился Игнат.

— Нет. Я свое слово сказал, ты меня знаешь. Хватит денег отступного заплатить — мы промеж себя свой вопрос по нашим правилам порешим, не хватит — пеняй на себя, нет и не будет тебе защиты от обчества, полно тебе лютовать, без надобности людишек жизни лишать, это тебе не на войне...

— Да были б люди стоящие, а то так, бараны какие-то безмозглые.

— Эти бараны приют нам дали, когда у нас земля под ногами горела, неужто запамятовал? А кто тебя от лихоманки избавил, когда

ты доходяга доходягой был, мы тебя даже к лошади привязывали, чтоб ты с нее в забытии не сверзился, не ровен час. Эх, гнилой ты человечиска, Игнат, ничему тебя жизнь не научила! Сам ненавистью к людям пропитался и других в свою веру обратить пытаешься, да вот только ничего у тебя не выходит, вон, даже сыны твои, плоть от плоти твоей, не хотят батькину веру исповедывать, вот и бесишься ты, заходишься злобой, лютуешь без меры, калечишь людей почем зря. Да видно, даже у Бога терпение лопнуло, не попустил он нынче, так что ступай, исполни, что должен.

И, повернувшись спиной к Игнату, обыденным тоном обратился к Борису:

— Ну, давай, господин хороший, рассказывай, чем я могу тебе нынче помочь.

— Так это смотря что решим делать дальше, — ответил тот.

— А я скажу тебе, что дальше будет... Перво-наперво ты забудешь все, что промеж нас с Игнатом сегодня было, иначе плохо будет, не вынуждай меня поступать не по-божески с тобой. Второе — о доле даже не заикайся, я еще не решил, как с тобой поступить, не случись тебя у нас, не было бы сегодняшнего разговора с Игнатом, но что случилось, то случилось, так что показывай, паря, очень хорошо показывай, что можешь и чем ты полезен нам, если уцелеть хочешь. И даже думать не моги, я тебя ни при каких обстоятельствах на Игната не променяю, он мне столько раз спину прикрывал, я ему столько раз жизнью обязан, что и считать нет смысла. Запомни крепко: то, что промеж нами было, то промеж нас и останется, ты в этом деле сторона. Понял?

— Да я вовсе и не о том, — очень быстро среагировал Вайнштейн, — я по делу вопрос задал. Если решили круглосуточно кашеварить тут, то надо на каждую печь по три смены истопников и фильтровщиков подготовить, навес над площадкой соорудить — днем они пламя не видят, солнце мешает, перегревы случаются часто, я не могу за всем уследить, и обязательно кормить их здесь, на месте, и воду пусть постоянно пацан им таскает, а не они бегают, это мешает, за огнем не следят.

— Ишь ты, по три смены на печь... Нет у меня столько людей, и по две смены будет довольно, а чтоб ты не пенял мне, что не слушал я тебя, соорудим тут же, за дувалом, кошару, сена вволю у нас, и пусть

отдыхающая смена не в аул тащится, а тут спит, и сменяют они друг друга каждые 6 часов, как в дозоре. Вот и будут у нас и овцы целы, и волки сыты.

— Ну, как скажете, Алексей Дмитриевич, две так две. А вот кто меня подменит? Я ж не двужильный.

— Это решим. Мой старший тебя сменять будет. Покрутится тут сегодня-завтра, покажи, обучи его всему хорошенько, и в добрый путь. Ну и я когда-нить на подмену могу встать, дело-то, смотрю, не больно хитрое — как кулеш варить.

— Ну я бы так не сказал, — начал было Борис.

— Ну вот и не говори лишку, целее будешь, — не то предупредил, не то коряво пошутил его начальник.

— На сегодня все, найди чем прикрыть до утра казаны, печи затуши, чуть свет мы оба здесь, будем решать, что делать с концентратом, и утром пришлют новых людей с аула, так что на завтра у тебя, как говорится, хлопот полон рот.

Новый помощник Бориса Петр, старший сын Митрича, чернявый сноровистый молодой казак с раскосыми голубыми глазами на круглом лице, в отличие от отца, одет был как узбек, носил коротко подстриженную бороду и обрит наголо. Очень облегчало сотрудничество то, что он свободно мог изъясняться с узбеками, и ему не надо было по несколько раз повторять одно и то же. Так что уже на второй день Вайнштейн смог поспать урывками днем, а потом проспал и всю ночь, правда, не в доме, а тут же, в кошаре для рабочих, что на скорую руку соорудили за полдня по приказу Митрича. А дальше Борис с Петром поделили смены, и две недели пролетели незаметно. А затем наступило затишье. Отоспавшись, через неделю Вайнштейн заскучал...

Готов служить

Ирод все перебирал в голове значимые эпизоды своей трехлетней оккупационной одиссеи, но, правду сказать, ни один из них, за исключением истории с украденным золотом, не затронул какие-либо чувства Василия Петрович. Надо было выжить — он выживал. А вот что-то ж глодало его изнутри, не давало покоя, лишало сна, какое-то

непонятное чувство неудовлетворенности не отпускало вот уже который день.

Вызов к начальнику горотдела Ирод получил в субботу вечером. Прибежал посыльный, молодой солдатик, и сообщил, что начальник просит прибыть к нему для беседы в течение часа или уже завтра к 8.00, и стоял на пороге в ожидании ответа. Василий Петрович моментально просчитал — если не наряд, не повестка, а просто беседа, значит, что-то сдвинулось. Возможно, конечно, понимают, что просто так он не пойдет на убой, и решили таким обманом заманить в горотдел и там спеленать. Ну что ж, он будет готов.

— Хорошо, я буду в течение часа, — короткий ответ на ожидание посыльного. Тот кивнул и исчез.

— Ну что, как там они поют: это есть наш последний и решительный бой? — Ирод достал из-за шкафа увесистый полотняный пояс со многими кармашками, в каждый из которых была вставлена пластина тротила, примерно пятьдесят грамм, — это адское изобретение его ликвидатора. Еще в 1943 году они сделали пробный экземпляр. Была задумка — накачав какого-нибудь офицера какой-нибудь отравой, запустить его в штаб или ресторан. Взрыватель был химический, рассчитанный на пять минут задержки. Но по разным причинам пояс не нашел своего применения. В 1944-м, планируя отъезд, Ирод на всякий случай решил взять его с собой и приказал поменять время задержки взрывателя на тридцать секунд. Но пояс снова не понадобился. А вот сегодня, похоже, пришел его час. Под свободным пиджаком ничего не было видно, взрыватель находился под правым локтем.

«Главное — самому случайно не сломать ампулу раньше времени, а то взлечу на небеса, так и не поняв, какая мне судьба уготована», — усмехнулся про себя Василий Петрович.

Страха не было совсем и, надев полотняную сорочку с отложным воротником, в который была зашита ампула с ядом, он снова усмехнулся: «Ну вот, волею providения у меня есть реальный шанс стать ликвидатором. А хороший выйдет фейерверк — на мне больше шести килограммов тротила будет... Во рванет-то...»

Беседа у начотдела сложилась достаточно конструктивно. Он сразу честно предупредил: проверка продолжается, потребуется не раз и не два давать пояснения и всякого рода справки, но есть более

важные дела на сегодня, нужно срочно восстанавливать, а точнее заново организовывать работу агентурного отдела. Тщательно проверить и задокументировать деятельность тех агентов, кто оставался на подпольной работе. Восстановить архив и активно выявлять всех, кто сотрудничал с врагом — в той или иной степени. Война еще не окончена, и в городе крайне беспокойная оперативная обстановка. Честно сказал, что восстановить Василия Петровича в прежней должности до окончания проверки нет возможности, а вот зачислить его в штат как вольнонаемного — в канцелярию или архив — Москва дала добро.

— Я готов служить Родине в любом месте и на любой должности! Я согласен! — ни секунды не раздумывая, вскакивая, по-военному отрапортовал Ирод.

— Очень хорошо. Сегодня же доложу в Москву о нашем разговоре. Выбирайте — канцелярия или архив, повторю: временно, конечно, просто надо вас как-то к службе приписать. Паек, денежное и вещевое довольствие — все по норме прежней вашей должности.

— Тогда по возможности попрошу туда, где меньше людей в кабинете. В идеале — никого. Моя работа не терпит шума, — пояснил Василий Петрович.

— Понимаю, — кивнул начотдела, — сделаю что смогу, но на первых порах придется делить кабинет с двумя лейтенантами. Это ненадолго, они прикомандированы для оказания помощи из действующей армии на три месяца, скоро вернуться в свою часть. Кабинет номер два, я распорядюсь, чтобы освободили угол и поставили стол для вас. Новое удостоверение вам оформят завтра с утра. Жду вас к 8.00. До свидания, — сухо попрощавшись, начотдела склонился к бумагам.

Правду сказать, Ирод был благодарен за то, что начальник воздержался от прощального рукопожатия — впервые в жизни он почувствовал, как сильно взмок и как его вечно сухие ладони стали мокрыми, как будто он только что вымыл их под краном. «Что, страшно?» — спросил он сам себя, усмехнувшись.

Утро началось с сюрприза из разряда «ну надо же...» — кабинет № 2 оказался тем самым, где над ним издевался лейтенант-следователь, да и сам лейтенант имелся в наличии. Увидев Ирода, которому освободили самый светлый угол в комнате — у окна, там, где

раньше стоял его стол, лейтенант замер, потом попытался приподняться из-за стола, потом сел и опять привстал, не зная, что можно, а чего нельзя делать...

— Здравия желаю, я — Василий Петрович, — сухо поприветствовал соседей по комнате Ирод. — Знакомиться предлагаю по ходу работы, дел у всех много.

С этими словами он сел за стол и углубился в бумаги, которые аккуратными стопками были сложены на столе. Работы было действительно много — доносы, заявления, отчеты, циркуляры и много-много других документов требовали систематизации и каких-то решений, и Василий Петрович погрузился в процесс.

Прошла неделя. За это время лейтенанты фактически поступили в его распоряжение: бегали с проверками, вели допросы и дознания, писали отчеты и... тихо ненавидели своего непонятного начальника. Как они ни пытались вызвать его на откровенный разговор, ничего у них не вышло. Водку он не пил, в застольях не участвовал, пролетарскому чаю предпочитал кофе, который сам себе варил на трофейной походной немецкой спиртовке. Зато запах настоящего кофе привлекал в их кабинет весь горотдел, а так как Василий Петрович, несмотря на все намеки, никого не угощал, кабинетная неприязнь стала всеобщей. Но он просто не замечал этого.

Работы, как уже говорилось, было действительно много. Ирод стал приходить в кабинет в шесть утра — как только светало и можно было ходить по улицам Одессы без особого риска нарваться на нож или бандитскую пулю в подворотне. С комендантскими патрулями было проще: за неделю изучив их маршруты, Василий Петрович проложил свой так, что не пересекался с ними, правда, это увеличило время в дороге на 15 минут, но того стоило. На самый крайний случай у него было служебное удостоверение сотрудника горотдела НКВД.

Уходил он со службы, когда уже смеркалось. Аналитик, любитель дедукции и интриган Крючок, его второе «я», постепенно начал восстанавливать свою паутину, частично утраченную за годы войны. Он перетряхнул всех своих агентов, восстановил прежние отношения, обозначил систему связи, нескольких своих людей устроил на работу в нужные или в перспективные места, заодно и своего нового ликвидатора, спасенную им отличницу-химичку, направил на базу Аптекоуправления. А к концу месяца провернул и кое-что для себя.

Дело в том, что примерно через неделю своей службы Ирод случайно услышал разговор в курилке внутреннего двора горуправления. Следак-лейтенант, который его допрашивал, возмущенно говорил кому-то, что, как только вернется в часть, сразу же подаст заявление на Ирода. На удивленный вопрос сослуживца: — С чего это? — лейтенант начал громко возмущаться:

— Да ты знаешь, что он творил в оккупации? Он с румынскими офицерами жил!!! Сразу с двумя!!! Как тебе такой партизан-подпольщик, а????!! Что смотришь?

— Как жил? В одном доме? Ну так, может, не по своей воле, тогда кто кого спрашивал, офицеры просто заселялись в приглянувшуюся квартиру, кого им было спрашивать?

— Он с ними как мужик с бабами жил!!! — громко выкрикнул лейтенант и, понизив голос, продолжил: — Как называют баб, которые с фашистами сожительствовали? Подстилки? Что с ними делаем? Или к стенке, если можем доказать, или в лагерь. А что надо сделать с офицером НКВД, который сожительствовал сразу с двумя фашистами? Расстрелять!!! Расстрелять!! А его моим командиром назначили! Я — боевой офицер, у меня четыре награды, я к Герою представлен за 25 вылетов на штурмовике, меня из-за контузии отстранили от полетов и временно прикомандировали в Особый, вот я и попал сюда! Ну как такое стерпеть? Я же все документы на него, как надо, оформил, передал начальнику со служебной запиской! — не сдерживаясь, буквально кричал шепотом лейтенант.

— Может, тебе надо к начальнику сходить, задать вопрос? Ну, если ты прав, как такое терпеть? — посочувствовал сослуживец.

— Да ходил уже дважды, — лейтенант все не мог успокоиться. — Ходил. Первый раз он мне сказал, что факты проверяются и такими кадрами не разбрасываются из-за одного доноса.

— Ну и?

— Что и? Вызвал я снова эту официантку, она все подтвердила, готова была дать показания, да через два дня зарезали ее в подворотне, когда с работы возвращалась, — вздохнул следователь.

— Это как же?.. Ты думаешь — он? — предположил удивленный сослуживец.

— Да откуда я знаю?! — воскликнул лейтенант. — Дознание вела милиция местная, они дело открыли и закрыли в один день по причине

отсутствия свидетелей, ты же знаешь, как нынче гоп-стопы расследуются... Я об этом узнал только три дня назад.

— Ну и что ты надумал? Снова к начальнику пойдешь?

— Да пошло оно все! Вот вернусь к себе в часть и уже через свой Особый отдел направлю рапорт о случившемся. Сил моих нет терпеть такое. Там люди гибнут, а здесь...

Ирод незаметно зашел за угол здания, чтобы лейтенанты, возвращаясь из курилки, не увидели его.

Весь вечер он обдумывал услышанное. Особой опасности не чувствовал, но оставлять такое на самотек было не в его правилах. Время работало против него — неизвестно, когда придет приказ о возвращении в часть его нынешних помощников. Надо было действовать, и Василий Петрович начал с малого. В течение дня он пересмотрел все дела, которые вели лейтенанты. Повезло ему где-то на третьем десятке. Лейтенант-следователь, его «доброжелатель», опрашивал уцелевших узников концлагерей. Все протоколы были написаны как под копирку, с обвинительным уклоном, а тут прямо с первых строк отмечены боевые заслуги, количество вылетов, героическое поведение во время пребывания в заключении... К делу было приложено ходатайство о прекращении расследования и направлении в действующую армию. Таких папок было пять, и все — летчики. Этого было вполне достаточно, чтобы, как минимум, отправить лейтенанта в штрафбат, но Крючок внутри Василия Петровича не угомонился и затребовал документы из лагерей, где пребывали все пятеро. А вот тогда выяснилось, что один из бывших летчиков сотрудничал с администрацией лагеря, был капо (старостой) в своем бараке. Все, участь обидчика-следователя была решена. К концу дня он и его сослуживец уже были в камере.

Ирод любезно помог новому следователю быстро получить нужные показания от обоих бывших лейтенантов — слишком высоки были ставки для него в этой ситуации, не нужны ему были какие-либо просчеты в оформлении обвинительного заключения. Соответствующие депеши были отправлены вслед всем пятерым бывшим узникам одесских концлагерей.

Наконец-то в кабинете Василий Петрович остался один, а весь горотдел стал очень боязливо и почтительно здороваться с ним — после того, как следователь по делу лейтенантов рассказал по секрету,

что с помощью обычного канцелярского карандаша, которыми тот нажимал точки на руках при допросе, все нужные показания получены были за полчаса, и двое сержантов-костоломов остались в этот раз без работы.

Перспективы

Вайнштейн не раз пытался выйти на контакт с агрономом, но тот всячески сторонился его, не шел на сближение, все время отговаривался крайней занятостью. Непонятно было, что ж так могло обидеть человека, ранее так легко предложившего общение в неформальной обстановке. Борис прямо намекал, что вино уже созрело, пора бы совместно отведать этого эликсира, что он Петром Ильичом был неоднократно приглашен... Ничего не сработало — занят, не могу, не время, может, потом, когда-нибудь и т. д. И вдруг агроном сам пришел к нему под вечер очередной субботы. Пришел хорошо подшофе, с двумя бутылками местного самогона.

— Ого... вот это поворот... вы ж вино обещали, — шутливо подначил Борька пьяненького агронома.

— Не сегодня, милейший, вот помогите, у меня в карманах два стакана и урюк с изюмом на закуску, — тот, не опуская рук с бутылками, повернулся сначала одним, а потом другим боком к Вайнштейну, подставляя карманы.

Сели за стол, и Петр Ильич наполнил старорежимные резные стаканы по самый краешек.

— Ну, за юбилей мой, прошу покорнейше не отказать выпить со мной, — встал и торжественно произнес он.

Борис опрокинул стакан, горло прилично обожгло, и сдавленным голосом он спросил:

— Это сколько ж вам стукнуло?

— Сегодня ровно десять лет...

— Кому? Вам? Ничего не понимаю...

— Сегодня ровно десять лет, как я здесь. День-в-день... Давайте, милейший, опрокинем по второму, а то так грудь сдавливает, что мочи нет...

— Да, конечно, конечно, я сейчас на кухню быстренько, принесу чего-нибудь закусить, посущественней...

— Не утруждайте себя, мне нынче кусок в горло не лезет.

— Да расскажите ж толком, ничего не понимаю. Что-то с семьей? Жена, дети? Что случилось?

— А нечего рассказывать, ни жены, ни детей, ни семьи у меня нет... Да и меня, в общем-то, тоже нет...

— Ну что значит нет?

— А то и значит, что вот я есть, и меня можно потрогать, но кто я? — сокрушенно вздохнул агроном. — Кто? Привилегированный раб на опиино-конопляной плантации — вот кто я. Десять лет рабства... Работа — сон — еда... Раньше иногда еще баба, как припрет, и всё... Вот вы давеча про долю в бизнесе этом пытались говорить с хозяином, надежды, небось, питаете какие-то? Так вот — оставьте надежды свои! Все до одной. Нам судьбой уготована доля быть рабами на этой земле. Смиритесь. Выбраться отсюда, не имея карты, не зная троп в горах, невозможно. Да и казачки наши расстарались, на всех мало-мальски пригодных для прохода местах полно ловушек, самострелов и ям волчьих. — Он помолчал. — Пять лет назад двое к нам попали, из блатных — сбежали с поезда. Представьте — пропилили дно вагона и ночью прыгнули между рельсов. Повезло им, думали они, поработают чуток объездчиками, наберут втихаря опия или конопли, ну как повезет, и тогда рванут когти, как они говорили. Рванули, а потом, через неделю, нашли их... Один на самострел нарвался, второй в яму провалился. Так вот их полуобглоданные зверьем тела наши казачки на три дня для общего обозрения выставили для устрашения. Казачки... Казачки-разбойнички, мать их...

— Ну а вы-то, Петр Ильич, какими судьбами здесь очутились? — осмелился спросить Борька.

— Да все просто, — пожал тот плечами. — Я могу вам рассказать. Послали меня как передового агронома на сельскохозяйственный слет в Узбекистан, передовым опытом по выращиванию конопли делиться с местными. Две недели читал доклады, возили меня по разным колхозам, которые и на колхозы-то не похожи, везде бывший бай однозначно председатель, а жители его собственных аулов — стали его колхозниками. К концу третьей недели засобирался я домой, а тут кто-то записку мне ночью под дверь подсунул. Без подписи и адреса,

печатными буквами. Моя семья, семья сестры арестована, у нее муж, бывший прапорщик, служил у Тухачевского. Меня арестуют сразу, как вернусь. У меня все внутри оборвалось, такая пустота вдруг и холод... Надо бы бежать, да вот куда, кому я нужен, кругом чужие люди, и возвращаться нельзя, и не возвращаться нельзя, а вдруг это ошибка... Всю ночь не спал, прикидывал, что и как. А наутро наши братья-казачки ко мне в гости пожаловали, шапки ломали, просили помочь, хорошие деньги сулили, а я возьми им и скажи: сделаю все, о чем просите, денег не надо, укрыться мне надо так, чтобы никакой чекист меня два-три года найти не мог, а потом сделать документы на другое имя и оплатить дорогу на Алтай — у меня там соученик и коллега давно живет, все время к себе зовет... На том и порешили. На рассвете я выбрался незаметно из общежития, как они сказали — ничего с собой не взял, ни вещей, ни документов, и вот печальный, но закономерный итог моего малодушия — я раб, привилегированный, но раб — ни документов, ни имени, ни-че-го... Есть только труд на благо казачков, корм и стойло... Этаким коммунизм наоборот — от меня по потребности, мне — что их благородия сочтут нужным мне выдать... Про договор наш даже и не вспоминают нынче... Поначалу я права пытался качать, бастовал, отказывался работать, так они на меня Игната с нагайкой напустили... Вот так бесславно закончились все мои выступления и демонстрации... — Петр Ильич надолго замолчал, задумчиво глядя в окошко. Наконец он очнулся.

— Ну-с, что-то я разговорился не в меру, по третьей, уважаемый Виктор Гиреев, инженер-путеец? — предложил. — Да и пошел я на боковую. А вторую бутылку оставляю вам, милейший. Употребите оную по собственному разумению или возьмите с собой, когда в гости ко мне зайти надумаете. Приличный напиток здесь днем с огнем не найти, только местное пойло, что из молока забродившего делают. А сие есть поздравительные подношения к этому дню от наших казачков, помнят, так сказать, и свято блюдут. Иезуиты доморощенные...

Он горько ухмыльнулся и, отставив стакан, пошатываясь, ушел к себе.

Хмель с Вайнштейна слетел моментально. Он понял: в который раз рушились все его планы и расчеты на скорое богатство и свободу. Нужно было что-то срочно придумать, какую-то хорошую комбинацию, и уйти надежно, рубанув все концы, чтоб не нашли, даже

если б захотели. Поэтому вторая бутылка переместилась в угол горницы и была моментально забыта. До утра Борис сидел и бесконечно просчитывал варианты и возможности. Нужно было придумать такой план, чтобы не просто уйти, а уйти с деньгами или товаром, а лучше и с тем, и с другим.

Атаку на Митрича он начал было через его старшего сына, но быстро просчитал, что тот права голоса в финансовых вопросах не имеет, да и вообще никто не имеет, кроме самого Митрича, который единолично принимает все решения и крайне редко выставляет их на всеобщее обсуждение — только самые рискованные, чтобы в случае неудачи или убытков была возможность переложить вину за проигрыш на всех.

Зайдя издалека, Борька предложил Митричу подумать о собственной сети сбытчиков, аргументируя такой важный шаг хорошим качеством нового товара, полученным в результате усовершенствования процесса.

— Отдавать практически чистый морфий по цене чуть выше опия-сырца — это глупость несусветная. Я не знаю, какую цену дает ваш купец, но у татарвы такой товар меняется по весу, за грамм морфина — грамм золота.

— Эх ты... — крикнул, не сдержавшись, Митрич. — Ну да разговор наш ни о чем, за морем телушка — полушка, да рупь перевоз, знаешь? Где нынче эту твою татарву искать, ты подумал?

— Я вот о чем толкую: надо самим искать выход на деловых людей, дать пробную партию, немного, но это должен быть очень качественный товар, и договориться с ними о количестве и сроках поставки. Можно на ключевых перевалочных точках маршрута ваших парней расставить — чтобы и качество, и количество товара контролировали, сроки держали и оплату без задержек доставляли сюда.

— Да этих олухов на такое дело пускать нельзя, — отмахнулся казак. — Они ничего не смыслят в наших делах, а вот пойти в загул — это с дорогой душой! Пробовали уже не единожды их к делу приставить — одни убытки от лоботрясов. Да и возраст у них призывной — загребут на войну на первом же вокзале. Нет, пусть дома сидят, так спокойней всем будет.

— А вы справку можете сделать в госпитале каком-нибудь на меня, что я комиссован? — прямо спросил Борис.

— Ты к чему это клонишь, мил человек? — протянул Митрич, прищурившись.

— А к тому, что полезность свою, чтоб долю справедливую получить, я на выпарке опия никогда не покажу, а вот если смогу увеличить доход в несколько раз, вот тогда никто не сможет мне сказать, что доля справедливая мне не положена, — с жаром произнес Вайнштейн.

— Так деньги любишь? — деланно удивился Митрич.

— Да, и не скрываю это, а еще больше я люблю большие деньги, и на сегодняшний день заработать их я могу только у вас.

— Ладно, ты сказал, я услышал, — хмыкнул Митрич. — Поешь ты складно и сладко... Ишь, чего придумал, грамм на грамм, где ж это видано-то такое... Ладно, обдумую на досуге.

Досуг вылился в полтора месяца, но сделано было многое. Куплена была справка о комиссовании по ранению на имя Виктора Гиреева, не новая, но очень приличная одежда и чемодан с ремнями и пряжками. Буржуйский, как окрестил его Борис сразу, когда увидел.

— А эта красота мне зачем? Я не фраер! Мне наоборот — надо быть потише да пониже.

— Чемодан не простой, там доньшко хитрое, как товар повезешь? Не подумал, дурья твоя башка?

— Да кто ж такие вещи в чемоданах возит? — возмутился Вайнштейн. — Его на первом же шмоне или патруль, или деловые вскрыют. Тут надо что-то другое придумать.

— Еще чего? Решено — едешь с чемоданом и точка! — наступал Митрич.

— Конечно с чемоданом, но товар не туда нычим.

— Чего делаем? Не понял?

— Ничего, я все придумал. Я один еду или с кем-то из твоих казачков?

— Да куда там один, не настолько я тебе доверяю, — засмеялся Митрич и, повернувшись к двери в комнате, крикнул: — Заходи!

Такого Борька не ожидал — в комнату в сопровождении Игната вошла шаманка, та, что помоложе, в своем привычном облачении — в амулетах, обвешанная бусами и мешочками на поясе.

— А вот и местный лекарь пожаловал... Час от часу не легче, — пробормотал под нос Борис.

— Я с ней никуда не поеду, нас заметут на первой же проверке, — громко произнес он.

— Не заметут, ее все знают, вернее, мать ее знают, боятся и почитают. А еще она по-нашему говорит, будет тебе вместо переводчика, если что. Да, и самое главное, что надо сказать, — ненавидит она тебя люто, как и мать ее, значит, пригляд за тобой будет правильный.

— Ну пригляд, так пригляд, дело ваше, заодно и товар мы на нее пристроим, — взял быка за рога Вайнштейн.

— Ты сдурел, что ли? — подал голос сидящий в углу Игнат.

— Ничего не сдурел, просто думаю головой. Патрули у вас сплошь из местных, ее обыскивать не рискнут, шамана касаться нельзя, а если рассердить — неминуемую смерть на себя навлечь можно, мне уже об этом миллион раз говорили все. Да и дух от нее вон какой... м-м-м... густой... идет, никто просто так и не посунется...

— Да я тебя сейчас в землю вобью! — ринулся на Бориса Игнат, но был остановлен властным голосом Митрича:

— Сядь, не мельтеши, он дело говорит! — и, повернувшись к знахарке, велел: — Ступай на женскую половину, скажи там, что надо пошить к завтрашнему утру пояс на тебя с кармашком потайным, замаскируйте его по возможности, по-своему, не мне вас учить.

Шаманка молча встала, бросила испепеляющий, полный ненависти взгляд на Бориса и вышла из комнаты.

— Значит, так, слушай внимательно, — обернулся уже к Борису Митрич. — Выходите чуть свет, Игнат проводником, передаст вас моему абреку, — тут он горько усмехнулся и продолжил: — Часть пути будешь ехать с мешком на голове, сам понимаешь, осторожность никогда не помешает. Прибудете на полустанок, дождетесь поезда, дальше уже как бог даст, но в вагоне садитесь поодаль, главное, чтобы видели друг-другу, страховали про всяк случай.

— Предупредите ее, что спать нельзя, — прервал речь Митрича Вайнштейн.

— Не влезай, когда я говорю! Жди, когда спросят, понял? — жестко осадил его Митрич и продолжил: — Предупреждать не надо, она может не спать неделями без вреда для здоровья, и еще... — он

взял взглядом Борьку на прицел, — пугать не буду, просто скажу: — Не балуй в дороге, ни под каким видом, она легко отправит на небеса в два счета любого. В кружку чего сыпанет, или уколет чем, этих способов у нее не перечесть...

Значит, так, харчи и деньги у тебя свои, у нее — тоже. Все отдельно, за исключением случаев непредвиденных, если что, у тебя будет нож узбекский, но будем надеяться, все обойдется.

— Да сколько там езды до того Ташкента, не в Москву же едем, — усмехнулся Борис. — Через неделю вернемся. Готовьте товар, пакуйте надежно. Думайте, кого из молодых и на каком этапе поставите. Если все сложится, как задумали, товар надо поставлять точно в срок, задержки — однозначно штраф, и немалый.

— Ладно, не пугай, ты сначала свою часть исполни как надо, а мы не подведем, — завершил свои наставления Митрич и, круто развернувшись, вышел из комнаты.

Застряли

А Женька все ждала и ждала своего лейтенанта Косько. Освободили Одессу, потом Крым, прорвали линию Маннергейма, выбили врага из Белоруссии и Молдавской Республики, из Львова и Закарпатья, подошли к границам Германии, а вестей все не было. Каждый раз читая сводки и газеты, она загадывала: вот к Первомаю, как в сороковом, или на годовщину их свадьбы — в июне все-таки девятнадцать лет вместе, может, в августе на день рождения Лельки, к седьмому ноября... Ну конечно, как тогда из в Фрунзовки! К Святому Николая или... Или к ее дню рождения — 22 декабря он точно объявится на Мельницкой или даст о себе знать. Ее педантичный Петька никогда не забывал важных дат, хотя изысканностью подарков не отличался, кроме той заветной обручальной паровозной гайки. Женя, сидя в своей комнате, воровато оглянулась и, тронув губами стальное кольцо, шепнула: — Ну пожалуйста.

На устаревшего и уже забытого Святого Николая она так замерзла, что сначала рванула с работы домой хлебнуть кипятка и согреть скрюченные ноющие пальцы об стакан, а потом заставила себя выйти в магазин за хлебом.

Почтальон Миррочка осторожно стукнула в дверь двенадцатой. Потом еще раз.

На галерею выглянула Дашка:

— Шо ты нам принесла?

— Тут... — замялась Мирра, — письмо для Косько...

— Та неужели! Дождалась-таки! — хлопнула в ладоши Дашка.

Мирра потупилась:

— А можете ей передать, а то еще столько работы...

— Давай! Давно хотела посмотреть, как эта выдра танцует! —

Дашка выскочила на коридор и, глянув, отшатнулась от Мирры:

— Да пошла ты! Сама такое давай! Или вон в дверь засунь!..

— Я не могу в дверь. Надо подпись...

Выглянула всезнающая Нюся:

— Шо вы там за геволт на вечер устроили?

Дашка хмыкнула и поежилась.

— Все, я домой! Это без меня!..

Нюся, заметив конверт, замерла и, тихо ругнувшись, захлопнула свою дверь. Мирра постояла с проклятым письмом в руке и только двинула назад к лестнице, как услышала веселый крик Жени:

— Я уже дома! Уже! Стой! Иду!..

Женька, сияя, как начищенный самовар, взлетела по заледеневшей чугунной лестнице через две ступени.

— Ну давай уже, — она, не переставая улыбаться, протянула ладонь.

Мирра медленно опустила в нее конверт...

Женька рванула и вытащила листик и уставилась в него. С двух сторон скрипнули двери и показались головы Дашки и Нюси — одна в платке, вторая в папильотках.

Женя стояла как струна, сжав губы, нахмутив брови и перечитывая.

— Подпиши, пожалуйста, — шепнула Мирра.

Женя молча черкнула карандашом и пошла к двери.

Нюся высунулась:

— Женечка...

Женя оглянулась через плечо и отчеканила:

— Вон пошли! Обе!

Она зашла на кухню разгладила листок и перечитала еще раз:

«Извещение. Ваш муж лейтенант г/б Косько Петр Иванович, находясь на фронте Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, 25 мая 1942 года пропал без вести.

Настоящее извещение является основанием для возбуждения ходатайства о назначении пенсии.

Начальник в/ч пп № 02475, генерал лейтенант А. Вадис.

14 декабря 1944 года».

Женька сидела на табуретке, уставившись в одну точку, и тихонько раскачивалась из стороны в сторону. Так ее и застала через два часа вернувшаяся из техникума Нилка.

Она подхватила листочек и начала рыдать на первой строчке...

— Папочка... мой... папочка... Мамочка...

Прибежал замерзший и облепленный, как снеговик, Вовка с помятым мокрым портфелем и замер в коридоре, завыв волчонком следом за Нилой.

Женя поднялась, выдернула извещение у дочери из рук:

— А ну перестали выть! Пропал без вести еще не значит, что погиб. Ваш папа — офицер и разведчик. Найдется.

— А ты Леле скажешь?

— Конечно. Это ж ее сын. Завтра пойду.

Перед работой Женя пойдет к Гордеевой, принесет кашу и, кашлянув, выдаст с порога:

— Пришло письмо. Официальное.

Гордеева повернулась и уставилась на Женьку мутными рыбьими глазами в пленке катаракты:

— Рожай уже.

— Пропал без вести в мае сорок второго, — отчеканила Женя.

Гордеева глыбой сидела на своей продавленной кровати и только сжала руки в кулаки.

— Иди, на работу опоздаешь. И саквояж мой подай сюда, а то ноги слабые совсем. Не поднимете, если навернусь.

Женька плюхнула возле кровати своего ровесника — кожаный саквояж, сочиненный и собранный ее отцом.

— Да аккуратнее, ты, корова! Не таз с бельем! — вызверилась Гордеева.

Женька оглянется на пороге:

— На спирт не налегайте.

Когда она выйдет и закроет дверь, Фердинандовна вытащит флягу и всадит почти половину, задохнется, закашляется и завалится раненым зверем лицом в подушку.

А вот Женька плакать не могла и спать теперь тоже не могла. Она такой же натянутой струной, как ходила на службу, ложилась в постель и лежала с открытыми глазами. Без мыслей, без слез.

Через день приедут сестры с поздравлениями. Женька откроет:

— Ну заходите. Простите — стола нет и настроения тоже.

Лидка съезвит:

— Я, конечно, понимаю, тридцать семь не круглая дата и не повод для радости, но зачем же так на семье экономить?

Нила шепнет про похоронку.

Лида усядется на кухне:

— Тогда пить будем. У тебя есть. Что мы, зря приперлись? И помянем заодно.

Анька бросится обнимать Женю.

— Не надо! В утешениях не нуждаюсь! — отстранилась она. — И это извещение, а не похоронка. Не каркай!

Женька выпьет пару рюмок с сестрами. Выслушает новости, ласково потреплет Вовку по голове за выпиленную лобзиком в школьной мастерской рамочку.

Когда все уйдут, а дети лягут, она нальет полный стакан самогона и, старательно глотая, выпьет. Ничего. Ни сна, ни покоя. Она снова будет лежать бревном, с чужим, окостеневшим телом.

— Баб Лель, — Нила придет к бабушке, — бабулечка, помоги... мама не спит. Лежит там истуканом, вздыхает и встает в четыре. И не ест почти ничего. Ходит деревянная, и все. Лёлечка, что ей дать?

— Водки ей дай — или выплачется, или заснет.

— Да как я ей дам? Она ж никого не слушает!

— Ну я откуда знаю? Подруг ее попроси.

— Нет у нее никаких подруг. Ты ж знаешь.

— Ну сестер, значит. Не одна у родителей.

— Они предлагали — она не хочет.

— Пусть хоть силой зальют.

Нила вдруг хихикнула сквозь слезы — она представила, как маленькая, сухощавая тетя Лида и нескладная тетя Аня пытаются

удержать ее злющую маму, которая стреляет и мечет ножи. Про мамин секрет она давным-давно знала.

Нила послушается и заедет после техникума к строгой тете Лиде. Расскажет про совет Гордеевой и попросит помощи. Лидка вздохнет, пожует губами и процедит:

— Я разберусь. Домой езжай.

Лидка заявится к Жене за пару дней до Нового года.

— Собирайся, поехали!

— Это куда на ночь глядя?

— Давай быстрее, нашей доходяге на Фонтане плохо.

— Она ж неделю назад нормальная была!

— Можно подумать, ей много надо!

— Как же мне все это надоело, — выдохнет Женя.

А когда они приедут на Фонтан, Евгения Ивановна увидит бодрую и здоровую Аньку и накрытый стол.

— Это что?

Лидка подведет ее к столу:

— Давай раздевайся — пить будем, чтоб ты совсем копыта не откинула.

Женька развернется к дверям, но Лидка прикроет собой выход:

— Куда собралась?!

— Благодарю за участие, дамы, но водка не помогает. Уже пробовала.

— Тогда держи, — Лидка, запутавшись в своей гигантской бархатной котомке, внезапно вытащит коллекционный маузер. Анька ойкнет, а Женя удивленно вскинет бровь.

— Это не для тебя. Точнее, тебе. Тьфу ты! — ругнется Лида. — На вот! Ты же стрелять любишь? На! — Она выудит из сумки коробку патронов. — Я не знаю, как их туда совать. Иди на берег. Там нет никого. Иди, постреляй. В небо, в землю. Хочешь — в себя. Может, полегчает. На, — она впихнула тяжелую коробку Женьке в руки, — иди уже! Но только выпей, а то замерзнешь!

Анька метнулась к Жене с выпивкой. Та в совершеннейшем недоумении от такой сестринской заботы, не раздеваясь, у порога махнула стопку. И сделала шаг к столу.

— Да подождите, малахольные, как я его ночью в такой холод на улице заряжать буду?! Дайте собраться.

Ветер у моря на 8 станции Фонтана выворачивал полы пальто и продирали до костей. Женька брела по берегу, вдыхая обжигающе соленый воздух. Внутри нее был точно такой же лютый ледяной шторм.

Маузер в той самой оригинальной деревянной кобуре, в которой его Иван Беззуб презентовал много лет назад своему первому зятю, болтался и больно бил по костлявому бедру.

Женька выдернула тяжелый ствол и прицельно вскинула руку. Море, вязкий песок, родной оружейный запах... Чуть дальше по берегу целую вечность назад они впервые поцеловались и впервые поссорились с Петькой. Пропал без вести — это страшнее смерти. Потому что он застрял, завис, как призрак, между живыми и мертвыми. И ей теперь не спать, не жить, ей гадать — каждый день. Она сначала, как в отрочестве, приставит дуло к виску, вздохнет и бессильно опустит руку, усядется на песок, вслушиваясь в ночное штормовое море. А потом встанет, сунет неудобный маузер обратно в кобуру и побредет по склону вверх, к темным дачам...

Армия еще в апреле ушла на запад добивать немцев, снова оставляя освобожденную Одессу на руководящих работников и баб с детьми. И в южный портовый город хлынули не только эвакуированные свои и чужие жители, но и все уцелевшее воровское племя. Бесхозное оружие, выписанные на восстановление деньги, ничейные дома на окраине, нехватка продовольствия и осевшие по карманам и квартирам ценности, гуляющие из рук в руки... Выходить в сумерках на улицу снова было страшно. Революционный гоп-стоп ранних двадцатых вернулся, но более зверский и без привычных воровских понятий. Женька не боялась, хотя стреляли на Молдаванке регулярно. Своих, «хуторских», а хуторами называли целые кварталы, здесь по-прежнему не трогали, а залетные на Молдаванку не совались — местные, как и четверть века назад, держали и район, и периметр, и чужие исчезали бесследно, не успев проявиться.

А вот фонтанские дачи, необитаемые, заколоченные, в основном летние, неприспособленные под круглогодичное проживание, да выходы из катакомб со схронами контрабандистов на склонах снова были у банд в цене.

Женька не шла, а из последних сил волокла себя обратно с маузером на боку и неподъемным камнем на сердце. Она почти дошла

до Анькиной улицы, когда услышала за спиной тяжелые шаги.

— Ты смотри, какая фифа загуляла. А ну притормози!

Косько шла, не останавливаясь.

— Стой, я сказал, пока уши не отрезали.

Женька ускорила.

— А ну лови эту суку!

Женька побежала, скользя по мерзлой траве. По топоту она поняла — минимум двое. Она испуганно рванула вперед, уже не глядя, не разбирая дороги, и с размаху врезалась в забор. Бежать некуда. Да и незачем. Она упрется спиной в калитку и выдернет маузер. Преследователи, повернув в ее угол, поняли — тупик и дальше шли медленно, куражась.

— Ишь ты! Какой подарочек на Новый год! На всю братву хватит!

— Иди сюда, шалава! Хорошо обслужишь, живой отпустим.

Все ее обиды и боли от толпы, которая собиралась ее сжечь в Чернигове, до этого мерзкого вечернего томного призыва «драга домна Женья» поднялись густой смолой из сердца до горла. Женька Косько ждала, когда бандиты подойдут поближе. Она приоткрывает рот и, глубоко вдохнув, выдаст какой-то то ли рык, то ли рев и выстрелит одному из них точно в пах, а потом с черным диким удовольствием разрядит весь магазин во второго. Точно в сердце. Она будет стрелять и орать-орать-орать и после того, как кончатся патроны...

За полночь Женька завалится в дом Ани вся в песке, грязи и драных чулках. Бросит в угол кобуру. Дойдет до лежанки и, проваливаясь в сон, выдохнет ошалевшим перепуганным сестрам «спасибо». Проснувшись в обед, она спеленает маузер вместе с кобурой в простыню, перемотает найденной бечевкой и выбросит с пирса в море.

Шаманка

Выехали с рассветом и долго поднимались на пологой тропинке, потом шли по дну высохшей речки.

«Хитрые черти, на этих камнях никаких следов не сыщешь, если не знаешь, где искать», — думал всю дорогу Вайнштейн, пытаясь хоть как-то запомнить дорогу, вдруг пригодится.

На равнине их встретил возница на арбе. «Абрек» оказался древним-древним дедом с огромным морским кортиком за поясом, сделанным явно по спецзаказу каким-то щеголем морским. Стало понятно, почему усмехнулся Митрич, когда рассказывал про него. Борьке надели на голову полотняный мешок и посоветовали заснуть, дорога займет весь оставшийся день. Он поначалу пытался бороться со сном, безуспешно ловил хоть какие-то знакомые слова в беседе шаманки с возницей, но они говорили на каком-то местном диалекте, совсем не так, как разговаривали узбеки из аула.

На полустанке все прошло как-то слишком легко и гладко, Вайнштейн даже насторожился по старой воровской привычке, а потом понял — ночь, измученные дневной жарой пассажиры спали как убитые, и только полусонная узбечка, единственный проводник на четыре вагона, бодрствовала. Получив от шаманки и Борьки оговоренную дань, даже не взглянув на билеты, она махнула рукой и что-то сказала. Вайнштейн ничего не понял, но ориентировался на шаманку, которая быстро юркнула в глубь вагона. Место ему нашлось на боковой полке, где спал мелкий мальчишка, который утром оказался мелким худосочным дедом, веселым и дружелюбным, ни слова не понимавшим и не говорившим по-русски, что, впрочем, совсем не мешало ему активно общаться с Борисом, непрерывно угощать его какими-то белыми солеными твердыми, как морские камни, шариками, которые невозможно было разгрызть. Сам дед постоянно катал в беззубом рту эти шарики, прихлебывал из пиалы давно остывший чай и говорил, говорил, говорил... Борис все время находился в каком-то полусонном состоянии, то погружаясь в забытие, то выныривая из него под неумолкающие рассказы дедушки-попутчика. Шаманка тоже без дела не осталась, к полудню к ней потянулись самые разные люди, что-то говорили, что-то приносили, приводили детей и стариков. Проводница едва не падала на колени и каждый раз пыталась поцеловать ей руки, когда случалось мимо полки шаманки проходить. К вечеру все купе шаманки оказалось свободным — кто-то вышел, кто-то просто счел за благо перейти на другое место, новые пассажиры, каждый раз радостно бросаясь к свободным полкам, словно натыкались на невидимую стену на подходе к этому купе и медленно пятились назад...

— Эй, ты, подойди ко мне, — позвала вдруг по-русски его шаманка, позвала громко, на весь вагон. Борька сидел на всякий случай не двигаясь. «Ну все, пропала конспирация», — усмехнулся он про себя.

— Иди, иди, не бойся, — усмехнувшись, повторила она. Борис поднялся и подошел.

— Ну чего тебе? — нарочито грубо и громко спросил он.

— Сядь и смотри на меня и слушай, — она ткнула пальцем Борьке промеж бровей и его сонливое состояние улетучилось как и не бывало. — Урки из соседнего вагона на твой чемодан глаз положили, проводницу прислали разнюхать, кто ты и с кем едешь. А она мне тут же доложила, срисовала, поганка, что мы вместе, глаз у них наметанный, не смотри, что чумазая да заспанная. Ночью, если придут, я одного успокою, когда мимо меня будут идти, а вот второго ты в тамбур волоки по-тихому и там уже постарайся у него узнать, к кому мы в Ташкенте можем обратиться по нашему делу, а вздумает молчать или что не так пойдет, вот, возьми, — она протянула ему коротенькую камышинку, — просто уколи его легонечко вот этой штучкой, освободи душу его многогрешную. — И, увидев готового взмыть над полкой Борьку, моментально сменила свой командирский тон, примиряюще, по-бабьи запричитала:

— Ой, да что ж это я мужиком-то командую, баба я безмозглая, — а глаза ее откровенно смеялись...

— Издеваешься, сучка... — зашипел Борька, не в силах сдержаться.

— Ладно, ступай, вояка, не спи только, хотя ты теперь дня четыре не заснешь, — пробормотала чуть слышно шаманка ему вслед.

Чудесный план шаманки с самого начала был обречен на провал, потому что урками страшными оказались два узбека-наркомана, и кроме огромного размера одного из подельников, не было в них ничего особо ужасного. Великан шел вторым, и когда шаманка одной ей ведомым способом обездвижила его, он завалился на грязный пол вагона с подобающим его габаритам грохотом. Мелкий шел первым и, услышав грохот, метнулся было назад, но, увидев шаманку в ее наряде, упал на колени, начал отбивать поклоны и визгливо что-то запричитал, разбудив окончательно весь вагон. Вайнштейну ничего не оставалось, как, вспомнив воровскую науку, хлопнуть его по ушам сложенными в

лодочку ладонями — надо же было как-то заставить замолчать его. Затем, повинувшись молчаливому кивку шаманки, он подтащил мелкого и бросил его на нижнюю полку. Теперь уж точно вся конспирация насмарку пошла, но делать было нечего. Шаманка что-то скомандовала узбеку и повернулась к Боре:

— Теперь тащи его в тамбур и задавай вопросы — он ответит на любой.

— Так уж и на любой, — усмехнувшись, усомнился Вайнштейн.

— Просто поверь, — спокойно ответила шаманка. И продолжила: — А этого быка положи на полку, пусть поспит до Ташкента.

Борька с помощью соседей с трудом заволок неподъемное тело на полку и, подхватив безвольного мелкого, ринулся в тамбур. Откуда вывалился через минуту, сдерживая смех:

— Эх ты, напарница, да он же ни бельмеса не понимает по-русски... Чё спрашивать-то у него? — уже откровенно победно заржал Борька. Шаманка выругалась с досадой на родном языке, моментально встала и что-то резко сказала в глубь вагона. Судя по движениям всех бодрствующих и мелким кивкам скатившегося с полки деда-говорюна, приказ был однозначен: «Всем бдеть, всех впускать и никого не выпускать до прихода командира», то есть — до ее возвращения.

С допросом управились быстро. Борис задавал короткие вопросы, шаманка старалась максимально точно переводить вопросы и ответы. Мелкий говорил не переставая, пытаясь рассказать как можно больше своим новым и таким любимым незнакомым хозяевам. Ответы вполне устроили Вайнштейна с напарницей, и когда вопросы закончились, шаманка вернула вора в блаженный сон, а Борис закинул его на верхнюю полку, чтоб не мешал.

— Ну что, переноси уже ко мне свой чемодан, верхняя полка свободна, чего уже секретничать, весь поезд уже знает, что и как, да и до Ташкента полдня всего осталось, тебе отдохнуть надо, у нас завтра важный день, поспишь немного, а я покараулю, — неожиданно проявила заботу шаманка.

— Ты ж сказала, что я до конца недели спать не буду... — ядовито произнес Борис.

— Хм... услышал все-таки... Ничего, я как лишаю сна, так и возвращаю его — вон смотри на этих двух баранов, — она кивнула на

неудавшихся грабителей, что всю храпели на полках...

Проснулся Борис, вернее, разбудила его шаманка, когда поезд уже замедлял ход.

— Вставай, скоро вокзал, — отрывисто скомандовала она. Воры уже сидели на своих полках, безвольно мотая головами в такт движения поезда.

— Как остановимся, вы нас ведете к своему старшему, поняли? — обратилась она к одновременно к обоим и повернулась к Борису. — Ну что, сейчас товар отдавать или потом?

— Конечно сейчас, ты что, потом, на перроне или еще где, юбку у всех на виду задирать будешь и доставать закладку? И еще, слушай внимательно и запоминай лица всех, кто рядом крутиться будет, нужный нам человек обязательно поблизости будет тереться, разговор мой слушать.

Я говорю, ты — в стороне, смотришь, как пойдет. Потом их бугор к старшему метнется, чтоб встречу нам назначить, на это нужно время, вот тут, если я какой знак подам, ну, за платком в карман полезу, чтоб лицо вытереть, — немедленно исчезай. Братьям доложишь, что не сложилась у нас беседа с местными генералами, — Вайнштейн горько усмехнулся.

— Ну вот еще, мне что, бояться прикажешь теперь? Я живых не боюсь, — победно усмехнулась она.

Но все сложилось так, как планировал Борис. Один из приближенных к местному пахану знал вора в законе по кличке Циклоп, поэтому должный кредит доверия его родному сыну был обеспечен со старта, что было очень важно в комбинации, которую задумал Вайнштейн.

1945

Нету тела — нету дела

— Нету тела — нету дела, — услышит Евгения Ивановна Косько, придя оформлять пенсию по утере кормильца.

— Видите, что написано: пропал без вести ваш младший лейтенант! И тут написано не пенсия, а ходатайство, а мы разберемся — положено — не положено. Где официально подтвержденные данные о гибели?

— Он видел сон. Много раз, в сорок первом — как в машину попадает снаряд. Понимаете? Он знал, как умрет! Товарищи подтвердили, что так он и погиб. Они написали, что видели. Я сейчас покажу, — Женька полезла в сумочку и вытащила сложенные листочки. — Я вдова, у меня двое детей.

— Подождите! Читайте вот тут — здесь написано: погиб при взрыве? Нет? Значит, и пенсия не положена. А вдруг он дезертир и бежал? Да, кстати, — офицер порылся в столе, — как там ваша фамилия? Беззуб, говорите?

Он заглянул и прихлопнул папку, сменив тон со скорбно-канцелярского на привычный хозяйский:

— Пенсию хочешь, вдова героя? А сама-то где была? Под кем горевала в оккупации? Под немцами или под румынами? На врага работала, с врагом под одной крышей жила, а теперь за пенсией пришла? Кого из кормильцев потеряла, а?

Женя выпрямилась на стуле.

— Сука, — отчетливо и громко сказала она, глядя прямо в переносицу военкому. — Су-ка штабная.

— Что?! — приподнялся оскорбленный офицер.

Женя смачно, по-босычьи харкнула точно ему на сапог. Она была меткой во всем.

Тот побледнел и отшатнулся.

— Вот-вот, — улыбнулась Женя, — от всей души. И тебе того же. Надеюсь, я достаточно здесь надышала, чтоб ты тоже зацепил.

Плевков был ярко-алым кровавым сгустком.

Женя повернулась и, цокая каблуками по коридору, вышла из здания.

К врачам она не ходила. Ну похаркала да перестала, вон, лукового сока попила и полегче стало, а узнают на работе, решат, что чахоточная, и точно выпрут, и тогда гарантированно загнешься. Вместе с детьми.

Козырная комбинация

Беседа с деловыми людьми Ташкента не сразу сложилась. Не было у Вайнштейна никаких козырей для торга, кроме небольшого кредита доверия за счет почившего папашки. Так что уже огромное спасибо надо было сказать криминальным отцам города, что его согласился выслушать один из районных смотрящих.

Борис сразу выложил на стол товар и назвал цену. Кто-то из подручных пахана моментально упаковал его и исчез за дверью.

— Он к лепиле сгоняет, проверит качество, тогда и поговорим о цене, а пока выпьем и перекусим чуток, чем Бог послал, — растягивая слова, сказал пахан.

После нескольких рюмок, утолив первый голод, перешли к расспросам. Борис темнил и выкручивался как мог, потому что вопросы касались Одессы и ее криминальных лидеров, и для него это были сродни хождению по минному полю. Но на его счастье скоро вернулся посыльный, и расспросы закончились.

Вид вернувшегося говорил сам за себя — излишне спокойный, с плавными театральными движениями, он, многократно повторяясь, с восторгом отзывался о качестве товара.

— Не мямли, что лепила сказал? — прервал его хвалебную оду пахан.

— Да он там что-то со своими пипетками-пузырьками колдовал, потом сказал, что отлично, и сам закинулся, и мне дал чутка, — четко, по-военному доложил вмиг оживший посыльный.

— Хороший у вас «чуток», однако, с половины работаете с лепилой... — усмехнулся пахан.

— Да я это, я для общества стараюсь, а вдруг там отравы? — залепетал посыльный.

— Ну да, а лепила у нас, значит, дурачок, да? Я передам ему при случае твои слова, — откровенно издевался пахан. — Ладно, ладно,

иди уже, испытатель, — увидев плаксивую мину посыльного, махнул рукой.

— Итак, на какой цене сойдемся? — спросил он Вайнштейна.

— На улице в вашем городе грамм такого товара стоит... — начал было тот.

— Я знаю, сколько чего стоит, — перебил пахан. — Я тебя спрашиваю: на какой цене сойдемся?

— Товар — чистый морфий, хочу грамм золота за грамм товара, — пошел ва-банк Борис.

— Ого... при таком раскладе говорить нам не о чем, — начал было подниматься из-за стола пахан.

— Ну нет, так нет, — Вайнштейн тоже сделал вид, что встает, — он знал подобные приемчики для торга.

— Ладно, назови окончательную цену, и по рукам, — сказал вновь усевший на стул пахан.

— Я уже назвал. Цена справедливая, учитывая качество товара, расходы на доставку и прочее. Вы получаете товар в городе, остальное — моя проблема. Оплата по весу в день поставки. За качество спрос с меня.

— Ну вот это уже другой разговор, — довольно хмыкнул пахан. — Значит, так, шесть килограмм в месяц равными партиями, каждую взвешиваешь вместе с моим человеком. Расчет через неделю. Все. Если устраивает, по рукам.

— На первые полгода согласен, а там поторгуюсь, когда весь город под себя заберете. Есть проблема — где я буду жить? У меня документы не самые надежные, — начал отторговывать выгодные для себя позиции Борис.

— На улице не оставим такого дорогого гостя, документы нужные поможем сделать. За деньги. Дорого, но надежно.

— Согласен, — только и оставалось сказать Вайнштейну. — С первой партией приеду сам, через неделю.

Шаманка ждала его в обусловленном месте, в маленьком домике на окраинной улице Ташкента. Когда из пролетки почти выпал на дорогу хорошо отметивший сделку Борис, она совсем по-бабьи недовольно поджала губы и что-то пробурчала на своем языке. На ее призыв прибежала хозяйка дома с дочерью, и они совместными усилиями дотащили Вайнштейна до кровати.

— Завтра, все завтра, — пресекла она попытку Борьки похвалиться успехами.

— Да они все равно ни бельмеса не понимают, что я говорю, — протестовал он.

— Эти — понимают. Завтра! — весомо повторила шаманка.

Разбудила она его рано утром, сунула в руки пиалу с крепким горячим бульоном и мелко рубленным мясом.

— Хаш... — вожделенно промычал Борис.

— Сначала пей, потом говори, — коротко приказала она. Вайнштейн пересказал почти весь разговор, а также непереносимое условие пахана — он, Борис, гарант качества и веса товара, прибывает с первой партией и дальше находится при пахане неотлучно. Схитрил он в одном: сказал, что расчет за товар в конце месяца — этот временной зазор был необходим ему для реализации плана побега.

Шаманка долго смотрела на него, мучимая какими-то мыслями.

— Ну давай свою пыль, дунь мне в рыло, поспрашай, чего уж там, надоели вы мне со своим заскорузлым скопидомством! Друг другу не верите и других поедом едите. Я — за долю на воровском пере танцюю, а ты мне тут в гляделки решила играть, — вызверился Борька.

— Да я бы дунула с дорогой душой, только нельзя, рано, многие потом дураками остаются. Вот поговоришь с Митричем, он и скажет, надо дунуть или нет, — ответила.

Обратная дорога обошлась без приключений. Митрич и братья остались очень довольны — забыв про Бориса, они бросились прикидывать на счетах ожидаемый барыш, и самый приблизительный подсчет показал увеличение дохода почти в двести раз. Вайнштейн был огорошен такой разницей, но, поймав волну разговора, остудил радость новоиспеченных миллионеров:

— А доставка товара, охрана, доставка денег?! Вы же не учитываете накладных расходов, а они будут, и немалые. И еще — через неделю я должен быть с товаром в Ташкенте, еще через неделю следующий подвоз товара, и так каждую неделю, всего шесть кило. Контракт на полгода. Далее кто-то из вас едет в Ташкент — оговаривать новую цену. Я думаю, что повысить ее можно будет минимум на 25 %.

Тут братья снова оживились.

— Через 30 дней, — продолжил Борис, — когда получим первую оплату, нужно будет оговорить мою долю. — Голос его был твердым.

Повисло тягостное молчание. Такого брата явно не ожидали.

— Придет время — оговорим, — ответил после длинной паузы Митрич. — Пока все эти барыши на воде вилами писаны.

Борис понимал, что никакой доли не будет никогда, но этот бесконечный разговор ни о чем нужен ему был, чтобы поддерживать в сознании казачков имидж жадного до денег, недалекого человека.

И конвейер заработал.

Замрите! Не дышите!

Нет ничего утомительнее очереди в поликлинику, тем более если это флюорография в диспансере. Как будто команду лаборанта «Замрите! Не дышите!» выполнила не жертва направления терапевта, а само время. Даже самый небрежливый оптимист вдруг боковым зрением начинает замечать, как кружат в коридоре палочки Коха.

Здание было старинным, царских времен, и несмотря на слои и пузыри дешевой краски на полу и стенах, все же величественным. Пациенты, покашливая от волнения, сидели вдоль стены, стараясь меньше касаться всего и реже дышать. Жене тоже ужасно хотелось кашлять и курить одновременно. Чтобы отвлечься, она достала маленькую записную книжечку и стала писать список дел на отпуск в августе. Он включал заготовку варенья, благо сахар Лидка сможет достать, и консервацию овощей. Женя быстро в уме складывала дни рождения, календарные праздники на зимний сезон, чтобы определить соотношение литров и килограммов на душу семьи и во что встанет спокойная жизнь зимой.

После флюорографии она отправилась со снимком к врачу:

— Ну, доктор, жить буду?

По взгляду доктора она поняла, что шутка не удалась.

— Или буду, но недолго?

Врач продолжал тяжело молчать. Потом еще раз поднял рентген...

— У вас процесс...

— Нюрнбергский? — максимально безразлично поинтересовалась Женя.

— Хуже, — вздохнул доктор и выдавил: — Открытый процесс в легких. Это туберкулез в финальной стадии. У вас есть дети?

Женька зашла домой, кинула на стол лист в затейливой, почти арабской вязи и поспешила переодеться.

— Мам, это что? — Нилочка помахала бумажкой перед матерью, которая выплыла из комнаты в домашнем ситцевом халате.

Женя, несмотря на полжизни за пределами Одессы, оставалась дочерью Молдаванки до мозга костей.

— Шё? — Она произносила именно так — с мягким «ё», а не с «о».

— А, это? Это — диагноз. Из тубдиспансера, — и, прищутив глаз, сунулась прикуривать от керогаза зажатой в зубах папиросой.

— Мама! — бледная Нилочка с полными слез глазами трясла листком, — мамочка...

— Туберкулез, да. Вам с Вовкой, кстати, тоже надо проверится, я заразная, — Женя глубоко затынулась и закашлялась.

Нила попыталась ее обнять.

— Мамочка, ты как? Чем помочь? Ты купила лекарство?

— Я — как обычно, — парировала Женя и полезла в сумку. Достала оттуда пакет с рассыпающимися таблетками. — Вот черт! Полсумки в них! — Она аккуратно выбрала из недр еще пригоршню цветных таблеток и, на секунду задумавшись, метнула их в плиту. Они затрещали и вспыхнули маленькими зеленоватыми искрами.

— Мама! Ты что?! — вскрикнула Нила.

— А шо? — с невозмутимым видом глядя куда-то сквозь Нилочку, парировала Женя. — Врач сказал бросить курить и начать пить таблетки, потому что... — Она выдержала мхатовскую паузу и насмешливо приподняла бровь: — Жить мне, по его мнению, от силы два месяца.

Женя взвесила на ладони оставшиеся в пакете лекарства и, открыв печную заслонку, забросила его в огонь.

— Ты... ты что? — плакала Нила.

Женя, не выпуская папиросы изо рта, флегматично выдала:

— Ну если жить осталось два месяца — то с какой радости так мучатся?

Нила все-таки прорвалась и вцепилась в тощую мамину спину мертвой хваткой.

Женя потрепала дочку по голове:

— Да не реви ты. Придумал тоже! Я не для того войну пережила, чтобы от чахотки загнуться — вон даже твоя тетка чахлая еще двадцать лет назад выкарабкалась. Так что успокойся, не сдохну! — Женя по привычке взяла заварочный чайник и жадно отпила прямо из носика. Поймала на себе полный ужаса Нилочкин взгляд:

— Ну? Чего уставилась?

— Мам... ты это... там же заварка... на всех... Может, тебе в чашку налить?

— Себе теперь в своих чашках заваривайте. А это мой чайник. Буду пить, как хочу! И привычек своих не буду менять... Я буду жить, как жила. Сколько бы мне не осталось! Нечего мать хоронить раньше времени! Бойтесь? Валите отсюда! Не маленькие! Это мой дом! И мой чайник. Понятно?! — кричала она вслед выбежавшей Ниле. Оставшись одна, Женька достала записную книжку и вырвала трясущимися руками листочек со списком летних заготовок. По расчетам врачей — до августа ей не дожить. Она подержала листочек, а потом выдернула шухлядку из кухонного стола, поворошила набросанную туда мелкую дребедень и выудила булавку. С силой приколола листок на дверной косяк.

— Не дождетесь! — и, подхватив заварочник, ушла в комнату.

Звездный час

Через два месяца, когда были готовы новые документы, что обещал пахан, с новой партией морфина передали увесистый пакет и записку от Митрича. Тот прислал двухкилограммовый образец и предлагал переговорить с паханом о поставке наши — так на узбекский лад они называли анашу.

Борис понял, что его час пришел. Пахан даже не стал посылать образец лепиле — сам опробовал и не особо стал торговаться, потому что за два прошедших месяца прочно занял две трети города со своим товаром и ожидал, что вот-вот наладится неофициальный канал поставки в военные госпитали.

Потому Вайнштейн пошел ва-банк: пахану сказал, что срочно надо рассчитаться наперед за сегодняшнюю партию, Митричу написал записку, что в связи с новым рынком сбыта — госпитали — срочно нужна месячная партия морфина и двойная — конопли, за которую он выторговал ту же цену, что и за морфий. Борис рисковал... и понимал, что если всплывет его гешефт, он будет обречен на муки нечеловеческие, когда просто смерть станет для него царским подарком. Весь расчет был на факторе времени, вернее, на отсутствии оного.

Расчет оправдался: получив день-в-день деньги за два предыдущих месяца, казачки отбросили осторожность и отправили не то, что Борька просил, а с «походом». В результате у него на руках оказались не только деньги за два месяца за морфин, но и 12 килограммов морфина — двухмесячная партия — и 16 килограммов, целый пуд конопли. При всем желании просто так скрыться с таким тяжелым и габаритным грузом он не мог, помощников брать, даже втемную, граничило с самоубийством, вот и пришлось располовинить попавший в руки товар и, как ни ныла душа, отдать половину пахану под видом ежемесячной поставки, коим это, по большому счету, и являлось. Но Борька не был бы Борькой, если б даже в этой ситуации не выгадал бы что-то для себя — он предупредил пахана, что обнаружил недовес в товаре, и нужно разобраться лично, чья вина, попросил неделю на решение проблемы, и пахан, проавансированный товаром на месяц вперед, только молча кивнул — дескать, все понимаю, хозяйский гнев должен быть пролит на истинного виновника.

Хватились Вайнштейна через 10 дней, когда квартирная хозяйка пришла требовать деньги за прошедший месяц — он в суматохе просто забыл оплатить свое жилье. Подняли на ноги местных, опросили с пристрастием залетных бандитов и гастролеров, разослали весточки в Москву, Одессу и Ростов... Никто не знал и не видел, но, надо признать, искали не очень активно на всякий случай — человек поехал разбираться со своими, мало ли какие могут быть варианты? Ждали прибытия представителя поставщика.

Но явившийся на разборку Митрич, несмотря на свою генетическую ненависть к уркам, быстро нашел общий язык с паханом, и оба порешили пропавшие деньги и товар списать на

убытки. Об авансовой поставке товара от Бориса пахан благоразумно промолчал. Но согласился, что новые поставки пойдут с наценкой 10 %, и в свою очередь предложил с помощью лепилы, который был классным химиком с ярко выраженным криминальным талантом, попробовать к морфину добавить героин, а анашу хорошо чистить — обрабатывать и большей частью в гашиш переводить. Но и отходы обработки не выбрасывать, прессовать и передавать с оказией ему.

— Офицеры мне хорошие деньги платят, их тут всех на морфине держат, да не все с него слезть могут, кто от боли, кто от слабости характера, так что на травку у меня ныне тоже хороший спрос, — аргументировал он свою позицию.

Про пропавшего Бориса даже никто не вспомнил. Нет человека — нет проблемы, этот лозунг всем намертво вбил в голову Генералиссимус Иосиф Виссарионович.

День Победы

Девятого мая Гордеева сползла с галереи во двор со стаканом в руке.

— Налейте! — приказала она. — Хочу выпить за победу!

Она поднесла стакан к глазам, потом залпом махнула свои сто грамм и снова протянула руку:

— Еще! Теперь за Питера моего!

Под орехом зависла тишина.

— Царствие небесное, — выдохнула Ася.

— Шоб ты подавилась, дура! — гаркнула Фердинандовна. — Мой сын живой! Нет доказательств! Нет тела! А вы уже все похоронили, да, невестушка? Утешилась? — повернулась она к Женьке.

Та скрипнула зубами, задрала голову и зашла кашлем, затолкав в рот платок. Откашлявшись, она наклонилась через стол к свекрови и громко медленно выдала:

— Мадам Гордеева, стесняюсь спросить, а что ж ты у меня пенсию на погибшего кормильца берешь? А?

— А с тебя не убудет! И квартира моя тебе останется. Так что считай, задешево берешь! Нилка, — крикнула Гордеева, — доця моя, это твое приданое! Я на тебя завещание напишу.

Нилка смотрела со второго этажа галереи и улыбалась:

— Баб Лёля! Мне не надо! Я тебя так люблю!

Женя махнула стопку и буркнула себе под нос:

— Как же — завещание! Не при румынах и не при царе — получают по ордеру, кому положено, если дочери раньше не объявятся.

Фердинандовна хрустнула огурцом.

— Зашло — как в сухую землю! Давайте третью — на коня, и поскачу я в объятья Морфея. А вам сегодня шуметь можно. День такой.

Люблю тебя

Ксения спрыгнула на берег. Несмотря на сопротивление Саныча и осенние штормы, она третий год приезжала сюда, в маленький поселок Хоэ Александровско-Сахалинского района.

Хоэ — по местному «таймень». За этим тайменем, рыбой попроще, крабами, а еще за нерпой, соболем они и поехали с Санычем в сорок втором. Он — устраивать кустарное консервное производство и пошивочный цех прямо на берегу в бараках, она с ним — вести учет и решать вопросы поставок сырья в обе стороны. Местное племя нивхов, которых все, кроме дотошного Саныча, называли, как и остальные местные народы, просто тунгусами, были настоящие промысловики. Жили стойбищами и били морского и лесного зверя и на воде, и по льду, и на окрестных сопках. А сопки полукругом обступили — то ли вытесняя Хоэ к самому берегу, то ли защищая его. Между домами и норовистым Татарским проливом — леспромхоз, отстроенный с размахом прибывшими в конце тридцатых отчаянными комсомольцами. Наши тут вообще появились только лет двадцать назад, но зато быстро обустроились. Правда, сейчас консервы и солонина были важнее леса. Ильинский умудрился объединить и осчастливить и нивхов, у которых централизованно и массово закупали продовольствие и пушнину, и моряков с Большой земли, и местный постаревший комсомол, в основном женщин, на заготовке и упаковке.

Сансаныч со своим командирским басом, твердой рукой и такими же твердыми тарифами моментально стал абсолютным авторитетом, а

его жена, которую дремучие тунгусы на свой лад называли следом за ним Ксяха, чем очень сместили Ксению Беззуб, — любимицей, за ее вечную улыбку и деньги в руках. Она никогда не строила из себя прошеную начальницу и даже выучила пару приветствий на местном диалекте. Их ореол полубогов с большой земли распространился и на приехавших вместе с ними Фиру с Ванькой.

Сначала Ксюха хотела оставить маму с Ванькой в Хабаровске. Но Фира проявила свое фирменное громогласное упрямство и наотрез отказалась оставаться одна.

— И шо я с этим шибеником буду сама делать?

— То же, что и со мной. Можно подумать, я сильно занимаюсь его воспитанием, — хмыкнула Ксения, — тем более что мы не навсегда, а на сезон, работу поставить. — Ксения задумалась и осторожно добавила: — Надеюсь на это. Денег и продуктов будет достаточно. Каждую неделю будут приносить еще. Я договорюсь.

И тут Фира вытащила главный козырь:

— Ну ты шо, не помнишь — я теперь женщина ненадежная, а вдруг со мной опять какой конфуз медицинский, и что ребенок среди ночи над моим телом делать будет?

— Типун тебе на язык! — дернулась Ксения. — Ты зачем меня пугаешь?

— Я не пугаю, я считаю варианты. Как ты. И чем ты меня на своем Сахалине испугаешь? Бытом? Бараком? Ты правда думаешь, что после нашего двора это таки сильно страшно?

— Но, мама, ты слабая еще, а там сыро, море.

— Море! Наконец-то! — хлопнула в ладоши Фира. — Там даже два моря! Сверху Охотское, снизу Японское! Ну я хоть там буду дышать, как дома!

— Мам, ну честно, ты у меня такая агройсен морячка! Ты ж на море в Одессе дай бог чтобы пару раз за год была!

— Не важно! Я хочу к водичке... — чуть не заплакала Фира.

— Хорошо, поедете к водичке, — сдалась Ксения.

Она не была послушной дочерью, но после всего пережитого в феврале сама была рада по-прежнему жить рядом с мамой. Слава Богу, партии и заведующему отделением, Фиру тогда спасли, вытащили. Придя в себя после реанимации и приоткрыв один глаз, она страшно огорчилась:

— Ой вэйзмир, опять больница!

— Это после наркоза, — похлопал Ксению по плечу дежурный врач, — не огорчайтесь.

Но Фира продолжала сокрушаться:

— Ванечка, — заплакала она, — я видела Ванечку. Он мне снился, он меня за руку держал. Как тогда в Никополе, через забор... Ну зачем?! Зачем вы меня разбудили?!

Потом она закрыла глаза и долго и витиевато ворчала. Врач прислушался и напрягся:

— Это что, немецкий? Откуда она так хорошо его знает?

— Это идиш... Они похожи, — вздохнула Ксения.

— Мама, ну что ты ругаешься? Ты хочешь, чтоб мы и без папы, и без тебя остались, а? Мама, тебе, между прочим, через неделю меня замуж выдавать.

Фира открыла один глаз:

— Не, вы точно не дадите мне спокойно сдохнуть! — Она внезапно села на кровати.

— Мама, ляг сейчас же!

— Так! — Фира нахмурилась. — Доця, не делай мне нервы! Ты определись: мне уже лечь окончательно или все-таки встать? Сколько человек будет? Это ж надо стол накрыть приличный. А тут ни курицы, ни овощей — одна козлятина какая-то, прости господи.

— Мама, тебе надо только новое платье. И все. Остальное моя забота.

— О, — Фира подмигнула Ксене, — потом в похоронный набор положу, чтоб добро не пропало. А стол, дочечка, это моя забота. А то как это — у тебя первая супружеская ночь, а ты усталая.

Ксения всхлипнула и обняла маму: — Ну наконец-то! Вернулась!

Фира вышла из больницы цыпляче бледная и окончательно отощавшая. После коротких свадебных хлопот и застолья она снова потускнела, посерела и все чаще смотрела, не мигая, стеклянным взглядом в окно, куда-то в небо. А тут с этим переездом и морем снова защебетала и запорхала...

...Ксения Ивановна все-таки успела замочить свои модные кожаные ботиночки вместе с чулками на пухлых ступнях, неуклюже соскочив на массивный ряжевый пирс, который укреплял и расширял Сансаньч. Тогда она удивлялась — как это причал из бревен? А

Ильинский объяснял, что это просто гигантский ящик из стволов сосен, наполненный камнями, и он спокойно выдержит не одну зиму.

Ксюха скривилась, но не остановилась, а поспешила по грунтовке в поселок, мимо производственных барачков, обустроенных Ильинским под производство консервов, лесхоза, жилых барачков и деревянных домиков. Народ потихоньку обживает — еще два года назад здесь было намного пустынее. Она коротко отвечала на приветствия и, чуть не срываясь на бег, мимо клуба, мимо школы и темных изб вышла на холм. Там на вершине было крошечное сельское кладбище. Хоронить с крестами, а потом с обелисками здесь стали только с 1926 года. До этого, да и после местное племя нивхов провожало своих покойных в Верхний мир, поднимая открытые гробы, заваленные лапником, на высоких столбах, поближе к небу, снизу разводили костер и бросали в него потроха оленя, принесенного в жертву. Им же поминали покойного, а кости прикапывали рядом, чтобы задобрить и верхних, и нижних духов. И все запреты новой власти никого не сдерживали. Когда до ближайшего поселка верст сорок, то и гоняться за этими дикарями, которые бьют юркую нерпу на льду с одного удара, смысла нет. Компромисс нашли быстро — нивхи просто отступили чуть глубже в лес. Остатки этих «курьих ног» разной степени старости до сих пор видны на всех окрестных сопках.

Ксения присела на скамейку из влажной сосновой доски.

— Здравствуй, мамочка... Ну как ты?

Она снова и снова перебирала в памяти события того злополучного сентябрьского дня, выискивая, высчитывая варианты — могла ли она что-то изменить, не ошиблась ли в своих безупречных схемах?

Тогда, в сорок втором, в контору Ксени влетел перепуганный Ванька и затараторил, что там Ирочке нехорошо на берегу, она прилегла и просила прийти, как освободишься.

Ксения чудовищным усилием не рванула, как была, а послала Ваньку за фельдшером, выдворила всех из кабинета, заперла сейф, попросила пару ожидающих нивхов пойти с ней и только потом сломя голову помчалась на берег. Фира полулежала на мокром песке. Ксения рухнула на колени рядом:

— Мама, мамочка, что? Где болит?

Фира криво улыбнулась и шевельнула почти белыми губами:

— Успела. Не переживай, Ксаночка... Голова вдруг разболелась сильно и закружилась. Я тут присела... устала очень... спать хочется...

— Мам, мам, встать сможешь?

Фира посмотрела на дочь мутным взглядом:

— Я немножко посплю и пойдем. Дай ручку...

Ксения протянула ладонь. Но Фира вдруг с удивлением посмотрела на свою руку и дернулась всем телом:

— Надо же, не поднимается... тяжелая такая...

Ксения схватила ладонь Фирмы:

— Сожми, пожалуйста.

— Не могу...

За спиной на своем встревоженно лопотали нивхи.

Ксения в слезах повернулась к ним:

— Сможете в поселок донести? Пожалуйста.

Фельдшера, Тамару Николаевну, похожую характером на Женькину свекровь Гордееву, они встретила на полпути и вместе дошли до фельдшерско-акушерского пункта, ФАПа.

Та пощупала пульс, постучала пальцами по руке и ноге, вколола успокоительное. А когда вышла из кабинета, насупилась и вздохнула:

— Плохие новости. Правая половина парализована. Кровоизлияние в мозг.

— Она поправится?

Тамара тяжело молчала.

— В лучшем случае... — она сделала паузу, — в лучшем случае будет парализованная. Но тут, похоже, все стремительно.

— Что стремительно?! — возмутилась Ксения. — Везите в поселок!

— Не доедет, — мрачно ответила фельдшер. — Да и на чем?

— Слышишь, ты... Ты — шарлатанка ленивая! — рыдала Ксения. — Не хочешь делать — не мешай! Я... я лодку... на Большую землю!

— Ну-ну... — угрюмо покосилась на нее Тамара. — Ты в своем уме? Какая лодка, деточка? Все на промысле, до послезавтра не вернутся. И то если шторма не будет. Сиди здесь, скажи все, что хотела, за руку поддержи. За левую, она рабочая. Это сутки. В лучшем случае двое.

— Нет! Нет! Нет! — Ксения съехала спиной по бревенчатой стене и рыдала: — Сделайте хоть что-то!

— Боль и давление я сняла. А дальше от меня уже, увы, ничего не зависит...

Ксения оглянулась — двое коренастых нивхов, которые принесли Фиру, до сих пор стояли возле дома.

— Простите, простите... я сегодня не могу...

Один пытался что-то сказать, показывая то на сопки, то на небо.

— Я не понимаю... — выдохнула Ксения сквозь слезы.

— Шаман! Шаман привести!

— Да! — Ксения подскочила. — Веди! Веди шамана. Я заплачу. Веди!

Фельдшер развернулась всем корпусом к Ксене:

— Ты что, ополоумела? Жена коммуниста! Ответственного работника! Какой шаман?!

Ксения была в два раза младше, но такой же комплекции и роста. Она успела прийти в себя и сейчас не мигая уставилась на фельдшерицу:

— Ну если ты ничего не можешь, то какая разница?

— Что про тебя люди скажут? Ну а точнее — напишут куда следует?!

— А не все ли равно? Или дальше Сахалина могут выслать?

— Твое дело. Но не у меня в ФАПе.

— А ты уйди. И знать не будешь.

Они снова тяжело смотрели друг на друга. Ксюха — в слезах, с раздувающимися ноздрями, сжав кулаки и наклонив по-борцовски голову, Тамара — гневно, сжав губы. Она не выдержала первой. Вздохнула:

— Дура ты... Делай что хочешь...

А что ей было еще делать? При всей панике и отчаянии Ксенин счетный мозг не переставал проверять варианты — Ильинский уехал вчера на Большую землю, вернется только в пятницу. Слать радиограмму можно, но пока его найдут, сообщат (это в лучшем случае), пройдет еще полдня. Еще с утра поднялся ветер, а сейчас уже вовсю накрапывал дождь, это значит, что к ночи будет шторм, и даже если случится чудо и Саньч узнает — он все равно не доберется.

Маму не вывезти, это она тоже понимала. А еще она боялась отойти хоть на минуту, даже глаза закрыть, чтобы не пропустить...

Нивхи вернулись через пару часов с нарядной старухой в нерповом полушубке и расшитой рубаше. Ее лицо было похоже на кусок каменной породы в таких же выдутых ветрами и штормами заламах.

Старуха подслеповато осмотрела Ксению и склонилась над Фирой. Достала кожаные мешочки и бутылку. В мешок сунула корявый темный палец и мазнула Фире по лбу какой-то вонючей коричневой пастой, потом отхлебнула из бутылки, судя по запаху — спирта. Отодвинула костлявым плечом Ксюху, взяла Фиру за руку и забормотала. Фира под успокоительным тихо и ровно дышала, не просыпаясь.

Старуха вдруг откинулась, задрала голову вверх. Ее каменное лицо растрескалось, разбежалось морщинками вокруг беззубой улыбки.

Потом она покосилась на Ксюху, насупилась, укоризненно покачала головой и снова повернулась к Фире. Когда она закончила бормотать, охотник, который привел шаманку, стал переводить, подбирая слова.

— Там, — он ткнул пальцем вверх, — там... Верхний мир. Когда тело умирает, ты идешь туда, где твои. Там ее ждет белый охотник.

Ксения посмотрела на шаманку.

Та убедительно закивала головой, забормотала и стала, приподняв губу, прикладывать под носом палец.

— Ее ждет охотник, в шапке с... — охотник попытался показать какой-то кружок как над головой, — как у твоего начальника. У него усы и борода желтые, как песок. Очень высокий. Он ее давно ждет, и она сильно хочет к нему. Много-много зим хочет. А вы не пускаете. Ты ее не пускаешь. Отпусти. Ей там хорошо. Они там будут жить, а потом — птица.

— Что птица?

— Они там живут новую жизнь в верхнем мире, а потом хорошие люди становятся птицами и прилетают в новых людей. Шаман говорит, она — птица.

Старуха тяжело поднялась и взяла Ксюху за руку, ласково заглянула снизу в лицо и снова затрясла головой.

Нивх переводил:

— Они оба просят, чтобы ты ее отпустила.

Ксюха кивнула и вытерла ладошкой слезы.

— Передай, я отблагодарю. Пусть скажет, что хочет — деньги, водка, патроны? Я завтра все дам...

Она осела у кровати, поцеловала Фиру в щеку и шепнула:

— Мамочка... Птичка моя, птичка, как папа тебя называл...

Поцелуй его там за меня... я тебя люблю. Я... я тебя отпускаю.

Она отодвинулась от щеки, села просто на пол. Уткнулась в Фирины ноги под одеялом и тихо, горько заскулила. Выплакавшись, пересела на стул у кровати и прикрыла глаза.

Фира продолжала улыбаться во сне...

...Ксения всхлипнула. Нет, ничего тогда, в сорок втором, она не могла больше сделать. Сморгнув слезы, она достала из сумки аккуратно сложенную бумажку и перевернула. На обороте чернильной ручкой ее аккуратным почерком было выведено:

«Вторник 22 сентября. Мама ушла в 5.30 утра».

— Как там в Верхнем мире? Папа летает? А я никак забеременеть не могу... Вы, когда там птицами станете, прилетайте ко мне... Пожалуйста...

Ксения шморгнет носом и посмотрит на изящные золотые часики на запястье:

— Мамочка, мне пора. Катер через полчаса уйдет...

Умному достаточно

Ирод хмыкнул, разглядывая четыре звонка на роскошной резной двери Лидки, и ткнул пальцем в крайний звонок с прикрученной латунной табличкой «Проф. Ланге Н. Н.».

Открыла Лидка, как всегда, при параде и неожиданно, без наигранного счастливого удивления, молча махнула рукой, приглашая следовать за ней по темному коридору в глубь квартиры. Василий Петрович дважды споткнулся об какие-то тюки и медный таз и просочился в заставленную мебелью комнату Лиды.

— В тесноте, да не в обиде, — осклабился он.

— Ну как сказать, — поджала губы Лидка, — я все-таки надеялась, что за мои труды и риски Родина будет более благосклонна.

— Лидия Ивановна, голубушка, — растянул губы в улыбке Ирод, принимая все такую же сияющую хрустальную рюмку с наливкой, — вы бы видели доносы бдительных граждан. Из них можно было бы построить еще одну вашу квартиру. Причем в прежних границах. Так что, учитывая вашу глубокую секретность, — это просто подарок судьбы.

Лидка откинулась в кресле:

— Я стараюсь спокойно принимать то, что от меня не зависит. Или... — она с надеждой посмотрела на Василия Петровича, — или все-таки можно как-то решить?

— Увы, голубушка. При всем моем расположении влиять на СМЕРШ и такие демонические структуры, как квартирный отдел, в нынешней ситуации я не в силах.

— А с чем пожаловали? Проведать старую во всех смыслах знакомую или порадовать какой благой вестью?

— Увы, я сегодня снова в функции ворона. Предупредить, так сказать.

— О боже, что на этот раз? Опять экспроприация?

— Ну что вы, Лидия Ивановна, в этот раз все совершенно добровольно, — он внезапно сменил голос на свой рабочий ледяной тон: — Я надеюсь, что все же добровольно, — подчеркнул, — и без фокусов.

И продолжил в привычной вальяжно-покровительственной манере:

— В Одессе снова открывается музей западного искусства. Да-да, — он покосился на стену слева. — Того самого, что вы с удовольствием выкупали у оккупантов. Разумеется, чтобы сохранить и вернуть музею сразу по возвращении нашей армии.

— Нет, — Лидка затрясла головой, — нет! Они же сами увезли самое ценное, ну, что осталось после эвакуации шедевров перед войной. А продавали так, остатки, вторую линию!

— Да, Лидия Ивановна, да, — соглашаясь, кивнул Василий Петрович. — Увы, немцы — народ излишне педантичный, и распроданные населению музейные ценности четко фиксировали вместе с покупателями. И этот архив, к сожалению, уцелел. — Он

даже не смотрел на Лидку, которая сидела в полнейшей скорби, закусив губу.

— Но это же... не настолько ценно... — пролепетала она.

— Да я знаю, — махнул рукой Ирод. — Малые голландцы, конечно, не Тициан, но «Кабинетный натюрморт» шестнадцатого...

— Семнадцатого... — машинально поправила Лида, не сводящая полных слез глаз с небольшой картины в тяжелой золоченой раме.

— Ах простите, семнадцатого века, в коммуне — это кощунство, — рассмеялся он.

— Это моя последняя отрада... — Лида чуть не рыдала.

— Ну вы же еще молодая женщина. Не впервой расставаться с высоким искусством. Переживете. В любом случае вы его лишитесь. Подумайте, что лучше — две комнаты без картины или одна камера, но тоже без картин. Я оставлю тут это. Я обвел.

Василий Петрович положил на инкрустированный ломберный столик газету «Большевицкое знамя» с заметкой о восстановлении на Пушкинской, 9 музея западного искусства.

— Вы меня просто убили... — простонала Лида.

— Ой, даже не начинал. Мне пора. А вы примите к сведению, как там говорится: «Sapienti sat»?

— О да, конечно. Умному достаточно, — вяло отозвалась Лидка.

Она негодовала. Вся ее жизнь летела к чертям собачьим. И сил вырваться из очередного витка воронки, которая регулярно, примерно раз в десять лет почти обнуляла ее активы, уже не было. Но Лида была слишком дальновидной и расчетливой, чтобы рисковать жизнью, тем более после такого предупреждения. Рассказывать о спасенных из гетто детях было некому и нечего. Тем более, ей удалось спасти всего-то четырех. Потом ей намекнули, что следующий визит может оказаться последним. И ни имен, ни фамилий этих малышей она не знала, и выжили ли они потом — неизвестно.

Гражданка Ланге заявится в музей, расскажет историю о важности сохранения и что она ждала больше года, чтобы быть уверенной, что сокровище действительно вернется в экспозицию, а не сгинет в мутной воде послевоенной неразберихи. Музей откроют в конце октября, и Лидкина безбедная старость снова вернется на его стены.

Кто не работает — тот не ест

— Что значит вылетела?!?!!

Нила стояла перед Женей. Обмирая от ужаса и задыхаясь, та шептала:

— Вылетела из техникума... не сдала... Мамочка... прости, прости, пожалуйста...

— Что значит прости? Бестолочь! Поступить и вылететь!

— Я не соображаю ничего! Вообще ничего не понимаю, что они говорят! Мама! Я старшие классы пропустила. Я не понимаю математику!

— А как первую сессию сдала?

— Списала, — продолжала шептать Нила, — у Мити... А на одном мне тройку поставили за то, что в самодеятельности пела... за грамоту...

— Ну так и дальше бы им пела!

— Мама, у меня по трем предметам двойки! По основным!

— Идиотка! — гремела Женя. — Идиотка! А где твой Митя был?

— Он не мой! Я не хотела опять у него просить... так же нечестно...

— Чего ты вдруг сейчас о честности вспомнила? А?! А бросить нас здесь в войну было честно? А в школе списывать честно? Дала бы этому Мите, и все были бы счастливы!

Нилка вспыхнула:

— Мам, ты что такое говоришь?! Я никогда... еще никогда!

— Ну и дура!

— Мамочка, прости, ну я работать пойду!

— Полы мыть?! Иди к декану, в ногах валяйся — чтобы переэкзаменовку на осень назначили!

— Да у меня по трем предметам двойки! Как я за лето выучу три года математики и химии? Как?

— Значит, не хочешь учиться?

— Да не могу я! Мам, пойми! Я с шестого класса не училась. Ну мы же в советской стране, любая работа в почете, на завод пойду!..

Женька смотрела на свою зареванную дочь с распухшим носом и исходила яростью. Боже, какая дура, да она бы за такую профессию

что хочешь сделала — и дала, и убила, и зубрила бы круглосуточно!.. Ни капли воли, ни капли ее упрямства — одна телячья покорность и эта дурацкая улыбка вечно. Ничего путного от родителей не взяла! Женька отлично помнила каждый свой день — от Фрунзовки до Чернигова и границы, каждый день в оккупации...

Она молчала и думала: сдохнет! Не дай бог, я помру, и эта дура точно сдохнет, если не начнет бороться за свою жизнь, если не научится держать удар и давать сдачи.

— Значит, так, корова великовозрастная, — завтра в техникум и садишься за книги. Чтобы в сентябре опять училась. Пересдай экзамены.

— Мама, мамочка уже приказ вышел.

— Меня не волнует. И запомни: учеба — твоя работа. А у нас кто не работает, тот не ест. Понятно?

— Понятно, — всхлипнула Нилочка.

На утро, покосившись на кастрюлю с кашей, Нила, вздохнув, отрезала себе хлеба.

— Положи на место! — ровным голосом отозвалась Женя, сидящая с газетой.

Нила удивленно посмотрела на мать.

— Положи. Тунеядцы в нашем доме не едят.

— Я... кусочек... можно?

— Нет, нельзя.

— Хорошо. — Нила покорно положила отрезанный кусок под салфетку. — Чай можно?

— Колонка во дворе. Там пей. И с тебя за койку шесть рублей тридцать копеек. Платить тридцатого.

В молдаванском дворе не обязательно оглашать публично — ракушняк отлично пропускает все свежие новости, только усиливая сигнал.

Нюся Голомбиевская без стука зашла на кухню:

— Женька, ты что, совсем озверела? Ты что, девку голодом моришь?

Евгения Ивановна Косько ровным голосом отозвалась:

— Не ваше дело.

— У тебя сердца нет! Она уже с ног валится!

— Спасибо за информацию, — отчеканила Женя.

— Что б мать твоя сказала? Тебя хоть раз в жизни жратвы лишали?

— Мадам Голомбиевская, вы бы больше за своими присматривали! А то ваша святая Уланова заместо директорской ложки в оперном внучкой вас одарила! Вон орет третью ночью. Что? Не кормите?

Нила не ела третьи сутки. Шатаясь она шла через двор.

Нюся встретила ее на галерее:

— Иди до меня, дочечка, иди, я тебе супчика налью!

Нила отрицательно покачала головой.

— Не, вы это видели! — не выдержала Нюся на весь двор. — Дитё, ты ж загнешься! То, что у тебя бабка давно с ума съехала, а мать — на днях, то их проблемы. Иди! У меня жить будешь! Мы тебя всем двором прокормим!

— Тетя Нюся, спасибо. Мы сами разберемся...

В первый день вынужденной голодовки вечером Нила отнесла, как и во все предыдущие годы, миску с супом Гордеевой и присела на стульчик у кровати:

— Баб Лёль, оставь пару ложечек.

Гордеева удивленно оторвалась от тарелки:

— А тебя шо, дома не кормят?

— Не кормят — улыбнулась Нилочка.

— А шо так? Мамаше на хвост наступила?

— Меня из техникума выгнали. А мама сказала: кто не работает, тот не ест. И если я не учусь, то дармоеды ей не нужны.

— Ишь ты... — Гордеева задумалась, — железная баба. Ну что, дочечка... — Елена Фердинандовна приосанилась, — добро пожаловать во взрослую жизнь. Никто тебя больше просто так кормить не будет. И помогать тоже. Иди на работу устройся. Потом спасибо скажешь.

На следующий день вечером Нила счастливая зайдет на кухню:

— А я на работу устроилась!

— Поздравляю, — выдохнет с дымом Женя, — и кем?

— Санитаркой в Еврейскую.

— М-м-м, блестящая карьера.

— Можно теперь мне поесть?

— А что, таких ценных кадров на работе не кормят?

Тут даже вечный ребенок Нилочка не выдержала и, хлопнув дверью, выскочила во двор. Возле арки ее перехватила Ривка:

— А ну быстро ко мне!

— Нет, не пойду!

— Быстро ко мне, — Ривка дернула Нилку за локоть, и та буквально влетела к ней в коридор.

— Иди сюда, плачь...

Нилка горько плакала в Ривкино плечо. А когда затихла, вытерла ладонью нос:

— Спасибо, Рива Марковна, я пойду.

— Сядь, поешь.

— Я не буду.

— Ешь давай, я тебе в долг даю. Заработаешь — харчей мне принесешь. Будем считать, это на карандаш.

Ривка подмигнула и достала кастрюлю:

— Картошку будешь?

— Я все буду, — прошептала Нила.

— Сколько не жрала?

— Пять дней...

— Тогда хватит, а то живот скрутит, — Ривка чуть ли не силой вырвала тарелку из Нилкиных рук.

— Видела я, как с голодухи объедались и конали потом. Давай чаю выпьем сладкого, и спать пойдешь, а то работу свою проспишь.

В конце месяца Нила выложила на стол деньги за койку и два пакета крупы.

— Поздравляю, — парировала Женя, — вот теперь экзамен сдала. На трояк, правда. Но сдала. Там борщ на плите — иди поешь.

Кто там надрывается?

Возле уборной отделения хирургии собралась приличная толпа.

— Да что же это такое! Граждане! Что вы тут скопились! Сейчас конфуз случится! Я и так еле до горшка дошкандыбал, — возмущался бодрый старичок, переживший на старости лет аппендицит.

— Тихо будь! — рыкнул караулящий дверь Грифон — фронтовик и литейщик Гриша Смеловский, которого три дня назад якобы не

признали в сумерках хуторские. Гриша шел с получкой и делиться ею категорически отказался, за что и получил кастетом в голову. Его невезучие спаринг-партнеры из девятого номера лежали в соседней палате, но с переломами.

— Не мешай слушать! А то спугнешь сейчас.

В мужской уборной нынче давали «Веселых ребят». За дверью звонкий женский голос выводил: «Сердце, тебе не хочется покоя...» Старик прорвался вперед и толкнул дверь:

— Деточка, у вас же колоратурное сопрано! Чистейшее! Вам нужно в консерваторию! Я могу посодействовать, но сейчас, — старик перешел на визг, — покиньте помещение! А то еще за мной мыть будете!

Нила оглянулась на слушателей и кокетливо обмахнулась полой тряпкой:

— А шо тут у нас за партсобрание под гальюном, граждане выздоравливающие?

Санитарка Нила была без году неделя в Еврейской, а уже стала местной любимицей. Каждый больной считал своим долгом ее угостить. И дело не в том, что кто-то из медсестер ляпнул, что девчонку дома не кормят, и не в том, что Нила была такой тощей, что даже через одежду и халат проступали все ребра и грудина. Она так заразительно смеялась и так буднично и бережно всех обтирала, запросто меняла «утки» и бросалась помогать больным, что даже самые тяжелые и конфузливые начинали улыбаться на ее смене.

Нила оказалась вообще не брезгливая. Знаменитая Ксюхина легкость по жизни досталась и ей, но в какой-то другой форме, и распространялась не на удовольствия, которые можно получить от жизни, а на то, как она принимала все невзгоды. Казалось, Нила не замечала ни вони, ни грязи, ни усталости, а воспринимала их как повод для шуток.

Под грохот воды старичок торжественно вышел из кабинки:

— Я между прочим, до войны служил в Оперном. Голос и слух бесподобны. Деточка, вам надо поступать!

— Ой нет, — рассмеялась Нила, — я уже поступала. Хватит. А зрителей мне и среди тут хватает. Давайте по койкам и устроим тихий час, пока я полы вам освежу.

Через три месяца санитарку Нилочку провожали всем отделением.

— Ну и на кого ты нас променяла? — спросила ее сестра-хозяйка.

— Иду в учетчицы на консервный завод, — вздохнет Нила.

— Ну-у-у, с консервным нам не тягаться. Хорошее место, перспективное, если с умом подойти, но если не дай бог что со здоровьем, ты ж знаешь — все свои...

1946

Гость с того света

Саньч поцеловал Ксению в плечико и замялся:

— Ксаночка, у нас в субботу будет гость...

— Я его знаю?

— Нет пока. Но... Очень, м-м, нужный мне по мужским делам. Надо будет с ним поговорить.

— Нам с Ванькой погулять или просто не мешать?

— Просто... — Саньч выдохнул и улыбнулся: — Ты идеальная женщина.

Круги от камушка, брошенного в колодец молдаванского двора, иногда расходятся до дальних границ империи.

Субботним поздним утром Ксения Ивановна открыла дверь важному секретному гостю. На пороге стоял сильно постаревший, огрузший, но абсолютно узнаваемый покойный Женькин жоних из подворотни. Тот самый, что почти двадцать лет назад кинул ей целый рубль в шляпу за исполнение «Бубличков».

Вайнштейн с интересом смотрел на замершую в проеме статную молодую жену Ильинского. Действительно эффектная баба. Правду говорили — понятно, как она окрутила такого зубра, как Сансаньч.

— Добрый день. Вы так смотрите... Я вас потряс или разочаровал?

— Или, — пришла в себя Ксения и улыбнулась.

В голове колотилось: «Жених и невеста, тили-тили-тесто...» Именно так она регулярно распевала дома, доводя старшую сестру до истерики. Ей тогда было восемь. А «старому» Борьке Вайнштейну целых двадцать пять. Она получила еще рубль и конфеты, чтобы передать перед его отъездом навсегда белую розу и письмо для Женьки... Не может быть... Их же всех расстреляли. Не может быть! Так... Сейчас ему должно быть... сорок четыре. По виду похоже.

Саньч пожал гостю руку и повернулся к жене:

— Ксаночка, знакомься — Виктор Семенович Гиреев.

Ксения подала ладонь почти открытой, протянутой, чтобы впиться взглядом в руку и запястье гостя — мастей не видно. Он, ловко подхватив и перевернув ее ладошку, манерно поцеловал: — Рад знакомству!

Непривычно тихая и зажатая жена Сансаныча кивнула и отдернула руку:

— Не буду вам мешать. Стол накрыт.

Беседа о главном началась не сразу. Два осторожных матерых самца принялись друг другу — есть ли угроза, не подстава ли. Боре было проще — он сразу навел справки о крупном торговом работнике, блестящем управленце, который в глубоком тылу возглавил и быстро переоборудовал местные рыболовецкие артели. На него начиная с сорок первого буквально молилось два десятка семей. Сансаныч сразу выхлопотал кормильцам самое дорогое — бронь. Здоровые мужики призывного возраста остались дома. Рыбаки были заняты исключительно промыслом, а жены, дети и старики вышли в заготовочные цеха. Местное береговое кустарное производство в бараках за пару месяцев он превратил в круглосуточный конвейер под нужды фронта — рыба во всех видах, консервы. Ильинский был суровым хозяином, но руководствовался железным принципом — «давал жить». Закрывал глаза при перевыполнении плана и на перерасход масла и специй, и на остатки рыбы, которые забирали по дворам... Но ввел железное правило десятины — больше выносить или оставлять себе было нельзя. Свою десятину с артели он тоже брать не забывал. И рыбаки, и их семьи были преданы своему благодетелю как собаки. За такое покровительство и стабильный заработок они отдавали его долю с «походом».

С появлением Ксени Сансаныч быстро наладил дополнительные каналы получения сырья — не только рыбы, но и овощей, дичи и заодно график прямых поставок обратно в зону военных действий. Несмотря на отзывы, грамоты, ударные темпы и блестящую бухгалтерию, Вайнштейн, отныне Гиреев, точно знал, что красный директор Ильинский — один из главных организаторов сбора эшелонов с подарками бойцам от жителей Хабаровского края — в накладе не оставался. А вот зачем он, человек-тень, понадобился такому видному передовику, пока было неясно.

После третьей рюмки и наводящих вопросов перешли к делу. Сансаныч планировал вернуться на Большую землю, а капитал в золоте и деньгах был слишком объемным и опасным. Ему нужны были камушки, а товарищ Гиреев мог достать что угодно и отличного качества.

Вайнштейн прикидывал варианты — какую пользу, кроме денег и золота, получить с такой крупной рыбы... Обмануть с камнями — не вариант. Его скромница-жена точно в них разбирается, ну или быстро разберется. Про ее деловую хватку и умение договариваться ходили легенды, и еще неизвестно, чей вклад в семейное благополучие Ильинских при раскладе окажется больше. Воспользоваться связями Саныча с местными оружейниками? Тоже вряд ли... Тот, уже собравшись на выезд, не будет рисковать и знакомить криминального авторитета с партийными товарищами... Значит, чистая сделка.

Борис достал из кармана пиджака карандаш и листочек. Написал несколько цифр — подвинул, не выпуская из рук, Сансанычу. Тот огорченно хмыкнул и потянулся за своим карандашом.

— Я не фраер, и вы не на базаре, — процедил Боря, пряча листок. — Торговаться не буду. Искать других не советую — здесь уже год все через меня идет!

Ильинский секунду поколебался.

— Договорились. Но и я в этих краях не последний человек. Поэтому, надеюсь, товар будет без сюрпризов... И без налетов. Поверьте, контрмеры я не просто продумал и приготовил, но даже оплатил.

— Завтра в обед, — бросил Вайнштейн-Гиреев. — Поедете с обходом. Задержитесь на выезде из города в 14.00 и отправьте водителя вашего куда-нибудь минут на десять... И... махнемся не глядя?

— Так быстро? — удивился Сансаныч.

— А чего тянуть? — расплылся в улыбке Борис. — Время беспокойное. Оба под Богом ходим. Или — под чекистами?

— Да ну вас... — отмахнулся Ильинский.

Боря ухмыльнулся и потянулся к графинчику:

— Скрепим уговор?

Ксения, покашляв за дверью и дополнительно громко стукнув кулаком в косяк, зашла в комнату и поставила на стол тарелку с еще теплым пирогом.

— Присядь с нами, — пригласил Саныч.

Она скромно подвинула рюмку:

— Ну ладно, половинку, за компанию, так сказать...

— Ну-у, Ксения Ивановна, вы шо, половинкина дочка? — сверкнул золотой улыбкой гость.

— Уговорили, — засмеялась она. — Такой интересный! Вы не одессит случайно?

— Я — нет! Если бы! Работал много с одесситами, — вздохнул Боря. — В прошлой жизни...

— А вот Ксаночка моя, — Саныч нежно глянул на жену, — она...

— О-очень одесситов в свое время любила, — перебила его Ксюха. — Но ты всех победил.

Такому повороту Саныч удивился, но... промолчал. Он доверял своей жене не только вести разговоры на равных, но и всю свою черную бухгалтерию — как он сам посчитал, на три расстрела и два пожизненных, которые она виртуозно переписала начисто.

Скрипнула дверь — в комнату в одних носках и в распахнутом полушубке заглянул потный румяный чернявый мальчишка: — Я не домой!! Я на минуточку! Можно, еще погуляю? — закричал.

— Ваня... — укоризненно произнес Сансаныч.

— Ой, извинити, здгавствуйте, дядя! — выпалил мальчишка и скрылся за дверью.

Боря засмотрелся:

— Какой хороший пацан! У меня тоже такой где-то есть. Надеюсь... что есть... — помолчал. — За детей! — и залпом махнул рюмку.

Не прошло и мгновения, как Вайнштейн пришел в себя:

— Волшебный пирог! Как дома побывал, спасибо, хозяйка, шоб у вас ручки золотые никогда не болели! — и, подмигнув, добавил: — И голова.

Ксения перестала сомневаться еще после «половинкиной дочки» — любимом дворовом выражении Бориной соседки Софы Полонской. Его слышали не только все взрослые, но и все дети на дворовых застольях. Баба Софа была изюминкой Мельницкой, разумеется, настоящей на коньяке и на других напитках с содержанием спирта не менее 40 оборотов. Интересно, подумала, жива ли еще? Старая, конечно... Хотя тут такие повороты — вон покойник через двадцать лет ожил... Чудеса да и только.

Она не могла дождаться, когда гость с того света уйдет.

— Я тебя заклинаю, Саша, не имей с ним дел, — воскликнула она. — Никаких! Он опасен! Смертельно!

— Ксаночка, девочка моя, ты чего разволновалась, — улыбнулся Саньч. — Я знаю, кто он, и знаю, что опасен. Я не привел бы в дом человека, если бы не имел на него управы. Тем более сделка одноразовая. Ты же знаешь — я у тебя не рисковый.

— Сашка, не надо. Убьют. Я серьезно, — молила Ксения.

— Я сказал слово, — посерьезнел Ильинский. — И это важно. Начинай собирать вещи. Пора домой возвращаться.

— Куда домой? В твой Курск?

— В твою... прости, в нашу Одессу. Приютишь престарелого супруга, пока мне квартиру не дадут? — засмеялся он. — Поедем сразу, как бухгалтерию передашь. Думаю, недели через три выдвинемся.

Ксения снова умоляюще посмотрела на Саньча:

— Только не надо ничего с этим Гиреевым!..

— Ксаночка, сердце мое... — По изменившейся интонации Ксения поняла — разговор окончен. А пробовать мужа на излом — себе дороже. Как ее ручной медведь Саньч рывкает и гоняет провинившихся, она видела не раз...

— Ша, любимый — хмыкнула она, разулыбавшись, — ша, уже молчу как рыба об лед!..

«Здгавствуйте, дядя»

Дожидаясь Борю возле неприметной грязной чайной на окраине, где собиралось всякое криминальное отребье, Ксения в ее шикарном пальто, в крупных дорогих серьгах, заметных из-под фетровой шляпки, вообще ничего не боялась и даже не реагировала на восторженный свист и похабные шуточки заходящих мужиков. Только чуть заметно брезгливо морщила свой семитский носик — ну чисто аристократка, попавшая с корзиной пряников в санпропускник беспризорников.

Вайнштейн даже не сразу ее увидел и, округлив глаза, отошел следом за ней за угол.

— Отвали от моего мужа, — выпалила Ксения, поправляя пальто. — Никаких общих дел. Отвали под любым предлогом и не подходи даже. Понял?

Борька-Гиреев насмешливо приподняв брови, взглянул на покрасневшую злущую Ксению Ильинскую:

— А то что будет?

— А то, — она медленно осмотрела его сверху вниз. — Пожалеешь, Вайнштейн.

Это был удар под дых. Прошла четверть века, как Борис потерял фамилию и семью. А два года назад он стряхнул с себя и приросшее новое татарское имя. От удивления он даже не стал отрицать, а уставился на эту девку. Кровь с молоком, еврейская кровь, несмотря на русское отчество, была вопиюще очевидной. Но кто это?

Ксения продолжала упиваться своим триумфом:

— Виктор Семенович, надо же! Отчество он сохранил, азохенвэй, большой романтик! Чего уставился? Не узнаешь? — приосанилась. — Да где там. У мужчин всегда немножко плохо с памятью на лицо. Хреновый из тебя следопыт, дядя Боря. Не подходи к моему мужу. Иначе завтра будешь в СМЕРШе кровью на допросах харкать. За мной не заржавеет.

Она развернется уходить, а потом оглянется:

— Моя фамилия Беззуб, — бросила Ксения. — Если еще помнишь такую!

Борис стоял посреди улицы. О, если бы Ксения оглянулась, чтобы оценить эффект от последней фразы! Он стоял как вкопанный, машинально расстегивая рукой ворот рубашки... Он вспомнил... Ксения Ивановна Беззуб... Младшенькая... Да что же это за фамильное дворовое проклятье — третья баба из этой семьи?.. И тоже судьбоносная.

Борис судорожно всхлипнул и закатил глаза, которые внезапно налились слезами. Он стоял прибитый, оглушенный и совершенно счастливый...

«Здгавствуйте, дядя»... Это не ребенок Ильинского, это его, его сын, — понял он. — Господи! Они почти два года жили в одном городе, совсем рядом!

Вайнштейн стоял посреди улицы — куда бежать, как забрать? А как забрать, если никто, включая эту малолетнюю швицершу^[1],

похоже, не знает, что это его сын. Он не докажет... А если Ксене рассказать? Не поверит или... поверит? Но в любом случае точно не отдаст, еще и сдаст его.

Борис решил все обдумать и успокоиться. Он зашел в чайную, где сразу стихли голоса и над столами прошел низкий уважительный приветственный гудеж. Боря обвел блестящими глазами собравшийся здесь сброд.

— Всем за мой счет! Всем по стакану! У меня сын родился!..

На корм рыбам

Саньч никогда не врал: он просто говорил только ту часть, о которой собеседнику положено было знать, — от партсобраний до выяснения отношений с поставщиками и подрядчиками. Вот и Виктору Семеновичу Гирееву он тоже не соврал, когда сообщил, что принял меры безопасности.

Про то, что тот мутный штымп терся у их дома и в обед болтал с Ксюхиным пацаном, Ильинский узнает через час после Бориного визита. И немедленно рванет домой. Ворвется в комнату Вани:

— Что этот дядя тебе говорил?!

— Ничего, — удивился Ваня. — Мы просто поболтали. Он спросил, когда ты придешь, пожалел, что разминулись. Такой интересный...

— Он тебе угрожал?

— Нет. Сансаньч, ты чего? — насторожился Ваня.

— С собой звал? — настаивал Ильинский.

— Ну говогил (Ванька, когда волновался или был взбудоражен, забывался и начинал смешно грассировать), что можно в море выйти или поехать поохотиться... С тобой... и с ним. Что вы дгузья...

В комнату на крик Саньча влетела Ксюха:

— Он тебе что-то давал? Ну-ка в глаза смотреть! Что дал?! Я точно знаю, что дал! Не врать мне!

Ванька обиженно засопел и полез в карман. Достал складной ножик с резной рукояткой.

— Ну вот, дядь Витя подагил. Спросил, ходил ли я на охоту, и сказал, что у мужчины-охотника должен быть нож. Свой.

— Нож или отец дарит, или в бою добывают! — проревел Саныч. — Ну-ка дал сюда!

Ванька, внезапно оцетинившись, прижал нож к себе и завопил: — Не дам! Это мое! Это мне подарили! Я с ним игаю! А ты вообще со мной не иггаешь! И... И... и... Подарки — не отдажки!

Ксения, отмахнув рукой Саныча, присела рядом с Ванькой:

— Кыця моя сладкая, это шо за бунт на корабле? Или тебе игрушек мало?

— Я... я... вообще в игрушки не играю уже!.. Я взгослый!.. — закричал Ванька.

— Тем более, — гладила его по руке Ксения. — Тем более... Чужой дядя... Не очень хороший...

— А чего вы его пигогами когмили, если он нехороший? — продолжал истерить Ваня.

— Повторяю, — вмешался басом Саныч, — я за тебя отвечаю. Вместо отца, пока матери не вернем. Нужен нож? Заслужи, докажи, что взрослый, — подарю. Настоящий кинжал или кортик морской. А этот подарок мы вернем. Иначе... Иначе, понимаешь, — тихо и доверительно заговорил он, — у меня из-за него неприятности крупные будут. Понял? — Саныч протянул лапищу и замер.

Ваня всхлипнул и положил в нее нож:

— Все равно так нечестно!

Саныч и Ксения сидели на кухне. На столе между ними лежал злополучный ножик.

— Вот же ж холера на мою голову! — вырвалось у Ксении. — Вот падла! Все его подарки в скандалы превращаются. Что тогда, шо теперь...

— Не понял? — Саныч ревниво повернул ее к себе.

— Да тихо ты — хлопнула она его ладонью по загривку. — Тихо! Он за Женей ухаживал, когда я младше Ваньки была. Сначала думала — обозналась. Потом поняла: точно он. Блатной. Из воровской семьи. Столько нам гембеля пристроил! Чуть Петьку Женькиного не зарезал... А потом пропал... И я его с тех пор и не видела... Знала, что расстреляли. А тут нате — как черт из табакерки... — Ксения горько вздохнула. — И шо теперь?

Саныч наворачнул круг по кухне:

— Не по понятиям ведет себя... Ребенка выкрасть решил?

— Санечка, — встрепенулась она, — а может, в ЧК заяву написать?

— Ага... Давай, и объясни сразу, что мы с ним совместно делали! И это перед отъездом! — Саныч метался по кухне. — Не вариант... никаких ЧК и милиции... Я ему сам устрою!

— Пенку во весь горшок... — устало поддакнула Ксения.

— Чего?! — не понял Сансныч.

— Да так, ничего! Присказка такая во дворе была, — хмыкнула Ксения.

Саныч присел возле нее:

— Я очень хочу в твой двор. И чем скорее, тем лучше. Тебе долго с бумагами осталось?

Ксения покосилась на Борькин нож:

— Ну, думаю, с такими новыми вводными дня за три управлюсь. Мебель и бебехи эти все, посудно-постельные, не берем. Только ценности. Все наживем...

— Я не знаю что за... «бе... бебехи^[2]»... Но я тебе все куплю! — воскликнул Саныч. — А пока... — он сгреб в горсть ножик, — я пойду кому-то мозги вправлю...

Ксения вскочила:

— Сашенька, я тебя умоляю...

— Умирать не буду, — остановил он ее. — В драку лезть тоже...

* * *

Борис выплюнул зубы в придорожную грязь и отер рот:

— Это что за беспредел? Вы шо, берега попутали?

Самый здоровый из трех дубленых, просоленных и проспиртованных насквозь рыбаков еще разок пнул его сапогом.

— Ты там мурчи шо хошь, но если еще раз близко к Санычу, или к его семье, или к дому подойдешь, предупредить не будем — пойдешь на корм рыбам. Живьем. И никакие блатные не отмажут.

Он бросил Боре под ноги подаренный Ваньке ножик:

— А их ребятенка тронешь, сука татарская, — обрез в жопу ставлю и курок спущу...

Через три дня Ильинские уедут из Хабаровска. Вайнштейн придет за четыре часа до отправки литерного спецпоезда с военным руководством и важными, вроде Ильинского, гражданскими. Подойти было нереально. Он не собирался рисковать своей жизнью, тем более теперь, когда в ней снова появился смысл и свет. Он, незаметный, неузнаваемый человек, тенью будет из дальнего угла смотреть, как идет по перрону семья товарища Ильинского — Сансаныч с цепким тревожным взглядом, буквально прикрывающий собой холеную Ксюху Беззуб и его такого красивого и взрослого Йоху-Ванечку. Родного такого, его, с такими же непослушными курчавыми завитками чубчика из-под картуза и его, его, вайнштейновскими черными масляными огромными глазами — погибель девкам...

Борька смотрел не моргая, превратившись в фото пленку, впитывая это скользящее мимо него по перрону изображение, насмерть запоминая каждую черту — до чернильного пятна на пальцах... Он не станет ждать, пока поезд тронется, — это было слишком невыносимое зрелище даже для такой скотины, как он. Вайнштейн сунет руки в карманы и, не оглядываясь, двинет с вокзала...

А Ванечка устроится у окна. Саныч радовался: как же им несказанно повезло — не просто поменять билеты, а пробить литерный, да еще и отдельное купе. Ксюша прятала улыбку, наблюдая за мужем, и нахваливала добытчика. Беззуб-младшая никогда не экономила на своем комфорте и была слишком умной, чтобы Саныч узнал, откуда такая удача и главное — во сколько она обошлась...

А Ванечка незаметным движением прижимал локоть к карману курточки — чтобы почувствовать, что там, в глубине кармана, за наглаженным носовым платком лежала шикарная зэковская выкидуха с гравировкой на ручке (настоящая слоновая кость!). Под странной, неправильной советской звездой — вместо пяти лучей у нее было шесть — были инициалы «ИВ» ну и еще какие-то кривые палочки.

Все случилось точно так, как сказал дядя Витя: он вручил ему маленький складной охотничий нож, но потом предупредил, что родители наверняка скажут, что брать подарки от чужих нельзя — и это правильно. Тогда отдашь им. Ванька вспылал, что они никакие не родители, что мамочка в Одессе ждет и пишет ему, а бабушка умерла в Хабаровске. Дядя Витя тогда спросил про папу. Но Ваня папу совсем не помнил — так... что-то совсем далекое и забытое — цветущие

деревья, облака, и как он летал, а папа его подбрасывал, а еще был конь! Он сидел на коне с папой, держался двумя руками за гриву и боялся... Тогда дядя Витя совсем загрустил и сказал, что из-за войны потерял где-то своего сына, тоже Ваню и примерно такого же возраста. А потом достал настоящий нож, не заводской. И сказал, что приготовил его своему сыну, но не успел отдать. И пусть им пользуется Ваня. Это будет их тайна. Потому что про своего сына и про этот нож, который он пять лет всегда носит с собой, никто не знает. Ванька дал честное пионерское, что не скажет. Потрогал узоры и заметил, что только одна буква отличается — он Иван Беззуб, как дедушка. Дядя Витя пояснил, что кривые палочки — это знак из другой древней истории, да, почти как у индейцев, но не у них. Палочки эти на старинном языке читаются «Нэцах» и означают «Победа». Всегда и во всем.

А дальше дома все прошло как по-писаному — Ваня поорал немного и отдал обычный нож, а секретный, настоящий, с этим непонятным словом, боевой нэцах он спрятал. «Он теперь будет тебя защищать и как оружие, и как талисман», — сказал дядя Витя на прощание.

Ванька не знал, чем ему так понравился этот чужой дядька. В нем была какая-то непонятная, необычная сила, не такая, как в Сансаныче. Сансаныч был строгий, большой и очень правильный, а дядя Витя — веселый и бесстрашный, и главное — он слушал. Он был первым взрослым, кто с таким вниманием слушал Ванькину болтовню, сопереживал и советовал почти как равному... Жаль, что они больше не виделись...

Дома

Никто не подозревал, что Анька Беззуб в свои сорок с лишком умеет так пронзительно верещать. Как первоклашка, увидевшая под елкой корзинку с котятами и сладостями. Тихая, серая лицом и одеждой, застегнутая до рубца на горле в гимнастерку, Анька орала от восторга, увидев в окошке подходящего поезда своего Ваньку.

Она врезалась в проводника и, сбивая выходящих из вагона офицеров, против потока людей ринулась к нему, потому что пережить

эти бесконечные последние секунды перед встречей уже не могла. Материнский инстинкт за годы разлуки пропитал каждый день ее существования, причиняя невыносимую боль и оставаясь единственным смыслом жить дальше.

Анька, не переставая визжать, схватила Ваньку и просто впечатала в себя. Он успел только всхлипнуть: «Ма» и врезаться в металлические пуговицы. Он так же крепко, зверенышем, вцепился в ее рукава и заревел. Ксюха прижала к глазам платочек. Саныч бережно затащил их обратно в купе.

— Ань, Ань, пойдем, уже десять минут так стоите, — потрепала ее по голове Ксюха. Но Анька продолжала обцеловывать и промакивать слезы в макушку сына.

На Фонтане в ее чудом уцелевшей, но буквально пустой даче уже был накрыт стол. Там хозяйничали Женька с Нилой, Лида сидела в тени в Анькином любимом уже совершенно проваленном кресле и ворчала:

— Да как можно так жить! Ну безобразие же.

— Что ты от Аньки хочешь? У нее всегда по-спартански, — буркнула Женя, — я вон все кастрюли свои привезла и тарелки.

— Ну вообще-то это общие тарелки, — задумчиво произнесла Лида, — родительские. Могла бы с сестрой поделиться.

Женька скрипнула зубами, выпрямилась и медленно, не торопясь, выбрала обычный сервировочный нож.

— Эй, Лидка, замри, — улыбнулась она.

Нож вошел в ствол ореха точно рядом с мраморно-белым ушком Лиды. Та в ужасе взвизгнула:

— Ты что творишь?!

— Делюсь фамильным мельхиором, — невозмутимо парировала Женька. — А что? Мало? — Она, склонив голову и ехидно улыбаясь, вращала вилку.

— Уймись, припадочная! Тоже мне — принцесса цирка! — фыркнула Лида и, подхватив со столика книжку, рванула ближе к столу. Присела в кружевной тени на углу.

— Безобразие! — снова напала она. — Одна живет как нищенка, вторая — изображает из себя ворошиловского стрелка!

— Чего ж изображать? У меня и удостоверение имеется, — Женька целилась вилкой куда-то за голову Лиды. Та чуть пригнулась.

— Нила! — закричала. — Отбери у нее столовые приборы! И воды мне принеси! Господи, да когда они уже приедут! Я тут второй час сижу!

— А ты бы не сидела, а помогла, или не царское это дело? — Женька положила вилку на стол и закурила.

— Ты что, опять куришь? — воскликнула сестра.

— Да я и не переставала. А чего ты вдруг обо мне заботиться начала? — ухмыльнулась Женя. — Думаешь, в завещании не вспомню и все вилки Нилке достанутся?

— Твой солдатский юмор с годами все хуже и хуже, — отвернулась Лидка.

Крякнул клаксон, Вовка бросился распахивать калитку. Из запыленной «Эмки» вышел незнакомый импозантный мужчина и подал руку выходящей вслед Ксюше, следом выскочил вымахавший Ванька и зареванная счастливая Анечка.

Праздничный обед плавно перешел в ужин.

— Вы остаетесь у меня. Это не обсуждается, — Анька свободной рукой обняла Ксюху. Второй она весь вечер держала, не выпуская, ладошку Вани.

Ксения покосилась на сестер в поисках поддержки:

— А может, все-таки к Женьке?

Женя подтвердила:

— У меня хотя бы кровати на всех и постельное белье есть.

Анька чуть не заплакала: — Нет, нет! У меня! Навсегда! Мой дом — это ваш дом. Я всем постелю, я в саду лягу. А завтра все купим! — И чуть тише добавила: — Не думайте, у меня деньги есть...

Действительно, после телеграммы из Хабаровска за те бесконечные дни ожидания встречи она купила и кровать, и матрас для Вани. От одежды и игрушек удержали сестры — мол, ты же роста и размера не знаешь. И правильно — Ванька вернулся с таким приданым от Ильинских, что хватило бы еще на десяток пацанов.

Сансаныч улыбнулся:

— Ксаночка, тут же море рядом. Давай погостим недельку, пока я ордер не получу.

— Никаких ордеров! Я тут вас пропишу! Это ваш дом. В полном распоряжении!

Лида кашлянула и, убедившись, что все на нее смотрят, внезапно выдала:

— Завтра приезжайте ко мне, — оценив округлившиеся глаза всех сестер, добавила: — Не жить, конечно. Я дам две кровати, — она подозрительно посмотрела на Ксению, — или вы в одной спите? И приличный шкаф...

Женька с Ксенией коротко переглянулись. Женька чуть заметнула дернула бровью, Ксюха усмехнулась. Такой невиданной щедрости от Лидки никто не мог представить. А старшая Беззуб продолжала:

— Нас... Нас уплотнили. Из шести комнат осталось только две... Заберите мебель, пожалуйста. Она слишком дорогая для этих захватчиков. А я не могу пройти... И да, там еще шикарный тонетовский гарнитур...

Наивная и уже поплывшая от волнения и пары рюмок Анька искренне посочувствовала:

— Лидочка, бедная! Это тебя из-за ресторана при немцах, да? Ну и ладно! Зато хоть не посадили!

Женька сделала вид, что поперхнулась, а Ксения, не стесняясь, расхохоталась, глядя на Лидку. О, если бы взглядом можно было сжечь, от той уже осталась бы горстка пепла...

Котька с прицепом

Из эвакуации Котька возвращался не один.

— Кому война — кому мать родна, — хмыкнет Лидка, когда узнает. Ее непутевый любвеобильный брат таки доигрался. Когда Женя откроет дверь, рядом с ним будет стоять суровая дородная женщина с высокими скулами и волевым командирским подбородком. Она держала за руки двух девочек — погодок лет двух-трех.

— А-а-а, бабский батальон, — не сдержавшись, заржала Женька. — Окрутили тебя таки, Котька? Ну, заходите!

После чая Котька, как всегда, смущаясь, расскажет свою незамысловатую и очень типичную для послевоенной Одессы историю.

Его комната в общежитии, холостяцкая берлога аж в двенадцать квадратов, закрепленная за ним заводом и свежим ордером, была на

удивление громкой — там надрывался патефон и была слышна женская ругань.

Котька удивленно оглянулся на жену и постучал в собственную дверь. Открыла деревенская, похоже, ни разу не мытая баба и, оглядев делегацию, вышла, прикрыв дверь и скрестив руки на раздутом животе.

Котька с ордером в руке оторопел. Он не умел ругаться с женщинами — он их просто любил без разбору. Но тут вмешалась его жена Зина:

— Так, я не поняла? Это что такое?! Это наша комната! Вот ордер! А ну собрала вещи и вали отсюда!

Баба с животом даже не шелохнулась и гаркнула:

— Отравляйся сама, откуда приехала! Мы теперича тут живем! И бумаги все в порядке. Нам положено!

Зина пошла пятнами.

— Зиночка, умоляю, не волнуйся! Это какая-то ошибка! Напутали что-то в бумагах, — гладил ее по рукаву смущенный Котька.

Супруга отдернула руку:

— Пусть они теперь волнуются, — строго сказала. — Жизни вам здесь не будет! Это я гарантирую, мародеры! Хлам свой собрали! Быстро! Ты брюхом своим мне не тычь! — Это уже к бабе обращаясь. — Не велика доблесть — залететь. Вали в свой хлев, откуда вылезла! Не уйдете — я вам такой ад устрою — мало не покажется!..

Из коридора, прямо под туфельки Котькиной жены выкатился на лоточке, отталкиваясь деревяшками-«утюгами» от пола, пьяный в дым инвалид, безногий обрубок в гимнастерке с засаленным воротом. Обрубку, несмотря на шрамы и отчетливое беспробудное пьянство, было не больше тридцати. Гимнастерка юбочкой свисала с доски на колесиках.

— Ну, и что ты устроишь? Думаешь, я чего не видел? Отсюда, например, снизу, — он уставился на могучие бедра Зинки, — шикарный вид.

Зина не просто шла, а рассекала, как крейсер, весенний сладкий одесский воздух, выбивая туфлями облачка пыли. Вцепившись в ее шею обезьянкой, подпрыгивала на руке младшенькая Вика, сзади чуть

не бежал Котька с чемоданом в одной руке и старшей трехлеткой в другой.

— Зинка! Ну подожди ты! Ну сегодня у сестры заночуем, а там разберемся, — умолял Котька.

— Ну и че ты сюда так рвался?! Голытьба!

Котька догнал и ласково погладил жену по крутой попе:

— Ну не гневи Бога, мы в Одессе — солнышко, тепло. У Женьки точно место есть. Да и Мельницкая в двух кварталах...

Женя была счастлива увидеть живого и здорового брата. А тем более наконец остепенившегося — с супругой да еще и с двумя детьми. Ее восторг поубавился, когда она узнала, что чемоданы при них — это не немедленная встреча, а все их пожитки и серьезная заявка на родительскую квартиру.

— А что, ты к управдому, или кто-там у вас комендант, ходил? Что про комнату-то говорят?

— Ну ты понимаешь, — Котька умильно улыбнулся и склонил голову набок, точно так же, как в детстве уговаривал маму на какие-то свои мальчишечьи интересы.

— Женька, ты понимаешь... Нам сказали подождать, сейчас нет ничего нам, надо пару недель... Максимум месяц перекантоваться... Мне некуда больше пойти. Прости, что приперся...

— И не смей извиняться! — за спиной Котьки внезапно появилась супруга. — Он имеет такие же права на эту квартиру, как и ты! Не жирно втроем в трех комнатах, когда брат на улице остался? Нам две положено! Нас больше!

Женя подняла тонкую бровь и, не глядя на Зинку, посмотрела на брата:

— Сочувствую. Ты где эту малахольную нашел? Или она тебя?

А потом снизошла до невестки:

— Значит, так, пришлым слово не давали. Веди себя прилично, или пойдешь на вокзал ночевать. Без мужа и детей. Я, пока ты в тылу отсиживалась, мужа похоронила и свекровь содержу. Кстати, забыла сказать — у меня туберкулез в открытой форме. Держись подальше, а то вдруг накашляю тебе в тарелку не ровен час, и подохнешь, моря не увидав. Сегодня девки идут спать к Нилке. Девочки к девочкам. Вы стелитесь в гостиной. Вовка идет ко мне. И я сильно надеюсь, что такому агроисен инженеру найдут жилплощадь в ближайшее время...

Котька не врал. У Аньки в ее домике на Фонтане временно разместились Ксюха с мужем и вернувшийся из эвакуации Ванька. У Лиды, которую Котька откровенно побаивался, в сорок четвертом отняли почти всю шикарную жилплощадь, вернув ее в границы восемнадцатого года до двух комнат и общей кухни. И то — с учетом тайных покровителей из госбезопасности. Зная Лиду, Котя даже не совался — эта бы даже на порог не пустила и в старые хоромы.

Котька поможет уложить дочек и выйдет на кухню к Жене, тоже вытащит беломорину и закурит, а потом спросит: — А тебе можно курить? С туберкулезом-то?

Женька горько ухмыльнется: — Мне теперь уже все можно. И шоколадом никто выкармливать не станет. Увы...

— Прости, прости, пожалуйста. Мне дали комнату, но ее инвалид захватил... Мне обещали что-то подыскать... но это месяц где-то... Потерпи...

— Та ладно, — Женька закашлялась в локоть, — не писай до горы — не чужие. Только бабу свою утомони — а то нарвется.

Квартирные скандалы в Одессе шли уже второй год, и это несмотря на то, что еще в сорок пятом «Большевицское знамя» даже вынесло официальный приговор председателю горисполкома Давиденко за работу жилищно-квартирного отдела, а точнее — ее полный саботаж. Вернувшиеся из эвакуации жильцы, комиссованные из армии фронтовики, прибывшие обратно институты с новыми сотрудниками и специалисты, присланные восстанавливать производство, расселялись массово и хаотично. И это не считая обычных граждан, которые решили закрепиться в портовом городе. Тысячи жалоб и заявлений не читались и не рассматривались, на одни и те же квартиры выдавали по несколько ордеров, а управдомы вместе с дворниками получали целые состояния. Первые — за заветные ордера, вторые — за информацию о пустующих комнатах. И несмотря на смену руководства и обещания навести порядок коренные жители по-прежнему обнаруживали в своих квартирах новых законных хозяев.

Я точно знаю!

— Я ж тебе тысячу раз говорила: в неволе не размножаюсь! — хохотала Ксения, когда Сансаныч, утирая слезы счастья, обцеловал ее мягкий округлый живот. — А стоило приехать домой, и сразу все получилось!

— Это точно? — оторвался от поцелуев Саныч.

— Да точно, точно. И задержка приличная, и у врача сегодня была. Так что будет тебе Сансаныч-младший.

— А если Сансановна?

— Не, там точно пацан, я знаю...

— Ксаночка, я, конечно, преклоняюсь перед твоими математическими способностями, но тут даже они бессильны.

Ксения прищурилась:

— На что поспорим?

Сансаныч расхохотался:

— Если там пацан — с меня золотые часы, если девочка — серьги. Обеим.

Ксения действительно была абсолютно уверена, что там мальчик. Еще бы! Двадцать лет назад во дворе на Мельницкой младшая дочь Ривки, Фая, гадала всем над ладонью цыганской иглой на нитке и объявила, что у Беззуб будет один сын. И все. И Ксения почему-то сразу безоговорочно согласилась на результат гадания.

Ильинский заметался по комнате:

— Надо срочно решать с квартирой. Я тут еще не очень ориентируюсь. Тебе какие улицы нравятся?

— Да и у Аньки пока нормально, тем более на свежем воздухе. Не дергайся — времени еще навалом, как раз и обнюхаемся с новой властью, и подзаработаем, а через пару месяцев вариант сам появится, — отозвалась Ксения.

— Нет! — отрезал Саныч. — Чтоб моя жена с ребенком приживалкой по родне мыкалась? Да еще и зиму в этом доме сыром! Еще простудишься! Не будет этого. И работать ты тоже не будешь!

— Саныч... — Ксения не кричала, наоборот, она говорила так тихо, что ему пришлось прислушиваться. — Сансаныч, я знаю, что ты глава семьи. Но если ты хочешь им оставаться, не кричи на меня. Никогда. И запомни — я буду работать. Где, с кем и сколько — решаю только я. Я была уверена, что ты это понял еще в Хабаровске. Поверь, я не тот

человек, который уработается до вреда себе или ребенку. А квартиру ищи. Не понравится — потом поменяем...

Саныч будет придирчив до невозможности, но его амбиции «хозяина тайги» разобьются как штормовые волны об ряжевый пирс в Хоэ. Для всемогущего начальника горжилуправления он был просто очередным просителем, правда, очень перспективным. Тот, не глядя, закинет газету со вложенными деньгами в ящик стола и черкнет адрес нужного управдома.

Ильинский умел организовать дело, но с одесскими гешефтами так тесно и неприкрыто столкнулся впервые.

И точь-в-точь, как Виктор Гиреев, управдом повернет не бумажку, а ладонь с чернильной цифрой. И даже Саныч поперхнется: — Но мне сказали, что это тридцать тысяч... (В то время средняя зарплата рабочего была около четырехсот пятидесяти рублей, а килограмм лучшего белого хлеба — двадцать.)

— Ви думаете, мы помыли шею под большое декольте и ждали, когда же дорогой гость из Хабаровска придет до нас у гости? — ухмыльнется чиновник. — То, что вы говорите, было в сорок четвертом, а сейчас же ж сорок шестой. И то за большую комнату в коммуне, а не за хоромы в центре.

Саныч выложит два камня из хабаровских запасов. А потом под лукавым выжидающим взглядом добавит еще один.

Дома Ильинский положит перед Ксеньей на стол листочек:

— Две собственные комнаты и кухня на Канатной, 85, как сказал твой человек, пардон, на улице Свердлова. В трех кварталах от моря. Я так хотел на Французском бульваре, но мне сказали, что я бы еще год подождал или позже приехал. Но зато самостоятельная и потолки почти четыре метра. У нас дома в рабочем бараке я такого и не видел. Говорил же, надо было сразу за ордером идти!

Ксения улыбнулась:

— Саныч, ты же видел, где я жила. Канатная — это невероятная удача. Но после Аньки я уже дом хочу. Так что не расслабляйся...

1947

Муха в янтаре

Работы все время только прибывало, а служебное положение Василия Петровича не менялось. День Победы он встретил в том же кабинете, за тем же столом. Соседей к нему больше не подсаляли, несмотря на то что штат отдела рос и рабочих мест категорически не хватало. Но новые сотрудники, услышав пару рассказов о нем, предпочитали работать где угодно, только не в одной комнате с этим легендарным человеком. Зато вернулись два знаменитых шкафа Ирода из его бывшего кабинета на втором этаже. Казалось, о Василии Петровиче не просто забыли, а похоронили его заживо, как он сделал с Косько в тридцать девятом.

Вот уже в сорок шестом прошла реорганизация НКВД В МГБ, вот его местная серая паучья власть стала еще больше, чем в неистовые двадцатые. Вся агентурная сеть, весь архив, все мало-мальски значимые бумаги проходили через Ирода, вся агентурная работа города фактически была в его ведении. И он небезосновательно ждал каких-то подвижек, ждал повышения, но напрасно...

И только в начале 1947-го начальник горотдела в разговоре с глазу на глаз честно сообщил, что приказ о восстановлении Василия Петровича в должности до сих пор не подписан, попросил подождать. На вопрос «сколько?» смог только пожать плечами.

Зинаида

Котькина жена Зина обладала уникальным даром — в считанные минуты настраивать против себя любых граждан независимо от их возраста, пола и профессии.

— Это шо за фельдфебель в юбке у вас завелся? — спросила Нюська Голомбиевская у Женьки Косько, когда Котька с семьей только образовался.

— Котина жена.

— Как звать?

— Не запомнила, — демонстративно пожала плечами и поморщилась Женя. — Оно мне надо? Надеюсь, скоро съедут.

Но вселенский закон подлости, согласно которому «нет ничего более постоянного, чем временное», действовал без исключений. И Зинка стала Женькиным персональным проклятием.

— Румыны себе скромнее на моей кухне вели! — прошипела она, обнаружив Зинку, которая по-хозяйски рылась в ее посуде и ящиках наутро после первой ночи на новом месте.

На что Зинка ответила Женькиным же оружием, громогласно выдав крамольное: — А это тебе не при румынах!

Учитывая Женькину замкнутость и некоторое совершенно необоснованное высокомерие по отношению к соседям, за этим эпическим противостоянием «змеи и крокодила» с удовольствием наблюдал весь двор. Зная характер мадам Косько, все замерли в предвкушении, ожидая ее сольного выхода. Женя тоже крепко задумалась. Повторять на бис финт с пургеном — себе дороже, потому что если сноха не добежит, то такое не выветрится и за неделю. Применять что-то потяжелее с ножом или оружием — не тот масштаб, да и ведение боя в закрытом помещении с противником в два раза больше себя небезопасно. И Женя просто абстрагировалась в своей комнате, ограничив общение до царского кивка утром и вечером. Зато через неделю совместного хозяйства, когда внезапные гости подъели без спроса почти все ее запасы, мадам Косько все оставшиеся продукты и посуду, кроме пары алюминиевых мисок, унесла к себе в комнату.

— А посуда где? — возмутится Зинка.

— В Караганде, — невозмутимо парирует Женя, — ну или откуда там тебя принесло. Не в ресторации — свою купи.

Зинка в тот же день приперла в кухню подвесной шкаф для своих продуктов и посуды с прикрученными петлями и навесным замком. И торжественно перед Жениным носом вбила в стену два гвоздя, повесила свое хранилище и заперла на ключ, который повесила себе на шею.

Котька всеми способами задерживался на работе, добирая смены, потому что моментально попадал между молотом и наковальней, выслушивая претензии сестры и жены по очереди или — в особо тяжелых случаях — одновременно.

Вчера Зинка орала: открыв свой шкаф, она обнаружила на полках растерзанные свертки с крупой и крысу. Живую, крупную и явно недовольную громким криком.

Бедное животное пострадало безвинно. Зинка кричала Вове, что это его сестра подсунула крысу в продукты. Женя, ехидно улыбаясь, сообщила, что действительно, по ее просьбе прибывший на гастроли в Одессу Вольфганг Мессинг силой мысли перенес крысу в шкаф без следов взлома. Котя убеждал Зину, что крыса забежала, пока та готовила, и затаилась... А вечером на коридоре он боднул головой Женю в плечо:

— Ну пожалуйста, ну потерпи. Ну зачем ты это сделала?

— Я ничего не делала, — отодвинулась Женя. — Заняться мне больше нечем!

Котька хихикнул:

— Ага, а крышку верхнюю кто приподнял и аккуратно гвозди назад забил?

— Да, конечно я! Пока твоя супруга базар делала. Управилась за четверть часа с отловом крысы и побегом с работы!

На самом деле де-юре Женька говорила чистую правду: она ничего не делала, а вот ее одиннадцатилетний Вовка, которому пришлось из своей личной комнаты перебраться к матери, был счастлив сделать по ее намеку хоть что-нибудь, чтобы вернуть свою территорию. И что там ту крысу поймать, когда они в подвале чуть ли не по ногам скачут!

— Я прошу — еще месяц, — шепнул Котька. Но прошло уже три, а комнату им так и не дали.

Уже в складчину закупили уголь на зиму и перетаскали в подвал, а ледяное противостояние продолжалось. Более того, не только Женька — весь двор страстно желал избавиться от новой жилички.

Зина не знала законов нового закрытого общества, в котором волей судьбы оказалась, и не хотела с ними знакомиться, а такой наглости Молдаванка не прощает. В общем, однажды, воспитанная в спартанских условиях рабочего общежития, Зинка посягнула на святое.

Утром Нюся вышла провожать Полиночку на службу и увидела, как новая пришмаленная невестка Косько развешивает свое белье и Котькины портки по Асиной веревке.

— Эй, подруга, это ты зря — веревка чужая! На вашу перевесь, когда Женька белье снимет. Не положено... Здесь у каждой хозяйки свое. Ты бы хоть разрешения спросила.

— Вот еще! — фыркнула Зинка. — Разбежалась! Кто рано встает, тому Бог дает, или как там — в большой семье...

— Не без уroda, — мрачно констатировала Нюся. — И не знаю насчет Бога, но вот Аська тебе точно задаст по первое число.

И действительно, когда в обед Зинка выйдет снять белье, окажется, что его уже сняли. Прямо на дворовые плиты. И еще хорошо прошлись сверху.

— Ах ты ж сука! — сунулась было Зинка к дверям Аси, но та вылетела со скалкой:

— Я тебе сейчас еще зубы выбью! Приехала она права качать! Мы сейчас всем двором на тебя заяву накачаем, пойдешь на пятнадцать суток — за хулиганство и нарушение прописки! Ты здесь никто и звать никак! Так что... — Ася не успела закончить.

— По одной половице ходи — на другую не сваливайся, — отозвалась внезапно со своего угла старуха Гордеева.

— Ты где ее вообще нашел да еще и женился? — поймала Котю за рукав Голомбиевская.

— Противоположности притягиваются, — кокетливо вздыхал Котька.

Зинка возьмет реванш за крысу и в субботу принесет со Староконки трехцветного котенка.

— Это еще что? — удивится Женя громкому мяуканью.

— Это крысолов. Лучший. Леопард, иди сюда.

Тоший котенок пронзительно мяукнул.

— Лёпа! — позвала его радостно Котькина младшая.

Нилка выглянула из своей дальней комнатки и рассмеялась:

— Да какой Лёпа? Какой Леопард? Это типичная Пардя!

— Чего это Пардя? — возмутилась Зинка.

— Потому что трехцветки только девочки — мальчики такой масти не бывают, — улыбнулась Нилка.

— Не может быть! — вспылила Зинка.

— Ты ей хоть под хвост смотрела, зоотехник недоделанный? — торжествовала Женя. — Котят сама топить будешь!

— Легко! Тебя представлю!

— Ни минуты не сомневалась!

Поздравляем!

— Ксения Ивановна, поздравляем! У вас прекрасный мальчик!

Ксения улыбнулась:

— Сашенька мой!

Акушерка все удивлялась: — Надо же, старородящая, и после войны, а такие легкие роды!

— Помоложе вас буду, промежду прочим! — заявила тридцатилетняя Ксюха. — А у меня по жизни все легко! Вы вот попробуйте денек не страдать, вдруг понравится?

Саныча в палату не пустили — он стоял под окном и глупо улыбался, пока задаренные санитарки тащили Ксюхе в палату сумки с деликатесами.

— Ну-у, мне нельзя сейчас икру и шоколад! Обсыплет же наследника! — смеялась она, возвращая обратно записку с дарами.

Золотые жилетные часы «Павел Буре» с боем для Сансаныча Второго и тонкие червонного золота женские часики вместе с бриллиантовыми серьгами уже ждали дорогих гостей в отмытой до хруста квартире.

Сансаныч организовал шикарный стол для родственниц в одной комнате и полный покой для матери с младенцем — в другой.

— Обрезать будете или крестить? — поинтересовалась в конце вечера Лида. — Или и то, и другое на всякий случай?

Женька фыркнула.

— А что ты смеешься? — повернулась Лидка. — Надо ж определяться.

— Только не обрезание, — отозвалась Анька, — его не скроешь. Вы что, войну не помните?

— Война закончилась!

— Ну... — задумчиво протянула Ксения, — прости, Анюта, но, судя по Ванечке, — обрезание очень гигиенично. И судя по тому, как оно внезапно появилось, папа тоже был обрезан.

Анька вспыхнула:

— Еще что вспомнишь?!

— Маму нашу, например. И вообще с евреями отлично работается.

Ясность внес вечером Сансаных:

— Ну зачем ему эти религиозные пережитки, Ксения? Ну подумай, пока мы живы, мы сами сможем и защитить, и накормить, и продвинуть. А вырастет — пусть хоть в партию, хоть к попам, хоть в синагогу.

— Ты у меня самый умный, — поцеловала мужа Ксения, — и самый главный. Как скажешь.

Герои нашего времени

Китобойная флотилия «Викингер» была передана Советскому Союзу в октябре 1946 года в счет германских репараций. В Женькин день рождения — 22 декабря ее переименовали в «Славу». Правда, в первой антарктической экспедиции под советским флагом основными специалистами были нанятые норвежцы. *Триста восемьдесят четыре кита* — с таким уловом флотилия вернулась в Одессу. А это значит голод, который второй год подряд висел над Одессой, был практически побежден.

«Позавчера трудящиеся Одессы встречали китобойную флотилию, вернувшуюся после шестимесячного плавания из Антарктики. Причалы Хлебной гавани были заполнены колоннами трудящихся. Они пришли встречать участников экспедиции с букетами цветов и приветственными лозунгами... Первая советская экспедиция в Антарктику имела своей целью, кроме добычи китов, воспитать кадры советских китобоев. Эта проблема полностью решена», — напишет 8 июля 1947 года «Большевистское знамя».

— Где мы, а где киты? — недоумевала Нюся, слушая восторги Полиночки, которая с дочкой Анечкой ездила встречать флотилию. — Это же Дальний Восток!

— А вот и нет! Они ходят аж в Антарктику! В ревущие сороковые и неистовые пятидесятые! Они охотятся за китами!

— А Одесса таки тут при чем?

Порт приписки Одесса был выбран как транспортный узел — так ближе и удобнее отправлять всеми путями добытый жир на заводы и

переработку. Порт, моряки, заводы, да и вся Европа, которая с радостью закупала амбру в промышленных количествах, была намного ближе Владивостока.

И с этой даты в Одессе начнется новая эра — морской романтики. Уже в третьей экспедиции экипаж будет полностью советский, и большинство моряков — из Одессы. До первого полета человека в космос круче одесских китобоев не будет никого в СССР. Их уход в рейс и возвращение в родную гавань станет праздником для всего города. Огромная китобойная флотилия «Слава» — это плавбаза в сто пятьдесят метров длиной с общим экипажем больше трехсот человек, настоящая плавучая фабрика по разделке, переработке и заморозке жира, мяса, кожи и амбры. При ней восемь, а потом уже двенадцать мелких быстроходных суденышек-китобоев. Именно они били китов, до тысячи за сезон. Нередко, забив гиганта, они втыкали в него буй с флагом, отмечавшим, чья это собственность, и неслись за новой добычей. Помимо планов и премиальных, была одна самая важная привилегия — китобой, забивший больше всего китов, заходил в одесский порт первым. Это была высшая почесть. Всесоюзное радио, а следом за ним и телевидение, не считая всех местных и столичных газет, регулярно рапортовали о достижениях и подвигах китобоев.

И начиная с первой экспедиции «Славы» все одесские и не только мальчишки и юноши мечтали стать моряками.

Рабочий человек

Двоюродные братья и ровесники, Ванька и Вовка, конечно же, моментально сошлись после Ванькиного возвращения. И конечно, по мнению их матерей, дурно влияли друг на друга, о чем Аня и Женя по секрету регулярно жаловались Ксене.

Фонтанский Ванька и молдаванский Вовка росли обычными уличными пацанами. Работающим матерям хватало сил только на обеспечение их прокорма да периодические выволочки за совсем уж дерзкие шалости.

Ваня Беззуб-Вайнштейн, явно унаследовавший отцовские гены, проявлял недюжинный подростковый интерес ко всему запретному и криминальному. Тем более что Анька баловала своего вернувшегося

сына сверх меры, щедро выделяя деньги из своей не самой большой зарплаты на любые прихоти — от голубей и удочек до постоянных карманных денег на пирожки и мороженое. Разумеется, такого залетного «богача» регулярно трусили старшие пацаны, отбирая и деньги, и символы статуса. Ванька пытался драться, но против трех подростков не попрешь. Он понял: нужно срочно прибиться к кому-то посильнее.

Вовка Косько по кличке Шнобель — за выдающийся семитский нос на узком, вытянутом лице — торжественно представил прибывшего из Хабаровска братана хуторской шпане. Те поржали над его «охотничьими рассказами» о придуманных и реальных похождениях на Дальнем Востоке, но когда обиженный Ванька в доказательство своей крутизны вытащил дорогушую зэковскую выкидуху, уважительно загудели:

— Ну раз ты такой правильный пацан, докажи. Вон, на углу баб Маня с пирожками — пойди, отожди братве хавчика.

— Да я их все купить могу!

— Ты пацан или голимый фраер?! — присвистнул разочарованно старшой и жестом показал рванувшему было Вовке присесть: — Ты, Шнобель, не вписывайся за этого фонтанского. Хочет с нами ходить — пусть докажет.

Это была явная подстава. Необъятная баба Маня была не просто самой черноротой на улице, но и здоровой, как биндюжник.

— Шо ты смотришь? Будешь брать или клиентов мне загоразивать? — рывкнула она на топчущегося возле лотка Ваньку.

— А ну, хуна старая, пасть захлопнула и бабки достала, — авторитетно промурчал Ванька и вытащил нож.

— Шо ты там тьякнул? — скривила лицо Маня.

— Да я ща распишу тебя!

От разбитого носа, Маниной пудовой оплеухи и окончательного позора Ваньку внезапно спас участковый, который по гражданке, в домашних тапках вышел из соседнего двора за пивом.

Он просто скрутил ему руку, вынул нож, сунул себе в карман и вот так, с выломанной рукой и выкрученным ухом, повел в отделение.

— Ты откуда, идиот малолетний, нарисовался?

Шпана, из-за угла наблюдавшая за Ванькой, возбужденно галдела: — Вот это поворот!

— Что ж делать теперь? — спросил перепуганный Вовка.

— А вот теперь проверим — он нормальный пацан или ссученный стукач, — отмазался старшой. — Ладно, пошли, чего ждете, кина не будет.

Вовка был в панике, а вот Ванька уже шмыгал носом в кабинете.

— Ты откуда, идиот?! Фамилия? Имя? Где родители?! Кто тебя, дурака, к Маньке-то подослал?

— Я сам пошел. Я есть хотел!

— Ага, с двадцатью рублями в кармане за пирожок заплатить не мог? Стыдобище! А еще ж, поди, пионер! Родители где?!

— Ничего не скажу, — мотал головой Ванька.

— Тогда я тебя в детдом сдам. Как беспризорника, — предложил участковый. Он видел, что пацан не местный, чисто одетый, откормленный, в хорошей обуви, и решил его в назидание хорошо припугнуть.

— Я не беспризорник! — огрызнулся в слезах Ванька.

— Ты мне тут понтоваться решил? Уголовника из себя строить? Так я тебя в камеру с настоящими запру. Тебе за Маню, у которой двух сыновей в войну убили, жопу на фашистский крест в первую же ночь порвут. Понял?! — рявкнул он.

Ванька зарыдал: — Я не хотел! Я случайно! Не надо в камеру!

— Нож где взял?

— В Хабаровске у пацанов выменял.

— Значит, пришлый... А ты понимаешь, малолетка, что тебе с этим ножом статья за разбой светит? Тебе сказать, что наша Родина с такой швалью делает?

— Не пришлый, я местный. — Весь взрослый кураж с Ваньки моментально слетел. Остались одни сопли и ужас до макушки. — Я из эвакуации вернулся... Я не знал... Это шутка была!

— Мать где? Кто?

Ваня лихорадочно соображал: если вызовут мать — то это конец. Она слабая, маленькая, не переживет, да и не поможет.

— Ксения Ивановна Ильинская.

— Не знаю такую.

— Она Беззуб раньше была, с Мельницкой. Сейчас на Канатной, 85 живем...

Но Ксения уже звонила Сансаньчу, потому что в ее коридоре стоял белый как стена Вовка и трясся: — Теть Ксенечка, спаси! Там Ваньку в ментовку загребли. Там пацаны пошутили, а он поверил...

Сансаньч зашел в кабинет участкового, отодвигая рукой Ксению, которая оставила малыша домработнице и тоже примчалась на помощь.

— Ждать. Сам разберусь.

Первым делом он вкатил Ваньке затрещину, а затем протянул руку участковому:

— Александр Ильинский, уполномоченный Министерства заготовок сельскохозяйственных продуктов СССР по Коминтерновскому району. Можно, я его прямо здесь выпорю?

— Отец?

— Отчим. Можно вас на минутку?

Ксения стояла у отделения и терла рукой поясницу. Ее больше мучала жажда и налитая молоком грудь, чем страх за Ваньку. Он точно знала, что это не проблемы, а расходы, и что ее Сансаньч все решит. Так и случилось. Через четверть часа зареванный Ванька вышел из отделения вместе с Саньчем.

— Марш домой, засранец! — рявкнул Ильинский на Вовку. — Глаза б мои тебя не видели!

— А ты, — повернулся он к Ваньке, — за мной! В машину!

— Вы маме не скажете?

— Всё скажу. И вообще — решил, что сильно взрослый? По дому не помогаешь, по улицам шарисься, на женщину напасть вздумал? Я тебе мозги враз вправлю!

В машине состоялся перекрестный допрос. Малиновский, зареванный Ванька тяжело сопел и собирался опять пустить слезу.

— Ты откуда выкидуху эковскую взял?

Ванька молчал, лихорадочно думая.

— Ты ее из Хабаровска, что ли, привез? — проинтуичила Ксения.

— Нет. Еще в том году добыл.

— Такие ножи не выменивают и соплякам не продают, — отрезал Саньч.

— Я у пацаненка малого выдурил за пару голубей и шоколад.

— Не врать мне!

— Ему... ему батя его блатной подарил. А батю потом в штрафбат. И убили...

— И он батькину память отдал?

— Я его напугал, что его в тюрьму с ним загребут.

— Отлично. Мало того, что ты грабитель, ты еще и аферист бесстыжий! — гремел Ильинский. — И не реветь мне, а то не посмотрю, что ты уже мамкин, и таки выпорю!

На Фонтане Ильинский объявит Ане:

— Твой сын идет работать. Будет тебе помогать.

— Но он же маленький, — возразит Анька.

— В тринадцать лет? Да я с одиннадцати батрачил с рассвета дотемна за миску каши! На завод пойдет. Я договорюсь. Стальканат. Тарный цех. Ящики сколачивать для продуктов будет. У меня с ними поставки налажены. Лично качество проверять буду! И явку на работу!

А вот Вовка Косько получит от матери по полной программе, несмотря на возраст. Женя, узнав, что Вовка со шпаной подбили Ваньку ограбить лоток, так отходит его старым Петькиным ремнем, что Вовка будет стесняться переодеваться на «Январке», куда его в чернорабочие без зарплаты заберет после семейного скандала Котька.

А еще обоим братьям строго-настрого запретят общаться друг с другом до начала учебного года. На всякий случай.

В первый рабочий день Ванька вернется домой после обеда, вонючий, грязный, с трясущимися руками, и рухнет спать до следующего утра.

Когда через неделю Саныч заедет за партией с проверкой — Ванька запросится:

— Я все понял. Может, хватит? У меня руки трясутся — вечером кружку поднять не могу.

— Ты что, ныть вздумал? Так я тебя в рыбхоз передам! Будешь рыбу чистить на заготовках. Тонну в день. Эй, Рафаилович! — окликнет Ильинский начальника смены. — Спуску этому поганцу не давать! И норму общую. Не маленький, сдюжит.

Трудовое воспитание явно пойдет Ваньке на пользу. Через месяц он вбивал гвоздь-сотку с двух ударов, окреп и всерьез раздумывал, куда пойти после седьмого учиться, а на предложение Вовки сходить в кино, перехватившего его у проходной, угрюмо буркнет:

— А ты знаешь, сколько мне за эти пятьдесят копеек молотком махать? Обойдусь как-то.

— Так мы через забор!

— Это без меня. Я рабочий человек — позориться не стану. У нас в Доме культуры кино. Трофейное. Для заводских.

В последний день августа, получив свою зарплату аж в двести рублей, Ванька раздобудет торт и приедет на Канатную. Поблагодарит тетю и Саныча за науку, а в конце чаепития вкрадчиво спросит:

— Тетя Ксения, а куда пойти учиться, чтоб, как вы, гешефты крутить?

Ксения зайдетса хохотом так, что разбудит маленького Сашку. А Сансаныч поперхнется коньяком:

— Я тебе сейчас кой-чего другое выкручу!

— А что? — улыбнется Ксения, пристально рассматривая племянника. — Правильно думает! В тарном цеху он точно от голода не помрет, но если хочет семью обеспечивать и жить нормально, то надо мозгами работать, не только руками. Так что посоветуй.

— Мореходка, — отрезал Ильинский. — Бурса или «вышка» — высшая мореходка, если потянешь. Вот где и слава, и почет, и деньги приличные. И встречают как героя, а не за ухо по улицам водят.

— И за границу выпускают, — мечтательно добавила Ксения.

Подзаборная мечта

Ванька Беззуб-младший после разговора с теткой и Сансанычем, видать, так сильно мечтал о китобойной флотилии, что она буквально пришла к ним домой. За забором их дома и аж до девятой станции стали массово расчищать брошенные дома и заросшие участки и устраивать фундаменты.

— Товарищи! — вышла ранним воскресным утром на шум стройки и стук топоров заспанная Анька. — Стесняюсь спросить: а шо за геволт вы устроили в выходной?

— Вы что, мадам, газет не читаете? — возмутился ближайший работяга.

— Я дальше передовицы не интересуюсь, — отрезала Анька.

— Так там и писали! Здесь будет городок для работников китобойной флотилии «Слава». Тридцать один дом.

— Надо же! Китобои — это правильно. Ладно. Заради «Славы» потерпим.

Ванька чуть не прыгал — вот радость-то! Настоящие китобои в соседях.

И китобои не подвели. Деревянные сборные одно- и двухквартирные домики выдали самым первым советским морякам, попавшим на «Славу» плавбазу или на один из восьми катеров при ней. Стояла задача — обучить как можно скорее своих и убрать с судна нанятых и очень дорогих и заносчивых норвежцев. В первой когорте прошел обучение, а скорее, профпроверку и возврат прошлых навыков и Осип Федотович Егоров — скуластый рыжеволосый светлоглазый двухметровый помор. Он с пяти лет с батей занимался ловлей рыбы. Начинал как все — с рек, потом ушел в Белое море. В двадцать лет вспылал, ослушался, жениться не стал, а ушел из села за ближний кордон, к норвегам, китов бить. Семги с треской ему мало было! Там и выучился на гарпунера. Потом вернулся воевать за родину-матушку, но не пустили — оставили на промыслах как особо ценного. А потом, наконец, пригодился стране, несмотря на возраст. Осипа взяли не столько бить китов, сколько натаскивать молодых и толковых — на суше и в море, а чтобы не пьянствовал по традиции между путинами и не уезжал далеко — выдали жилье в новом порту приписки. Запить ему так и не удалось. После новоселья и вводной разминочной пьянки (а компания ему была без надобности) он, попев в ночное Черное море своих родных беломорских тягучих песен, завалился спать. С утра, мучаясь жаждой, глянул через забор к соседям — разжиться водичкой. Или водочкой.

Увидев нового соседа, Анька застыла. Это был огромный сказочно красивый мужик.

— Вами можно иллюстрировать русские былины! — наконец восторженно выдала она. А потом добавила:

— Вы же из этих легендарных китобоев? Можно, я вас нарисую?

Вот такого суровому архангельскому потомственному рыбаку и охотнику, настоящему помору, бабы никогда не предлагали. Он оробел как мальчишка:

— Ну это... ладно. А что делать-то надо?

— Ничего. Вы в саду будете сидеть и вдаль смотреть.

Но смотреть вдаль у оголодавшего за девять месяцев рейса Егорова получилось не долго. Он жадно выпил почти самовар чая и, придя в себя, встал и решительно пошел к Аньке:

— Не смотреть! Не смотреть! — завопила она, выбегая перед мольбертом. — Еще не готово!

Но этот великан со словами: — Хорошо. Не буду, — просто подхватил перемазанную краской Аньку вместе с кисточкой на руки и понес в дом. Через четверть часа Осип сконфуженно пробурчал:

— Не серчай, давно бабы не было. А ты шибко сладкая. Я к себе пойду, чтобы пацаненка твоего не пугать, да и прибраться надо, а ты, как стемнеет, приходи. Я ждать буду. Сейчас мы тебе проход соорудим, — и легко, как салатный лист, оторвал несколько досок в общем заборе.

Через неделю заборных хождений парочка спалилась. Ванька вернулся из школы раньше обычного и увидел за столом в саду огромного моряка в сатиновых синих трусах и тельняшке, попивающего чай из маминой любимой чашки. Но даже больше всамделишнего китобоя у них дома он поразился скатерти на столе — мать, в отличие от теток, такими мещанскими пережитками никогда не заморачивалась.

Пожав руку, Егоров огласил:

— Зовут меня Осип Федотович. Потомственный моряк из Архангельска. Мы с твоей матерью вроде пара теперь. Так что ежели нужна защита, совет или помощь — обращайся, помогу.

Ванька испытующе прищурился:

— А вы на китобое кто?

— Как кто? Гарпунер, — спокойно ответил Осип.

Ванька восторженно присвистнул. Гарпунеры на флотилии были важнее капитанов. От них зависел успех всего промысла. Это были первые, самые уважаемые люди в команде. Про них летели радиogramмы на всю страну с начала путины.

Ванька ошалело переводил глаза с кумира на свою обыкновенную маму.

— А на китобой можно?

— А чего ж нет? С недели съездим. Я тебе все хозяйство покажу.

— И гарпун?

— А как же без него?

Ванька, несмотря на свои тринадцать лет, был еще сущим ребенком. Он задаст тысячу вопросов про китов, про устройство китобоя, про шторма и путину... Осип будет очень четко отвечать первый час, а потом поморщится:

— Слушай, да не таракти ты, как баба. Притомил уже. На судне все покажу. Сам-то чем дышишь? На что ловишь?

Ванька торжественно притащил Егорову свои самые дорогие удочки.

— Это что еще за баловство неумное? — огорчил его кумир.

— Да я на них знаете, сколько бычков таскаю? — возмутился Ванька.

— Баловство! — отрезал Егоров. — Я, когда пацаном был, мы с отцом ярусами добывали.

— Это как?

Поморы действительно редко ловили треску, камбалу и пикшу на удочку. Да и зачем, когда есть ярус — канат в палец толщиной и длиной в несколько километров (верст — скажет Осип), на которую крепятся тонкие бечевки в два аршина длиной с расстоянием в сажень между ними.

— Это сколько? — переспросит огорошено Ванька и повернется к маме: — Он что, из прошлого века?

— По уху отхватишь в следующий раз, — спокойно объявил китобой. — Говорю — как отец учил.

Так вот, на одном ярусе по пять тысяч крючков за раз. На дно выстелил часов на шесть, а потом выбираешь помаленьку и рыбу снимаешь.

— Та, — рассмеялся Ванька, — у нас на полчаса без присмотра оставишь — всё сопрут!

Он разом забыл и про далекого Гиреева с выкидухой, и про строгого Ильинского... Его пацанский авторитет что на Фонтане, что в школе взлетел до небес. Особенно после того, как Осип сводил его на «Славу» и вручил перед уходом в рейс новый тельник.

Отношения Егорова и Аньки были такими стремительными, как будто они три жизни подряд жили вместе и по недоразумению расстались, а теперь все снова встало на свои места. И средняя Беззуб,

наконец-то поверив в свое женское счастье, пригласила Ксеню и Ильинского познакомиться.

— Ого! — оценит с порога нового друга старшей сестры Ксения. — Он везде такой огромный?

Анька вспыхнет и толкнет сестру:

— Он очень серьезный. И такой настоящий! Такой былинный! Я с ним столько плакатов нарисовала!

— Ты бы с ним лучше брата Ваньке нарисовала! Такая порода пропадает, — шепнул Сансаныч и пошел знакомится с новоиспеченным ситуативным зятем.

Егоров с Ильинским сошлись сразу. Специалист по заготовке и консервации Сансаныч с жадностью расспрашивал Федотовича о тонкостях разделки, хранения и транспортировки китовых туш. О проценте потерь, об утилизации и возможностях, и совершенно подкупил помора своим искренним сожалением, что только третья часть кита идет в дело, а остальное бездумно сбрасывается за борт: — Это ж какие деньжища пропадают у лодырей!

Действительно, и на первых ходах, и на последующих советские промысловики были на редкость расточительны. Если японцы использовали порядка семидесяти процентов туши китов, то отечественных добытчиков интересовали только жир, спермацет и амбра. Ну и мясо, и то не всё. Шкуру поначалу пытались приспособить в кожевенном производстве на подошвы, а после бросили. Но за количеством убитых особей гонялись не на шутку. Еще бы — послевоенная страна после засухи сорок шестого была на грани голода, а тысяча китов давала столько же жира, сколько поголовье в полтора миллиона овец. Да и маргарин на китовом жиру был наивысшего качества и вкуса.

Пока мужчины обсуждали тонкости и возможности производства, сестры Беззуб откровенничали на кухне.

— Я такая счастливая, — выдохнула Анька.

— Это сразу видно, — отозвалась Ксения. — А чего ты Женьку с Лидкой не позвала? Ну с Лидкой понятно: все, кто ниже генерала и дипломата, — не люди, хотя гарпунер это практически советский принц!

Обе расхохотались. А потом Ксения пристально посмотрела на сестру:

— А Женьку чего не зовешь? До сих пор из-за Вовки злишься? Так она не виновата, что пацан на улице растет.

Анька замаялась, пошла греметь ящиками комода. Но Ксения не унималась:

— Так что там у вас стряслось?

— Да ничего! — вдруг выкрикнула Анька. — Ничего! Не хочу просто!

Уже ночью в постели Ксения с ее математическим мозгом выдаст Сансанычу вердикт: боится! Анька боится, что Женька у нее мужика уведет.

— Как у вас, девочек, все сложно, — вздохнет он. — Ты хоть во мне не сомневаешься?

Ксения развернется к мужу:

— Нет. Потому что верю и знаю, — она хитро улыбнулась: — Лучше меня ты не найдешь.

1948

Не трожь!

— Ну и шо за дятел там стучит? — взвизгнула Танька и, накинув на комбинацию халат, выглянула в коридор.

— Здрасьте, — то ли поздоровалась, то ли удивилась глубоко беременная гостья с двумя мелкими пацанами-погодками по бокам. — А Даша где?

— В Караганде! — парировала Танька. — Я почему знаю!

— Она тут жила до войны!

— Война три года, как закончилась. Теперь я тут живу.

— А Даша? — оробев, снова спросила рыжая дородная молодуха.

— Да я откуда знаю? Мне ордер куда выписали — туда и заселилась. Тут уже не было никого.

— Ой, — пискнула гостья и, отпустив старшего, прикрыла рот рукой: — А мы только из эвакуации вернулись, а она, Дашечка, сестра моя, оставалась... Ой, да как же...

— Да я год здесь — может, уехала куда. Ты соседей спроси. Вон, напротив, Евгению Ивановну, — смилостивилась Танька.

Феня, несмотря на то что прошло больше десяти лет, помнила эту чернявую Евгению — ее муж был какой-то военный начальник. Тогда мужа ее не было дома, а Феня привела к Даше с Мусей своего Якова — похвастаться. Ну выпили лишнего, песни пели... А Евгения эта вышла с замечанием. Ее мужу. Да так сказала, что тот был вынужден уйти. Тогда он впервые Феню и ударил. Она думала, что сгоряча, да под пьяную лавочку... Оказалось, что нет. Но пьяным Яков Верба бил особенно сильно и долго. А пил он в этом Грозном чуть ли не каждый день... Что возьмешь... контуженный человек...

Феня вздохнула, махнула заковылявшему по коридору Сережке, чтобы вернулся, и робко поскреблась в косяк.

— Евгения Ивановна! — проорала в черный коридор за развевающейся застиранной занавеской. Дверь была незапертой, как и по всей галерее.

На коридор с белоснежным полотенцем на плече и зажатой папиросой в зубах выплыла та самая «начальница». Перманент или свои взбитые кудри, короткая стрижка, прикрытая газовой косыночкой, тонкие прочерченные брови и чернючие ведьмачьи глаза.

— Слушаю, — выдохнула вместе с дымом.

Феня оробела. Она и так не очень связно говорила, а жара, усталость, волнение и ворочающийся в высоком восьмимесячном животе ребенок ни живости ума, ни красноречия не добавляли.

— Я... я... це... Это, а де Даша, не знаете? — пробормотала она.

— Нет, — отрезала Женя и развернулась к двери.

Феня разревелась.

Женя повернулась, чуть не силой усадила ее на стоящий возле двери сундук:

— Да что вы плачете? Сошлась она с кавалеристом, замуж вышла в сорок шестом. И уехали куда-то, на Кубань, что ли. О, подождите! — Женька метнулась в дом и выволокла сверток — две вышитые ришелье фираночки-занавесочки с мережаными краями. — Она мне на прощание подарила. Берите. Пусть память будет.

Феня прижала к глазам занавески.

Она вернется в их коммуны на Дальницкой. Как же она радовалась этой комнате! Всего два квартала до Дашки! Это ж теперь можно и в гости чаю попить, и перехватить пару копеек до зарплаты... Но все ее планы о частых встречах с сестрой рухнули. Феня разглядит вышитые Дашей занавески и повесит на окно. Как раз половинки закрыты, чтоб соседи не пялились. Хотя что там смотреть, когда и так все слышно громче радио.

Яков придет как обычно, в сумерках, шатаясь. Какое счастье, что Сережка и Толик, нагонявшись по двору, спят как убитые. Ему опять все было не так. И ужин дерьмовый, и Феня — корова неповоротливая.

— Ты где шлялась? — поморщился Яков, когда Феня ставила перед ним кружку с чаем. — Дымом вся провонялась.

— А я до Даши ходила, — похвалилась она. — А она замуж вышла, уехала. А дым — то я с ее соседкой говорила. То она курит. Вся такая модная.

— Ты смотри, по гостям она ходит, зараза брюхатая, уже на сносях, а все туда же! Ты хоть от меня носишь?

Феня вспомнила Евгению Ивановну с ее насмешливым прищуром и как она, не отводя глаз, смотрела тогда на Якова, пока тот не отвел своих глаз, не сник... Чужая, одна дома и не испугалась!

Она подбоченилась и шутливо махнула на мужа:

— Ишь ты ревнивый какой! — Феня не ожидала такой прыти от пьяного Яши — даже не целясь, он ударил ее кулаком в нос. Она охнула и, оступившись, грузно упала. Молча. Как всегда молча, чтобы не разбудить детей, чтобы они не стали плакать, чтоб не получила за них тоже...

Но Якову показалось мало, и он с носка, снизу пнул ее в высокий живот. Тут Феня, не сдержавшись, взвыла от боли и ужаса. Внутри с треском что-то лопнуло по ногам полилось... Она взревела и метнулась к двери. Яков стоял посреди комнаты, пошатываясь:

— Вот, сука, твое место!

Феня схватила с пола свою латаную-перелатаную туфлю с крошечным каблучком на полустертой победитовой набойке и с воем ринулась на мужа.

— Ненавижу-у! Не трожь меня! — Она ударит, раз, второй, третий... И будет визжать и заколачивать эту туфлю в бритую крутолобую бычью башку Якова. Тот от удивления рухнет обратно на стул, вскрикнет, отмахнется, промахнется, а потом просто зажмет двумя руками окровавленный лоб.

Истекая водами и кровью, чуть ли не на карачках, Феня доползет до Еврейской больницы. Скуля, втиснется в приемное отделение. Что с ней, поймут не сразу — мокрая, вся в крови, беременная... Но на Молдаванке и не такое видали.

— Ребенок не выжил, — спустя время буркнет ей врач, — и кровопотеря большая... Полежите пару дней. Понаблюдаем.

Утром до обхода Феня, оставив окровавленную больничную сорочку на спинке кровати, натянет свое рваное платье и уйдет домой.

Упрторг № 4

Рождение сына Ксению Ивановну украсило. Ее выдающиеся формы еще эффектнее округлились и налились. Она была, что называется, «в теле», и очень этим сдобным белым пышным телом гордилась. Но несмотря на все новые наряды, прогулки с сыном и шикарную квартиру, через время она откровенно заскучала, о чем сообщила супругу и добавила:

— Дом хочу. Наш. На Фонтане. С садом и абрикосами. Как мама рассказывала.

— Будет тебе дом.

— Я хочу дом с мужем, а не ждать тебя у окна из командировок. А для этого оба поработаем. Ты же знаешь, я это дело люблю.

— Да ты все любишь!

— Нет, — рассмеялась Ксения, — ты таки сильно хорошо про меня думаешь. Я просто что не люблю — не делаю. Обтирания твои холодные, например, гимнастику или полы мыть. А вот гешефты я обожаю.

— А Сашку что? В ясли?

— Да упаси Бог! Няньку возьму толковую, — она покосилась на Саныча: — И старую!

Через неделю Ксения Ивановна уже входила в курс своих должностных обязанностей. Открытый буквально пару месяцев назад Упрторг, или гастроном № 4, не поставлял продукты населению. Это была особая контора, которая занималась обеспечением всех подразделений одесской милиции — от продуктов в столовые и дополнительных наборов до номенклатурных элитных спецпайков, которые Ильинская будет развозить лично. Кое-что закупалось централизованно через базы, но большая часть приобреталась у частников, из излишков, выращенных для своих нужд. По договорной цене. Это было не место — мечта. Особенно для Ксени с ее талантом считать и договариваться. Меньше чем за месяц она перезнакомится с руководством всех уровней и выяснит их гастрономические слабости и вкусы. Через три — будет самым желанным гостем в любом кабинете. Поэтому до постройки дома в семье Ильинских появится он... Ко дню рождения Сансыныч получит невиданный подарок от супруги — автомобиль «москвич». Тот самый, четырехсотый, первый. А точнее — десятый в Одессе...

— Смотри, про нас в газете написали, — Ильинский с выражением прочтет после своего юбилея: «На улицах города все чаще появляются маленькие комфортные машины, привлекающие всеобщее внимание. Это — «москвич». За последнее время такие автомашины приобрели пятнадцать горожан. Среди них — три профессора, один доцент и... — он понизил голос, — супруг

знаменитой одесситки и ударника торговли Ксении Ивановны Ильинской».

— Да не может быть! — охнула Ксения и попыталась отнять газету. — Никакой Ксении! Машину на тебя сразу оформили.

Все остальное было чистой правдой. Только «Большевицкое знамя» за 11 сентября 1948 года не упомянуло сферу деятельности остальных счастливиц...

Железный зверь

Яков вернется через день. Молча, трезвый. С повязкой и скобками на голове. Еще через неделю Феня перестанет кровить, сведет до терпимого желтого цвета синяки вокруг глаз. Она наденет беретку, подведет свои рыжие брови жженой пробкой до черноты, как у Евгениванны, и, поручив Сережке смотреть за Толей, а соседке не выпускать их со двора, рванет в трамвайное депо.

Феня выросла в крестьянской семье, с иконами и лампадами, несмотря на красную власть. С пеленок она обучалась сначала советами, потом хворостиной и отцовским кулаком главным девичьим добродетелям — христианскому смирению с трудолюбием и совершенно дремучему, алогичному терпению домашней скотины. Дикая суеверия и ежевечерние молитвы уживались в ней так же невероятно, как безысходная покорность с деловитостью. Она не плакала по третьему, умершему в родах сыну. Наоборот, вздохнула с облегчением. Куда в их нищету и голод еще и третий рот! Разумеется, вытравить ребеночка она бы и в страшном сне не подумала, ну а раз скинула, то и хорошо: Бог дал — Бог взял, а она наконец-то исполнит заветную мечту.

Это была другая жизнь. Оказывается, у Фени когда-то была другая жизнь. Она зайдет в родное депо. Достанет удостоверение вагонной тридцать шестого года. Вот это счастье! Ее брали! С окладом в целых четыреста восемь рублей! А так как комната у нее с мужем уже есть, то можно будет похлопотать и младшего Тосю в ясли сдать.

Феня побежит к своему трамваю. Ее вагон чудом сохранился. Родной, пятнадцатый, слободской. С заветным желтым номером на

крутом боку. В нем она познакомилась с Яковом на конечной у Слободской больницы. Она вышла замуж назло Сеньке и раньше старшей сестры, она смогла, выжила, доказала тогда и теперь сможет. Вот и родной трамвай — подтверждение.

Феня придет домой, перемоеет все в комнатке, распевая невпопад любимую песенку, точно про нее писаную:

*Я шахтарочка сама,
Звуть мене Маруся.
В мене чорних брів нема,
Та я не журюся.
Не вродлива я — дарма,
Та до праці звична.
І дружу я з усіма,
Бо я симпатична...*

Она даже водрузит табуретку на стол и смахнет с высоченных потолков паутину — красота!

Вечером Феня подаст ужин Якову и, загадочно улыбаясь, достанет шкалик и рюмку. Нальет и пододвинет мужу:

— Хорошие новости, Яков Сергеевич. Меня в депо взад берут! На мой пятнадцатый.

Она увидит, как моментально посерело лицо мужа:

— Не понял? — прогудел он и сдвинул брови. — Куда там тебя берут?

— В депо! На мой пятнадцатый, и зарплата на секундочку четыреста восемь рублёв! И ясли для Толика! Я уже заявление написала!

— Ясли, говоришь? Заявление? — Яков встал и медленно расстегнул ремень, потянул его на себя и вверх.

Феня отпрыгнула от стола:

— Яшенька? Ты чего? Легче будет, и копейка в семью, Яша, не надо!

Она успела дернуться в сторону — пряжка, свистнув у лица, обожгла ключицу и продрала грудь через платье. Яков уже был рядом.

— Ах ты ж дрянь! Ребенка скинула и в загул? Мужиков в своем трамвае снимать?!

— Да я никогда!..

— А я? А этот твой хахаль? — Ремень свистел и щелкал, Феня билась в углу. Больше таких ошибок, как открытая дверь и бойцовская обувь, милиционер Яков Верба не допускал.

— Мама! — На пороге стоял смешной лопоухий рыжий Тоська на тонких ножках.

— Мамочка! — завопил за его спиной Сережка.

— Заткнулись, щенки! — Яков с ремнем сделал шаг в сторону детей.

— Не трожь! — Феня кошкой напрыгнула ему на спину. Яков, не глядя, хлестанул ремнем назад. Феня, завопив, отпала.

В дверях показалась соседка. И, схватив двух пацанов, прикрикнула: — Ну-ка пошли, я вам сейчас что покажу!

Яков повернулся к жене:

— Чтоб завтра заявление свое паскудное забрала. Придумала она — вагоновожатая драная. — Он залпом опрокинул остатки из шкалика. И вышел во двор.

Феня, не поднимая головы, с заплывшим глазом и чернобагровыми следами на руках и шее комкала сумочку и лепетала что-то невнятное...

— Морочишь голову! То просишься — то не выходишь! — ворчала начальница отдела кадров. — Ну что ты приперлась, у мужа не спросясь? Теперь все наперекосяк! Я ж тебя уже в график поставила! Переделывай теперь!

— А можно, я с трамваем попрощаюсь? — всхлипнула Феня.

— Психическая! — пробормотала ей вслед кадровичка. — Хорошо, что не взяли... Совсем с головой не дружит, контуженая, что ли?

А Феня, уткнувшись в металлический красный неровный бок трамвая, гладила его ладошкой, как домашнюю кормилицу корову Белку, и жаловалась, жаловалась, жаловалась на свою непутевую жизнь, на этого ирода, который бьет ее смертным боем каждый день...

— И нет мне жизни, ни дня нет жизни. Зачем из села ушла... Такие мучения... Чего со своими не померла тогда... — размазывала сопли она.

Яков не пришел ночевать. Так бывало, когда они выходили на облаву. Феня не особо тревожилась и высыпалась. А утром в дверь

постучали. Влетел бледный участковый Василий Петрович, коллега Яши.

— Феня Сергеевна... Феня Сергеевна... Горе какое... Фенечка... Яша... Яша погиб...

Феня завывала, запричитала:

— Сироты мы, сироты... — А затем возбужденно-испуганно стала расспрашивать: — Где? Как?

Описание Василия Петровича она слушала как в тумане и в ужасе крестилась не переставая, забыв, что перед ней представитель советской власти.

— Яков Сергеевич после оперативного задания трагически погиб от множественных переломов тазобедренной кости и позвоночника, а также от болевого шока, попав... — Василий сглотнул, — попав под трамвай пятнадцатого маршрута в районе Балковской, ой, то есть улицы Фрунзе...

Феня чуть не потеряла сознание.

— Ну вы понимаете... — Василий Петрович смутился. — Он, честно говоря, пьяный был в стельку... Но мы в рапорте не написали, чтобы, понимаете...

— Ой горе какое... Как мы жить будем? Где?

Василий Петрович вздохнул:

— Это уже не боевое задание, поэтому там посильная помощь разовая будет, а так на пенсию не рассчитывайте. А комнату мы вам оставим, как вдове товарища. Такой человек был душевный, жена, сыновья, жить бы да жить!

— Да уж... — повторила она шепотом. — Жить да жить...

Как только участковый ушел, Феня рухнула со стула и на коленях поползла в правый угол комнаты. Она крестилась на пустую стену, где должны были висеть иконы, и билась лбом об пол, рыдая от ужаса.

Это она убийца, она... ЕЕ пятнадцатый, ее верный конь и кормилец! Это же он отомстил за нее! Как только она попросила! Одесский трамвай отвез ее на работу в немецкую слободу, одесский трамвай привез ее во взрослую жизнь, в трамвайное депо, дал общежитие, подарил серьезного мужа, а когда она пожаловалась — просто раздавил его...

Феню трусило:

— Неужели я — ведьма... Господи, я его убила, смертный грех...

Конец эпохи

Вовка шел по коридору. Он ненавидел эти ежедневные хождения. Баба Лёля была уже совсем мишигинер и несмотря на открытую дверь всегда ругалась то на Вовку, то на маму, то на еду, то на погоду, то на любимую бабушку Иру. Вообще неблагодарная. Вовке было четырнадцать, и меньше всего ему хотелось таскаться кормить Елену Фердинандовну. Нилка честно ходила все выходные, а всю долгую неделю на каникулах приходилось Вовке.

Гордеева на старости лет стала еще невыносимее и бескомпромисснее. Она нежно любила только «свою кровь» — их покойного отца, Петю, и Нилку. А вот своих дочерей недолго любила. Хотя тетя Рита тоже могла бы приезжать хоть изредка к матери.

Больше всего Вовку мучал запах — разложения, тошнотворной тяжелой стариковской затхлости, кислятины. И это было не просто замершее в нафталине время. У баб Лёли с порога пахло смертью. А точнее, ее присутствием. Похоже, что она пришла за Гордеевой в эту комнату еще пару лет назад и почему-то решила остаться. Смерть, как стариковская трясущаяся собачонка, тьякала и вертелась под ногами, а когда Вовка уходил — с жадностью урча и чавкая, доглядывала остатки жизненной силы и скальпельно-острого ума Гордеевой. На самом деле он боялся признаться, что панически боится заходить в этот дом, в этот запах, который моментально напрыгивал на него и впитывался в волосы, рукава, входил внутрь при вдохе. Вовка инстинктивно старался там реже дышать, а потом, выйдя, долго отряхивался и сплевывал на дворовые плиты. Это было страшнее мамино туберкулеза.

— Не ссы, внучок, — пару раз внезапно сказала ему бабка, — это не заразно.

Месяц назад он нашел спасение — гордеевские папиросы. Он таскал по паре штук при каждом визите, а потом прятался с пацанами в сквере и, задыхаясь, курил, чтобы перебить ее страшный запах.

Раз в неделю Женя и Рита делали попытки помыть Гордееву, которая хоть и могла передвигаться, но на гигиену забила окончательно. Помыть получалось плохо, ну удавалось хотя бы обтереть влажной тряпочкой.

— Я не могу ее такой видеть, — шепнула Ритка и аккуратно вытерла глаза, чтобы не размазать подводку, — не могу.

— И что? — закурила Женька. — Я ее всю жизнь видеть не могу, и что ж теперь — пусть подышает в грязи?

— Давай я тебе денег дам, наймешь кого-нибудь из больницы.

— Себе оставь. Или папирос ей купи. Она любит.

— Возьми сейчас же, ты ж ей готовишь постоянно. А папиросы я ей принесла. Неужели все скурила?

Женька молча сунула деньги в карман. Ритка курила и плакала.

— Ты правда на меня не сердишься?

— А чего мне тебя судить? Я б тоже — могла бы — сбежала б от этого, — она махнула рукой в сторону галереи. — Только у меня должок перед ней. С войны. Да и с рождения тоже, если мама не врала.

Это зависшее ожидание конца тянулось уже полгода. А мадам Гордеева со своим норовом как будто поспорила со смертью и, несмотря на свои восемьдесят семь, пока выигрывала. Понемногу, по дню.

Вовка толкнул дверь:

— Баба Лёля, это я! Не кидайся! Я суп несу! Горячий! — Он поставил тарелку на стратегической табуретке у входе в ее комнату, которая отделялась от коридора старой тюлевой занавеской. Фердинандовна, когда была не в духе, могла запустить в непрошенных гостей чашкой или книгой.

За дверью было тихо. И даже запах как будто изменился. Стал из тревожно-вонючего тошнотворно-сладковатым.

Вовка отодвинул занавеску — Елена Фердинандовна лежала на кровати с закрытыми глазами. На ее лице он впервые увидел совершенно безмятежную детскую улыбку, как будто та стальная пружина, которую она носила внутри, наконец разжалась.

«Майне либе Питер» наконец-то пришел за своей мамой.

Прощай

Зачем Ирод пошел на похороны Гордеевой, он сам точно не знал. Захотелось, а желаний у него после сорок четвертого почти не осталось. Эта апатия была смертельно опасной — так начинается

конец. Ирод это знал и умирать не собирался, поэтому подхватывал любые тлеющие искорки интереса и пытался раздуть хоть до какой-то эмоции. Занятная старуха была. Надо бы посмотреть, проводить...

А еще он одним махом мог увидеть все семейство Беззуб, точнее, то, что от него осталось. Тех самых сестер — свою подругу и компаньона Лидию Ивановну Ланге, шаю-патриотку и любовницу его шефа Аньку, Женю, из-за которой к нему попало сразу две крупные рыбы — враг Сема Вайнштейн и настоящий самородок, который он огранил в бриллиант, — Петр Косько. А еще там подросла младшенькая. Говорят, финансовый гений. Любопытно взглянуть.

Любопытно оказалось не только ему. Желающих проститься с Фердинандовной оказалось за сотню. Во двор все шли и шли люди.

Женька расстаралась. Понятно, что она, а не эта бестолочь и содержанка Рита. Все строго, скромно, но оповещены были все — от Еврейской больницы до Облздравотдела. Гражданская панихида по графику. Ведра для цветов, вода для истеричек. У Женьки ни слезинки, как и у остальных сестер. Искренне всплакнула только внучка.

Согласно инструкции Гордеевой, написанной, на удивление, четким для врача почерком, были даны последние распоряжения. Женя была благодарна такой практичности свекрови. Елена Фердинандовна как человек системный еще до войны собрала похоронный набор с ненадеванным бельем, удобными войлочными тапочками, чулками и старым, но заранее вычищенным парадным платьем. Там же были отложены деньги на похороны и два списка — кого приглашать, а кого ни в коем случае не допускать к гробу. Во втором черном списке персон нон-грата значился неизвестный Женьке Василий Петрович. Кроме списков, распорядителям было велено: никаких попов, парторгов, оркестров и красных гвоздик. С поминаниями не засиживаться. И главное — ее знаменитый акушерский саквояж, подаренный Ванечкой Беззубом, положить со всей начинкой к ней в гроб, иначе она будет являться еженощно к мародерам.

Саквояж был, мягко говоря, объемным. Его с трудом впихнули под ноги покойной и прикрыли занавеской. На поминках Женька удивится прозорливости свекрови — десятки страждущих будут сильно интересоваться инструментами и чемоданчиком Гордеевой и даже предлагать за него приличные деньги.

Ирод стоял в стороне до последнего. Безликий, бесцветный, неразличимый. Даже сильно сдавшая Лидка его не заметила. Она отбыла положенное начало панихиды и, прижав платок к носу, быстро дезертировала. Это точно был не ее спектакль.

Василий Петрович, не без удовольствия от своей профессиональной «шапки-неведимки», в общей колонне бывших клиентов, сослуживцев и соседей с отрешенным лицом прошел мимо гроба, тронув своей такой же ледяной рукой связанные платком ладони Гордеевой. Никто и не заметил «подарочка», который он аккуратно положил под ее восковые пальцы.

— Теперь ты знаешь... — ухмыльнулся. В записке была фамилия того, кто сдал с потрохами ее и все результаты ее доморощенного расследования.

Дома он плеснул себе на дно бокала коньяку и подвел итоги наружного наблюдения. Лида — отработанный материал, увы и ах. Ее звезда явно клонилась к закату, а очередное уплотнение в этот раз сломало светскую львицу. Хотя... Он великодушно давал мадам Ланге шанс, как Фениксу, восстать из пепла. Женька оказалась женской версией Петьки Косько. Только, в отличие от Петра Ивановича, еще и ярко-дерзкой. Жаль, он раньше не озаботился — из такой после отъезда Петьки можно было сделать шикарного агента, тем более с такими внешними данными. Но уже поздно. А вот Ксения Ивановна хороша и перспективна. За столько лет агентурной работы Василий Петрович по кличке Ирод читал людей по лицам и телам даже не как книги, а как агитационные санбюллетени, где все достоинства, болячки и пороки были вывешены на всеобщее обозрение. Младшая Беззуб была хозяйкой жизни и чем-то напоминала Лиду в юности, но, в отличие от сестры, была царственно-расслабленной, довольной собой. Ирод сделал несколько пометок в записной книге и приподнял стакан.

— Ну прощайте, Елена Фердинандовна! Земля пухом. Экий я с годами стал сентиментальный.

Йосиф

— Девушки, разрешите представиться — Йосиф!

— О, наш человек! — рассмеялась Нила. У нее были идеально ровные, некрупные белоснежные зубы — просто жемчуг.

— Знаете, с удовольствием стану вашим. Кстати, вы смеетесь, как валдайский колокольчик, — засмотрелся Йосиф.

— Вот вы вроде товарищ военный, и должны быть наблюдательным, — прищурилась Нила. — А не заметили, что я пудрой не пользуюсь.

— Надо подарить? — Этот Йосиф пришел на танцы в клуб Иванова с другом и просто подпирал стенку, пока его товарищ менял уже третью партнершу. Сам Йосиф тоже явно получал удовольствие, наблюдая, сколько пар заинтересованных женских глаз за ним наблюдает. А потом заметил Нилочку. И просто нагло разглядывал ее до конца танцев, не приглашая.

— Не надо нам мозги запудривать. Неля, пошли, а то мне мама устроит вырванные годы. До свидания, товарищ Йосиф!

— Канавский!

— С Канавы, что ли? — прищурилась Нила. — А как на Молдаванку-то занесло? Ваши до нас на хутор не заходят.

— Это моя фамилия, — обиделся военный.

— Та не обижайтесь! Вы мужчина видный — вон тут половина как кошки на сало на вас смотрят. Так что выбирайте, а мы пошли.

— Нелли, — военный поменял тактику, — вы же Нелли? А как зовут вашу подругу?

— Нилочка, — поджав губы, буркнула Неля, которой этот высоченный капитан очень понравился.

— А можно, я вас хотя бы провожу?

— Товарищ Канавский, — Нилочка покачивалась на каблучках и готова была снова брызнуть смехом, — а, товарищ Канавский, вы бы не ходили за нами, а то нам придется вас потом в воинскую часть сопровождать — мы-то местные, а вот посторонних тут особенно вечерами не жалуют. Даже в форме.

— Да я не боюсь.

Неля недовольно шипела:

— Нилка, ты что? Такого мужика отшила!

— Он старый!

— Тебе его что — варить? И какой он старый? Ему лет тридцать!

— А мне двадцать! И вообще, Нелечка, тебе нравится — забирай. Никаких военных! Ни в жизнь!

— Да ты чего?

Нила вздохнула и ускорила шаг:

— Детство свое помню. У меня отец чекистом был. Поездили с мамой. А потом ждали вечно. Пока ждать стало некого...

— Ой... — Неля нахмурилась. — Ты, Нилка, харчами перебираешь! Уже замуж пора, между прочим!

— Куда? Кому? — Нилка снова зазвенела. — У меня ж сиськи в обратную сторону растут и, — она понизила голос, — «эти дни» только в том году начались. Какое замуж? Кто такую шкилю-макарону возьмет? Так что, Нелечка, бери этого капитана в оборот.

— Да он на тебя запал!

— Ну запал я его не увидела, слава богу! А ты дерзай! Я тебе говорю — он завтра опять тут тереться будет!

Докажи мамаше

Ксения не просто работала в Упрторге — она дирижировала симфоническим оркестром из поставщиков, посредников, водителей, нужных людей — ее товарно-денежный оборот был настолько сложной и разветвленной структурой, что даже Ильинский периодически уточнял, как она справляется и держит в голове такие объемы.

— Ну в грессбух это не запишешь, в записную книжку тем более, — улыбнется жена.

Укрепив собственное материальное положение, Ксения решила взяться за семью и причинить счастье всем окружающим. И первой в списке была Нилка. Этот ребенок прозябал на консервном заводе учетчицей. Не то место, где надо гробить свою молодость. Тем более коммерческого и математического таланта у Нилы не было, а вот общаться с людьми она умела отлично.

— Может, тебя в театр? Каким-нибудь концертным директором? — рассуждала вслух Ксения, пригласив Нилу к себе на Канатную. Нила, которая побрасывала хохочущего до икоты Сашку к

потолку, отозвалась: — Лучше в детский сад! Я с концертами им все деньги потеряю.

— И то правда... Значит, нужно место с хорошим жалованием. И перспективами, чтобы через пару лет можно было и карьеру сделать, и мужа найти. Я подумаю — покручу варианты, а то ты со своими кабачками скоро скиснешь.

— Ну чего? У нас курицу скоро будут консервировать.

— Курвица! В люди тебе надо, а не на складе сидеть и в тетрадках черкать!

Ксения листала записную книжку:

— Ты там когда из техникума ушла? Хоть курс отучилась? Ну и прекрасно!

— Ничего прекрасного. Позор один, — побледнела Нилочка.

— Могу представить, что тебе мама устроила... А хочешь ей нос утереть? Давай я тебя на нефтебазу устрою? Новых людей побольше, работы поменьше да еще и паек приличный и зарплату иначе начисляют. Правда, это Кодыма. Одесская область. Далековато отсюда, хотя, может, это и неплохо. Тем более своя комната. Ну как?

— Своя комната? Далеко от мамы? Конечно хочу! — Нилка захлопала в ладоши. — А я им не напортачу? Я ж не такая умная, как ты. Даже как ты в шестом классе.

— Не бойся. Вот там в конторе все строго и скучно. Не напутаешь, а выдохнешь, отъешься хоть немного. А мужиков туда приезжает за соляжкой немеряно. Каких хочешь. Может, и присмотришь кого-то.

1949

И снова здравствуйте!

Ирод завис, поблек и просто существовал долгих пять лет, пока наконец не пришел судьбоносный вызов в управление кадрами в Москву. Там в канцелярии он встретил своего давнего сослуживца, «вечного кадровика». Встретились взглядами, Ирод кивнул сдержанно, а вот кадровик несколько удивил, достаточно громко и радостно сказав:

— Рад видеть вас в добром здравии, Василий Петрович, — и, выдавая временный пропуск и талон на поселение в служебной гостинице, добавил: — Не откажите в любезности, позвольте вечером пригласить вас в мою холостяцкую берлогу, посидим, вспомним былое. Я живу неподалеку, вот адрес. Жду вас к 19.00. — Кадровик вырвал листик из блокнота и, положив на разделяющую их стойку, что-то быстро написал.

— Буду непременно, я привез чудесное деревенское сало. В ладонь толщиной. И необычно вкусную вяленую камбалу, калкан по-нашему. Будете удивлены.

— Вот это по-нашему, буду ждать вас с нетерпением, уважаемый Василий Петрович! А сейчас направляйтесь к начальнику иностранного отдела, дверь в конце коридора. Запомните адрес, вдруг бумажку потеряете. Да, если вам нужно привести себя в порядок с дороги, ватерклозет рядом с лестницей, — обронил он вслед.

Выйдя из кабинета в пустынный гулкой коридор, Ирод посмотрел на листик из блокнота. Там было всего два слова — «Памятник Пушкину». «Вот же старый лис», — усмехнулся. Он оценил осторожность старого служаки. Видел, что тот сначала вырвал листик из блокнота, положил его на стойку, разделявшую кабинет кадровика пополам, и только потом сделал надпись и писал карандашом без нажима. Их еще на курсах учили, как узнать, что было написано на предыдущей странице любого блокнота. Намертво вбили эти знания, на уровне рефлекса. Ирод зашел в кабинку туалета и, мелко порвав записку кадровика, спустил воду.

А в кабинете начальника иностранного отдела, после дежурных вопросов о самочувствии и погоде в Одессе, сообщили, что Василий

Петрович восстановлен в штате и направляется в китобойную флотилию куратором от МГБ.

— Люди там разные, много иностранцев, так что человек с вашим опытом агентурной работы нам очень там нужен. Нужен пригляд за всей этой разношерстной компанией. И еще будет для вас очень важное поручение от коллег из оперативного отдела.

Ирод понял, что вот это задание и будет главным для него, потому как совсем не по профилю начальнику иностранного отдела беспокоиться о настроениях в экипаже китобойной флотилии.

В кабинет без стука вошел человек в гражданской одежде с тоненькой папкой в руках и положил ее на стол перед Иродом.

— Вот, прошу вас ознакомиться, Василий Петрович, — сказал он после приветствия.

Ирод открыл папку и чудом сохранил безразлично-служебное выражение лица. На него смотрел барон фон Розен. Фотография была явно переснята из личного дела последнего, фото сделано под углом, потому был виден небольшой кусочек текста на немецком языке. Но это всё было сейчас не важно, главное — он нашелся. Ирод так увлекся разглядыванием деталей на фотографии старого друга, что пропустил несколько слов, которые сказал ему собеседник. Недопустимая оплошность! Пришлось изворачиваться и для прикрытия задать вопрос, бестактно прервав собеседника:

— Прошу предельно конкретно уточнить мою задачу. Просто отыскать этого человека или отыскать и ликвидировать?

— И да, и нет. Отыскать, допросить, буквально выпотрошить, как мы говорим. Если будет возможность, все документы, что добудете, переправить на плавбазу, если нет, то доставить его на борт целым и переправить к нам.

— Как потрошить, насколько он важен?

— Он бывший русский, эмигрировал в 1918 году во Францию, служил в войсках вермахта, точнее — у Канариса, инспектировал все учебные центры абвера на оккупированной территории, в конце войны исчез бесследно вместе с агентурной картотекой. Крайне важна картотека, найдете — Звезду Героя гарантирую. Если картотеку не добудете, я допускаю такую возможность, тогда он — бесценный источник знаний, доставить на плавбазу и переправить к нам.

— Мне нужны будут помощники, — деловито сказал Ирод.

— Две тройки оперативников уже зачислены в штат плавбазы, но они боевики-диверсанты, их задача — обеспечить доступ на объект, при необходимости огневой контакт, доставку картотеки и фигуранта на борт. Мозг и руководитель акции именно вы, допрос — исключительно ваша прерогатива, тут нужен не костолом, а ювелир-потрошитель, а ваше умение и способы мы поныне ставим в пример всем курсантам в наших школах. Кстати, если пожелаете, в случае удачного завершения миссии будем ходатайствовать о зачислении вас преподавателем в Центр подготовки в Подмоскowie, — предложил начальник оперативного отдела.

— Спасибо за доверие. Где я могу ознакомиться с личными делами своих помощников на плавбазе? — спросил Ирод.

— Можете. Но только в моем кабинете. Прошу за мной, — деловито ответил оперативник.

Они проговорили с начальником оперотдела до конца рабочего дня, уточняя детали предстоящей операции, периодически вызывая следователей, ведущих это дело, для уточнения нужной информации. С каждым часом Ирод убеждался, что его однокашник фон Розен на поверку оказался совсем не тем недотепой, которого он знал по Пажескому, а очень хорошим стратегом, не упустившим свой золотой шанс, и относиться к нему нужно с должным уважением, операцию по его обнаружению провести на высшем уровне, без скидки на простецкость и никчемность бывшего барона фон Розена, нынешнего дона Санчеса, владельца большого поместья в Уругвае.

А вечером была встреча с «вечным кадровиком», который рассказал, что все проблемы с таким долгим восстановлением Ирода случились по инициативе бывшего сотрудника отдела Особо уполномоченного НКВД. Этот отдел был создан еще в 1934 году и был под службой внутренней безопасности. История давняя, хвост проблемы тянется из Одессы, кто-то из родни этого сотрудника пострадал при массовой зачистке Дейчем и Иродом по делу Вайнштейна в Одессе. Когда Дейча расстреляли в 1937-м, объектом мести стал Ирод. Подходящий случай представился мстителю только в 1944-м. Кадровик прилично рисковал не единожды, делая всё возможное, выводя Ирода из-под удара при очередной кампании поисков врагов народа среди сотрудников НКВД-МГБ. Один раз личное дело Ирода из «расстрельной стопки» он успел выдернуть в

последний момент, перед самой передачей в машбюро, где печатались расстрельные приказы. За разговором незаметно дошли до Чистых Прудов. Они долго сидели молча на лавочке, думая каждый о своем.

— Почему ты так рисковал из-за меня? Я что-то должен? — спросил наконец Ирод.

— Мне — нет, я свой долг Дейчу отработывал. Так что если должен — то ему... Или поможешь при случае уцелеть кому-то из его когорты, — глядя в одну точку, тихо произнес кадровик и добавил: — Я его видел в день ареста, спросил: «Чем помочь?», а он в ответ: «Мне — уже ничем, сейчас начнут отстреливать всех моих, помоги кому сможешь...»

— Так значит, это ты меня сосватал в загранку, — перевел разговор в другое русло Ирод.

— И да, и нет. Оперативный отдел это дело инициировал... Они искали кого-то, кто владеет нестандартными методами допроса, дали мне запрос, я сделал выборку, среди прочих подсунил им рапорт следака из вашего горотдела про допрос с карандашом, и вот ты здесь...

Ладно, давай прощаться, береги себя, — кадровик встал и протянул ладонь для рукопожатия. Ирод кратко и крепко сжал ладонь своего нежданного спасителя.

— И ты береги себя, спасибо! — сказал он в ответ.

Останься

С Кодымской нефтебазы на Мельницкую Нилочка после Нового года привезла муки, масла и... благую весть.

Точно как ее тетя Аня, она рыдала в колени своей мамы:

— Мамочка, я... я беременная... Что же делать?

Женька сидела окаменев, уцепившись двумя руками в табуретку, и считала варианты, даже не касаясь ревущей дочки.

Женька была похожа на Фиру только яркой внешностью и тонким подростковым телом. Всю свою взрослую семейную (это разве семья?) жизнь она выживала. Всегда вопреки. Всегда по грани. Что в военных походах мужа, что после его отъезда в сороковом. И если бы не

бухгалтерские мозги, холодный шахматный расчет и отвага, граничащая с безумием, они бы давно все сдохли.

В ее характере не осталось ни капли беззубовской всепрощающей любви — одна механика и расчеты. И незаконорожденный внук в ее планы точно не входил.

Женя поджала узкие губы в скобку:

— Давно?

— Что давно?

— Задержка сколько? Срок какой?

— Я не знаю... — зарыдала Нила. — Давно... уже месяц этих дней нет...

— Тошнит по утрам?

— Нет...

— Может, с голодухи? — продолжала цепляться за гаснущую надежду Женя и вдруг деловито прихватила Нилу за маленькую грудь: — Болит?

— Ай! — вскрикнула Нилка. — Ты что?

— Залетела... — мрачно резюмировала Женя. — Он знает? Что сказал?

— Он не знает...

— Идиотка! — В Жене из давно наглухо закрытых стальным сучьим цинизмом, закопанных под толщей бытовых забот воспоминаний юности вдруг выпорхнула эта же комната и тощий юный машинист Петька, схвативший ее на руки, когда узнала, что она беременна,

— Так скажи ему, дура! Сейчас половина по залету женится! Может, он обрадуется?

— Он... он... — Нила перешла на еле слышный шепот, — он женатый...

Никто не погладил ее по голове и не шепнул, как когда-то Фира Аньке: — Ты рожай, детонька, как-нибудь воспитаем...

Женя рывком отодвинула от себя Нилу и встала:

— Т-а-ак... хватит нам одной шалавы в роду. Я тебя такому не учила. И так уже жизнь себе изломала, хочешь окончательно на дно? Не смей мне в подоле приносить! Хватит выть, никейва^[3]! Умойся. Я в понедельник в Еврейской договорюсь. Выскоблят, и дело с концом.

Женя достала беломорину, старательно винтом заломила фильтр и только выходя оглянулась:

— Кто? Шофер? Сменщик? Ну?!

— Начальник наш... Сергей Сергеевич...

— Сука, — прошипела она себе под нос — то ли о нем, то ли о дочери.

В воскресенье Нилке некуда было деваться. В полном доме с молчащей мамой находиться невозможно. Пойти к Нельке — так увидит запухшие глаза и пристанет с расспросами. Нилка вздохнула и поехала в город. Она ходила до темноты, а потом замерзла и оглянулась. Вечерело. Подмораживало. Прохожих почти нет. И только из приоткрытой двери церкви на Преображенской — Советской армии пробивается свет. Нилка тайком оглянулась — никого. И шмыгнула в храм.

Там тоже было пусто. Дремала за свечным ящиком какая-то бабка, другая, спиной к ней, на коленях отковыривала оплывший воск с латунного блестящего подсвечника. Нилка шмыгнула влево, забилась в темный закуток, почти напротив поминального распятия. Хоть бы не увидели в церкви. Хотя куда уже дальше падать? Жизнь была закончена, сломана, испорчена навсегда и бесповоротно. Она думала о медицинском кабинете и обжигающем холоде гинекологического кресла и лязганье инструментов, падающих в лоток после осмотра. Этот запах медикаментов и унижительный пыточный металлический пронизывающий холод... Женя притащила ее туда год назад — пытаюсь узнать, почему в восемнадцать лет все нет месячных...

— Папочка... — беззвучно плакала Нила, — папочка, ты же на небе? Папочка, туда же всех наших солдат берут... И бабушка Ирочка... помогите...

Она плакала и смотрела на свечи. Свечное пламя через слезы сливались в мерцающую солнечную морскую рябь и так же покачивались. Пахло ладаном... Нилу мутило от слез, от страха, от этого удушливо-сладкого церковного запаха.

— Помогите мне... Бабушка-а-а, па-а-па-а...

Она осела на лавочку и привалилась лбом к сыроватой стене храма. Она повторяла как молитву: помогите, помогите... пока не обессилила от слез. Потом поднялась, неловко кивнула в разные стороны иконам. И вышла. На улице было холодно, но ветер утих.

Нила брела по Советской армии вдоль трамвайных рельс, периодически утирая платочком распухший и растертый нос... Прошла Привоз и, уже завернув на Мизикевича, она вдруг поняла, что весь этот кромешный ужас, который грыз и царапал ее круглосуточно изнутри, вильнул хвостом и свернулся калачиком. Какая-то благостная тишина разливалась в груди, голове, животе, как будто кто-то добрый включил свет и выгнал роящиеся мысли. Когда Нила, ровно дыша, поднялась по чугунной лестнице и толкнула дверь в квартиру, она уже точно знала — никакой чистки. Она будет рожать. А отец? А что отец? Найдет отца.

Мои глаза!

Даже паническое обожание своей супруги не могло остановить Котькин кобелиный характер.

— Вы слышали? — задыхаясь от хохота, к начальнику цеха ввалился мастер участка. — Там Беззуб поспорил с Валеркой маляром на четвертак, что зайдет к бабам в душевую и они его не побьют.

— И что?

— Смена через десять минут заканчивается. Замажем, что он огребет еще на пороге? Дай бог, шоб без переломов. Там смена лютая.

— Та иди ты! — Начальник цеха нахмурился. Он, в отличие от мастера, помнил довоенные похождения Константина Ивановича. — Иди уже, посмотри. Потом доложишь.

Котькин план был гениально простым, но не без театральных спецэффектов. Получив достаточно свидетелей, он переоделся в рабочую робу, а затем подволок поближе к дверям ведро с побелкой. Мел с водой по цвету и консистенции не отличается от извести. Котька бухнул ведро на голову и выскочил во двор.

— Па-магитя! Жжет! — орал он, вламываясь в душевую. — Спасите! Вода! Вода! Известь опрокинули, су-у-ки... глаза мои... а-а-а...

Под визги теток из инструментальных цехов, малярниц и крановниц Котька топал по душевой, заодно хватая всех, кто попадал под руку. Девахи помоложе визжали и прятались, сердобольные дамы постарше быстро заволокли Котьку под душ и спасли, не думая о

своей нагоде. «Бедолагу» отмыли, выдали полотенце и под руки вывели из душевой с наказом бежать в санчасть.

Котька, хлюпая водой в ботинках, весь в потеках побелки и лучах славы, зашел под аплодисменты в мужскую раздевалку.

— Ах ты ж гад хитрожопый! — возмутился Валерка. — Всех баба перещупал, так еще и денег хочет!

— Плати давай, — ухмыльнулся Котька.

— А если Зинка твоя не дай бог узнает? — прищурился Валерка.

— Только попробуй! — загудели мужики. — Все по чесноку! Плати! Он выиграл!

Котька взял деньги.

— Ой, вы не представляете, как же трудно. Я там так насмотрелся и натрогался, шо как теперь до дома дойти и до ночи дотерпеть? Полная хата народу, а Зина в сарай не пойдет. Ой, трудные деньги какие!

Начальник цеха, выслушав красочный отчет, хмыкнул:

— Красава! Вот я даже не сомневался. И кстати, ты Котьке передай — если поход повторится, не видать ему комнаты как своих ушей.

Завтра слабó?

Юность похожа на одесское небо — после проливного дождя через час снова солнце и жара. И Нила, нарыдавшись накануне, с утра как будто забыла обо всех своих страшных тяготах, отключилась и радостно болтала с подругой Нелечкой:

— Ну что? Как дела? Как работа? Кавалера не завела?

— Да где ж нормального возьмешь, — вздохнула Нелли. — Кстати, Нилка, там этот твой воздыхатель опять в увольнительной! Помнишь еще Канавского? Ну тот военный? — Нелли толкнула Нилу в бок. — В кино зовет. Может, пойдем?

— И что говорил? — оживилась Нила.

— Ну что говорил — опять про тебя спрашивал. Когда в Одесе будешь, можно ли увидится. Но я сказала, только компанией! Чтобы друга взял. Ты же не возражаешь? Я тоже военного хочу.

— Ой вэйзмир, Нелька! И шо ты за тем военным, потом по всему Союзу шататься будешь? — закатила глаза Нила.

— А вдруг он генералом станет?

— Ой, генеральша нашлась, — Нила смеялась всегда, по поводу и без повода. Нелька нахмурилась:

— Слышь ты, пустосмейка, так ты пойдешь?

— Пойду!

В кинотеатре им. 20-летия РККА на Ленина была премьера фильма «Суд чести».

Товарищи офицеры с трудом достали билеты. Нила откровенно скучала и вертелась. Новый шедевр, который соберет больше пятнадцати миллионов зрителей за первый год проката вместе со Сталинской премией, был идеологически выдержанным и открывал кампанию против «безродных космополитов». Никакой романтики и веселых песен. Два советских ученых проболтались на конференции в США о своих наработках по созданию лекарства от боли. А их под видом коллег слушали бизнесмены и разведчики. Дома по сюжету оба недалеких профессора получили сполна неодобрения и критики коллег. Один продолжал упираться и настаивать, что «наука не имеет границ» и что знание должно принадлежать всему человечеству. После чего, возмущенная такой «идейной незрелостью» профессора, от него отказывается жена, а ученые, получив наказание по решению суда чести, раскаиваются в своем поступке.

— Ну Неля, — уворачивалась Нилка от щипков и шипения сидящей по другую сторону подруги, — ну а разве у других людей иначе болит? Какая разница, кто им раньше поможет? И что это за жена такая, что от мужа отказалась?

Йосиф, который был одновременно смущен и восхищен такой дерзостью, спросил ее: — А ты бы не бросила?

— Ну, бачили очи, шо купували, ешьте, хоть повылазьте, — знаете такую поговорку? — подмигнула Нила.

После сеанса Йосиф провел ее до Мельницкой и поцеловал руку.

— А шо так скромно? — внезапно спросила Нила.

Канавский обомлел. Он не мог понять — это шутка или вызов: Нила серьезно поджала губы, а глаза ее смеялись.

— А можно?

— Если осторожно, — расхохоталась Нилка и быстро выставила перед лицом ладонь, которую смачно поцеловал Йосиф.

— Опять дразнишься?! А я, может, влюбился! — вдруг выпалил он. — Может, я женится на тебе хочу!

Нила медленно убрала ладошку:

— Ну так женись. Завтра слабó?

— Завтра слабо — в воскресенье ЗАГС не работает, — не отводя от нее глаз, сказал Йосиф, — в понедельник я не могу...

— Ну, я пошла, — Нилка повернулась, но дылда военный выставил руку шлагбаумом и придержал ее за локоть.

— Вторник, 13.00 устроит? — объявил он. — Дождешься? Или слабó?

На минуту Канавскому показалось, что Нила сейчас расплечется. Показалось...

Она прикусит губу, вздохнет и скажет:

— Вот и договорились! — чмокнет его в щеку и убежит во двор.

Нила дотерпит до утра. Утром, заварив чай — себе в чашке, маме в чайничке, она поставит на стол розетку с вареньем, хлеб, усядется и, запивая сладкий бутерброд, скажет между глотками:

— Я во вторник замуж выхожу.

— Поздравляю, — так же ровно ответит, не отрываясь от книги, Женя. — За кого?

— Приличный человек. Зовут Йосиф Кириллович. Пойдет?

— Вполне. Еврей?

— Военный. Фамилия Канавский. Говорил, что поляк. Сама не проверяла.

Два поколения клятого женского суржика будут держать невыносимо долгую паузу. Женя улыбнется в чашку — это ее дочь, ее порода, а не Лёльки. Разрулила, смогла, сама смогла и с приличиями — не чета ее свекрови.

— Горжусь, — так же, не меняя интонации, скажет Женя. — Теток на застолье позовешь?

— А чего нет? — подбоченилась Нилка. — Пусть приходят, подарки, опять же, не помешают.

— Да, чашка и картина в хозяйстве пригодятся, — задумчиво произнесла Женька.

И обе прыснули, как подростки. Полезных, а тем более ценных подарков от скуповатой Лиды или нелюдистой Ани ждать не стоило.

— Мам, только давай без дворовых застолий... — Нила помолчит и грустно добавит: — Ну, сама понимаешь...

— Могла не говорить, — отзовется Женя, — тем более с каких шишей эту кодлу кормить? С женихом познакомишь или будет сюрприз?

— Та потерпи два дня, — и Нила вдруг горестно добавила: — Мам, тебе какая разница? Проблема решена, честь семьи спасена. Не все ли равно как и с кем? А да, скажи родственникам — пусть двигаются. У Канавского своей комнаты нет. Мы здесь жить будем.

Женя вытянула беломорину и вышла на коридор. Пополнение семьи, тем более в их трехкомнатной, ее совсем не радовало, но новобрачные за стенкой создадут дискомфорт не только ей, но и Зинке с Котей. А значит, есть шанс, что кто-то не выдержит и съедет. И то легче. При всей своей стальной холодности Женька, воспитанная Фирой и Ваней, чтит семейные традиции. Да и повод был значимый. Она первая в семье родила, и теперь ее дочь первая выходит замуж. Про то, что это дура успела залететь почти два месяца назад невесть от кого, им знать не обязательно. Главное, дите будет с отцом, а не с дедовским отчеством.

Тетя Аня приедет вечером вместе с Женей, которая съездила на далекий Фонтан, чтобы пригласить сестру на свадьбу.

— Нилочка, мама сказала, что ты без платья, без фаты. Ну как же?

— Время такое, — хихикнула Нилка, — послевоенное. Мамино платье надену, то красивое, бархатное. Да, мама?

— Вообще-то, — нахмурилась Женя, — я его собиралась надеть, ну ладно, твой праздник.

— Вообще-то, — влезла Анька, — это платье всего на пару лет младше невесты. Нельзя же так!

— Давайте у Лидки что-нибудь отберем.

— Та я в Лидкино не влезу, — продолжала хохотать Нила, — ну прицепим мне цветочек на воротник, и ладно.

— Не ладно! Не ладно! — капризничала Анька. — Ты мне как доця. О, Жень, а мамины занавески тюлевые у тебя остались? Давай я фату сошью!

Женя, не выдержав, хмыкнула: — Поздновато.

— Не важно! — не унималась Аня. — Война закончилась, праздник в семье!

— Что за хипиш? — В кухню, благоухая «Красной Москвой», всплыла Ксения и обняла Нилу.

— Нилка, ты что, залетела? Чего такая спешка? Еще и зимой? А разве сейчас не Великий пост?

— Какой пост? — огрызнулась Аня. — Что за антисоветчина?

Ксения метнула короткий взгляд на покрасневшую Нилу и подмигнула ей: — Ой, я тебя умоляю! Ничего не видно. Не дергайся. Скажем, жених торопился, потому что военный, и если завтра поход — то такая красотка без печати и кольца его ждать не будет.

Ксения повернулась к сестрам:

— Не смейте напяливать на ребенка ваши старые бебехи! Анька, шо за покойницкая мода — дите бабушкиной занавеской накрыть?! Я дарю платье. Свадьба же во вторник? Значит, завтра утром едешь к моей портнихе. Адрес сейчас напишу. И просто меряешься. И во вторник я привезу твоё платье. Женя, не смотри на меня. У тебя одной в семье была приличная свадьба. И да, закуски и напитки тоже с меня. Сколько человек будет?

— Нисколько, — прошептала Нилочка. — Теть Ксения, не надо!

— Вот еще!! — фыркнула Ксения. — Чтоб с его стороны пару товарищей офицеров, и ты пару подружек возьми. Дома поместимся. А где твои похатники? — Ксения выглянула в коридор: — Котька! Котька!

— Не кричи! Они, слава богу, в гости ушли!

Анька хихикнула: — Ты шо, их еще не обрадовала? С пополнением не поздравила? А кстати, Лидка где?

— Лидка придет на свадьбу. Без Николеньки, но с подарком.

Кто виноват?

Первого марта произошло событие, которое всколыхнуло все дворы от Молдаванки до Хабаровска. Великая забота о процветании трудящихся и росте благосостояния и культуры проявилась на масштабном государственном уровне и называлась «снижение цен». Постановлением Центрального комитета Коммунистической партии хлеб, мука и хлебобулочные изделия, крупа и макароны, мясо и

колбасные изделия, рыба, масло сливочное и топленое, шерстяные и шелковые ткани, меха, металло-хозяйственные изделия и электротовары, фотоаппараты и бинокли и ряд других товаров подешевели на 10 %; пальто и костюмы из шерстяных тканей — на 12 %; швейные изделия из шелковых тканей, обувь, головные уборы — на 15 %; сыр и брынза, парфюмерные изделия, скобяные и шорные изделия, индивидуальный пошив одежды, посуда и бытовые приборы из пластмассы, мотоциклы и велосипеды, радиоприемники, пианино, аккордеоны, баяны, патефонные пластинки, ювелирные изделия, пишущие машинки — на 20 %!

И главная радость всех мужиков страны — телевизоры и водка подешевели аж на четверть!

— Ты представляешь, какая теперь экономия в доме? — умилялся даже смирный муж Аськи Ижикевич, Василий, который благодаря умеренному, но регулярному употреблению народного напитка мог величаво, как греческий Атлант, нести на своих плечах все тяготы и грозы семейной жизни со своей Асей.

— Да конечно! Знаю я эту экономию, теперь разницу тоже пропивать будете! Мало им было этих проклятых наркомовских сто грамм каждый день! Хотя где передовая — где мой Ижикевич!

Начиная с сорокового и до конца сорок пятого все участники боевых действий, в первую очередь на передовой, получали в пайке обязательные сто грамм водки. По народной легенде, началось все с советско-финской войны и личной просьбы наркома обороны Клина Ворошилова к Сталину — выдавать бойцам и командирам Красной армии по 100 граммов водки и 50 граммов сала в день ввиду тяжелых погодных условий. Морозы на Карельском перешейке стояли ниже тридцати пяти. Распоряжение отдали незамедлительно, причем танкистам дозу удвоили, а летчикам было решено выдавать не водку, а коньяк. Грелись таким образом до конца марта сорокового. Тогда и появился термин «ворошиловский паек» или «наркомовские сто грамм». А в июле сорок первого водку снова ввели в рацион бойцов.

Пить или использовать как жидкие деньги оставалось на усмотрение самих бойцов, но подавляющее большинство потребляло внутрь и настолько привыкло, что обеда или ужина без «наркомовских» уже не представляло.

В одесском дворе в любом семейном разговоре спокойно могут участвовать от двух до пятнадцати человек, не считая прописанных, потому что двери и окна — настежь, и все в курсе. А те самые телевизоры, которые подешевели вместе с водкой, даже с такой феноменальной скидкой оставались дефицитом и роскошью.

— Дамы! Но тут же налицо вопиющая несправедливость! Ася, твой муж — святой человек! — подписался новый житель Гедалиной конюшни Феликс — немножко партийный, немножко ученый и очень деловой научный сотрудник. — Во-первых, он пьет наркомовские сто водки, а так как он у тебя летает по всей квартире — то ему как летчику положен коньяк. Во-вторых, давайте спросим у старших товарищей. Василий, ты же в райкоме часто бываешь — передай, шо народ интересуется: почему на водку снижение на двадцать пять процентов, а на цемент, патефоны, часы и сено — тридцать?

На кой мне их часы? Я и так счастлив и встаю каждое утро в шесть от криков твоей жены. И заметь — орет она из-за тебя, но явно не от женского счастья. Так шо можно наоборот — мы готовы приплатить за соль и музыку, но получить льготную цену на продукт для дезинфекции.

— Ой вэйзмир, — отозвалась, выходя на коридор, его супруга Дора. — Ты таки договоришься! Достань мне сахар, и я сделаю тебе дезинфекции на пятьдесят процентов дешевле.

Вместе с продуктами официальным приказом уменьшились цены и в ресторанах Одессы. Но кто ж в них ходит, когда до Привоза пара кварталов, а рыболовецкая артель с 16 станции Фонтана ловит каждый день как ненормальная? Правда, ассортимент доступной рыбы не радовал молдаванских хозяек.

Ася Ижикевич, возвращаясь с Привоза, еще в подворотне стала возмущаться:

— Это же не рыба! Это дрэк^[4]! Тут же жрать нечего!

Как и раньше, бывшая квартира Полонской стояла с распахнутой дверью и на призывные Аськины вопли выглянула первая зрительница Ривка.

— Дите, что ты надрываешься?

— Да рыбы нет! Одна сарделя да и то тощая, как мадам Косько.

— Которая Косько? Молодая или старшая?

— Да они обе как палка-подпиралка для белья! И как та сарделя — одни хребты.

— Так шо ты там уже взяла, показывай, — высунулась с галереи Нюся.

— Та пару сарганов и ставридки. Выбора вообще нет! Шо за жизнь — то хлеба нет, то рыбы!

Молодая Косько, с недавнего времени тоже «мадам» — Нилка чуть не вприпрыжку бежала через двор. Она и вправду была такой худой, что ее шестой месяц беременности еле угадывался, и дворовой совет только гадал — понесла или нет.

Она притормозила возле Аси и совершенно серьезно заявила:

— А шо, не знаете, что с рыбой? Вон по радио передавали.

— И шо?

— Дельфины пришли и все сожрали. Говорят, купаться надо аккуратно, особенно мужчинам. А то не ровен час...

— Та типун тебе на язык! Шая из сарая! — расхохоталась Ривка.

— Мадам Ижикевич, — Нилка прищурилась, сдерживая смехок, — на шо спорим, шо то дельфины?

— И на шо хочешь?

— На буханку — мне лень в гастроном идти. А если проиграю — почищу и пожарю вашу рыбу.

— И мамкиного самогона к рыбе!

— Замазали! Баба Рива, разбей!

Нила резко рванула домой и вернулась с газетой:

— На, только вслух читай.

Ася встряхнула «Большевицское знамя» и ругнулась.

— Ну? — Ривка выволокла стул. — Шо ты там греешь? Читай!

Ася хмыкнула, оглянулась и тихо начала. Нилка, улыбаясь, отошла к Риве в тень винограда.

— «По научным данным, дельфинные стада Черного моря, — она недоуменно всматривалась в газету, — оцененные в один миллион штук, пожирают ежедневно... — Чего?! — Пожирают до трех миллионов центнеров рыбы. Это почти в три раза больше, чем добывается морскими промыслами за тот же срок. Но...» — Ася удивленно округлила глаза.

— Да шо там еще? Кто еще твою тюльку жрет? Колись! — хохотала Ривка.

— «Кроме дельфинов, в водах Черного моря немало других хищников, — гробовым голосом продолжила Ася, — уничтожающих огромное количество хамсы, сардели и скумбрии».

— Если в море нет еды, ее схавали... дельфины! — объявила Ривка. — Иди ей хлеб отдавай.

Ася нахмурилась и вынесла половинку:

— На, держи. Больше не дам. У меня Серега с Васькой жрут, как те дельфины. А кстати, — она рассматривала Нилу, — ты... того?носишь уже от своего Канавского? Сколько уже?

— А ты как думаешь? — ухмыльнулась Нила. — Или, может, еще поспорим? На саргана?

— Иди уже!

— Хоть одна из Беззубов характером в Ирку пошла, — смотрела ей вслед Ривка. — Наша девочка.

Хорошее имя

Нилка работала в Кодыме до последнего. И только в сентябре, когда ее беременность стала очевидной, запросилась домой.

— Девочки, что-то мне нехорошо и тянет снизу, и подкравливает. Можно мне недельку за свой счет?

— Ты что удумала? За свой счет? Миллионерша нашлась! Больничный возьмешь! Ехай уже, работница! — проворчала бухгалтер. — Вот вечно выпросят место, а потом брюхатые ходят и опять по новой!

Нилка приедет домой, с наслаждением вымоется, пока Котька будет на смене, и приляжет. А через час пошлет малую Ирку за кем-то из взрослых. Заглянет Зинка:

— Чего надо?

— Я, кажется, рожаю, — застонет Нилка и, согнувшись, вырвет на пол.

— Да не кажется, — насупится Зинка.

— Мамочки... — прошепчет красная Нилка, — мамочки... — И снова согнется. — Прости, я потом вымою...

— Да как же! — Зинка выскочит. Жени не было дома, она заглянет к Нюсе: — Эй, кто тут у вас в родах понимает? Там Нилка рожает!

— Без малого полвека прошло, — придерживая Нилке ноги, философски заметит Ривка.

— Ну если мы тогда смогли, то сейчас тем более, — посмотрела на подругу Нюся. — Не бойсь, мы у твоей бабки Лидку приняли, правда, у тебя дите явно покрупнее.

К процессу подключится Ася Ижикевич с полотенцами, кипяченой водой и шумовыми эффектами. Под шипение Зинки, что не квартира, а проходной двор, на свет появится девочка. Измученная Нилочка прижмет к себе дочку.

— Имя придумала?

— Нет. Я же не знала, кто будет, — улыбалась Нилочка. — Ну здравствуй, дочечка. Красивая какая!

Ася торжественно заявила: — Сегодня по святкам Людмилы.

— Это ты в красном именованье посмотрела? — поддразнила ее Нюся.

— Это по-правильному! По-церковному!

— Людочка, — выдохнула Нила, — мне нравится...

А ночью ей станет плохо. Слишком много крови потеряла и продолжала терять. Она металась в горячке и стонала от боли. Рядом плакала Людка.

— Да что ж за муки ты мне устроил! — пнула мужа Зинка. — Ни жизни, ни сна! Опять через нас все ходят, как по вокзалу!

Женька убрала мокрое полотенце со лба дочери. Вот сейчас Гордеева была бы кстати. Но где ее взять?

— Эй, Котька, беги на угол вызывай «скорую»! А ты еще что-то вякнешь, — обратилась она к невестке, — то к тебе Нилкина «скорая» может и не успеть, понятно?

Нила уцепилась в ребенка и плакала: — Не поеду в больницу, не оставлю, ни на минуту не оставлю!

Ей вколят жаропонижающее и пообещают утром прислать врача из женской консультации.

А Нюся ввалится с отваром крапивы.

Когда через сутки жар спадет и Нила с Людкой на груди наконец заснут, Нюся с Ривой усядутся во дворе и нальют три рюмки — себе и Фире.

— Вот за твою правнучку! И внучку! Выходили Нилку!

— А чего ж она так порвалась? — удивится Ася.

— Ну так бедра узкие, а девка там хороших четыре кило, — устало выдохнула Ривка.

— Как четыре кило? Она ж замуж в начале марта вышла — это что же, семимесячная такая огромная?

— Ой, что ты как сегодняшняя, — огрызнулась Нюся. — Ты что, не знаешь, чего замуж так по-быстрому выходят?

У дворовых мадам вопросов не было — замуж по залету выходила добрая половина Молдаванки. Канавский удивится таким скорым родам и порадуетя дочке.

Рождение Людочки положительно повлияет на всю двенадцатую квартиру. Потому что наличие восьми человек в трехкомнатной, не считая младенчика, а точнее, благодаря его появлению, станет той самой точкой кипения.

Зинка не станет слушать очередных оправданий Котьки, а возьмет дочерей и пойдет к директору «Январки».

— Нам назначено, — заявит она в приемной и толкнет дверь: — Девочки, заходите, располагайтесь.

Она грохнет чемодан на стол для совещаний и начнет вынимать постельное белье.

— Это что такое?! — возмутится директор.

— А мы теперь здесь жить будем! Тут места больше, чем в комнате у родни вашего ведущего специалиста, которого обманули, отняли комнату в общежитии, и уже три года мы, как приживалки, всей семьей ютимся в тараканьем углу! И если мой муж не может вам в глаза сказать, значит, я скажу: нет комнаты, значит, мы прям на заводе жить будем. И специалист под боком, и душевые имеются. Курорт!

— Немедленно выйдите! Сейчас же!

— Не пойду! И еще в газеты напишу и товарищу Сталину, как тут над рабочим человеком измываются!

— Да я сейчас милицию вызову!

— И вызывайте! Всех! И милицию! И «Большевистское знамя» и «скорую помощь»! Потому что по своей воле я отсюда не выйду и вас тоже не выпущу! Поживете с нами в одной комнате! Поймете, как это!

— Да вся страна...

— Да вся страна строится и своим кадрам помогает! Сами-то небось в служебных хоробах проживаете?

Котья уже будет стоять под дверью начальника и деликатно стучать, призывая супругу выйти.

— Зиночка, можно тебя на минуточку?

— А ну тихо там! А то я как выйду, вам всем мало места будет!

— Это тебе, Котья, за все бабские слезы такой Змей Горыныч достался, — душились от смеха мужики из цеха.

— Почему достался? Она его схватила когтями и в пещеру к себе унесла, — добрасывали они.

— Смейтесь-смейтесь, — невозмутимо отвечал Котья — кому Змей Горыныч, а кому добытчица. Зиночка, нупусти меня!

Когда Зинаида выйдет из кабинета, она триумфально обведет взглядом всех собравшихся и, смачно плюнув на бумажку, прилепит ордер на комнату в общежитии Котье на лоб.

— Переезжаем! Вот как дела решать надо, сопля!

Нет человека — нет проблем

Следующие два дня прошли в непрерывных инструктажах, встречах и согласованиях, после чего Ирод отбыл в Одессу сдавать дела. Через месяц его зачислили в штат плавбазы инспектором по охране труда. Таких инспекторов на борту было около десятка, и никто точно не знал, что, как и от кого надо охранять, пока они шли к месту промысла. Дни тянулись за днями, и, лежа на койке в отдельной каюте, Ирод перебирал в памяти все встречи с фон Розеном, искал то, что упустил, где просчитался, на что не обратил внимания, почему дал так легко себя обмануть. Просчитывал варианты возврата своих капиталов, искал способы и пути своего ухода после завершения акции. И точно знал одно — барон Розен больше не жилец. При всех вариантах развития событий. Никакой плавбазы и Москвы для него не будет.

Его помощники-диверсанты по одному под разными предлогами были представлены ему в течение первой недели. Все они числились водолазами в аварийно-ремонтной службе китобойной флотилии. Так было проще — можно было перемещаться между китобоями, плавбазой и берегом, не привлекая внимания. Он общался с каждым не менее часа, проговаривая с ними детали предстоящей операции.

На второй день после швартовки в Монтевидео за ними пришел катер лоцмана — другое советское судно, стоящее на рейде, запросило помощи в ремонте рулевого управления. На этом катере вся группа была доставлена к побережью Уругвая. На месте их ждал проводник. Под покровом ночи без приключений они добрались до усадьбы, проводник нейтрализовал собак, стреляя в них отравленными иголками из короткой духовой трубки.

Фон Розена, нынешнего дона Санчеса, бойцы обнаружили в спальне на втором этаже, спеленали сонного, надели на голову мешок и по команде Ирода переправили на первый этаж в большую комнату без окон. Оставив одного боевика снаружи комнаты и отправив остальных на охрану периметра, Василий Петрович первым делом лишил барона речи, воткнув несколько иголок в одному ему ведомые точки, и, сняв с головы мешок, медленно и четко сказал:

— Я буду задавать вопросы, а ты, кивая головой, будешь отвечать мне «да» или «нет». От этого зависит твоя жизнь.

Барон, не отрывая взгляда от Ирода, кричал глазами одно и то же: «Нет, нет, этого не может быть!!!»

— Да, это я, и это не сон, — отвечая на немой вопрос барона, сказал тихо Василий Петрович, — и я убью тебя, если ты не сможешь ответить на мои вопросы.

— Вопрос первый: картотека абвера в доме? — четко разделяя слова, спросил он.

Барон, огорошенный вопросом, широко открыл глаза и не отрываясь смотрел на своего мучителя.

— Я повторять не буду, я сделаю тебе очень больно. Такой боли ты еще не испытывал, — Ирод безжалостно вогнал металлический стержень в болевую точку между пальцами. — Барон зашелся в немом крике и обмочил пижаму.

— Отвечай на вопросы, будешь молчать, превратишься в парализованную тушу с торчащими наружу нервными волокнами. Это будет уже необратимый процесс. Молить будешь, чтобы я пристрелил тебя, прекратил мучения, — ровно и безразлично сказал Ирод бывшему однокласснику.

Через полчаса все девять тяжелых ящичков с картотекой были извлечены из тайника, и шесть бойцов группы навьючили их на себя.

Кому достался один ящик, а кому два, решали командиры троек. Без груза был только проводник.

— Доставить ящики на катер, проводник и два бойца вернутся за мной, может быть, придется тащить клиента на себе, — коротко отдавал приказания Ирод.

Оставшись снова наедине с бароном, он задал самый главный для него вопрос: — Где золото?

Эту информацию он выпытывал не торопясь, задавая перекрестные вопросы. Несколько раз ему даже пришлось разблокировать речь фон Розену. А через час, получив исчерпывающие ответы на все свои вопросы, Ирод погрузил барона в забвение.

Потом зашел в оружейную комнату и радостно цокнул языком, увидев богатый арсенал.

Двух противотанковых мин и нескольких гранат с деревянными ручками вполне достаточно для реализации плана прикрытия отхода. Растяжка от запала гранаты к ручке двери комнаты допроса сработала как и было задумано, взрыв разнес в клочья весь дом, двух бойцов и барона. Пришлось только отыскать оглушенного проводника в кустах у ограды, добить его и бросить в разгоравшийся огонь, пожиривший остатки усадьбы. Свидетелей и следов оставлять было нельзя. Когда в усадьбу добрались встревоженные оглушительным взрывом соседи и увидели угли от догоревшего дома, Ирод был уже далеко...

Завсегда могём

Феня откинулась на стул:

— Ой, девочки, я вам говорю: вот я смеялась в прошлую пятницу, так во сне до меня пришла сухонька чорна женчина, стала на цыпочки и салфеткой мне по губах надавала.

— И шо это значит?

Феня недоуменно дернулась от такой беспросветной глупости товарки:

— То ж была святая Параскева-пятница! Вот и не ржите, кобылы, у пятницу, шоб не плакать потом.

— Ой, Феня, поплакать мы завсегда могём. Так что лучше смейся!

Феня была живучей, как сорняк. Возвращаться в трамвайное депо после такого мистического ужаса она побоялась и устроилась на трикотажную фабрику. По началу было совсем тяжело. Из швейных навыков у нее была только вышивка крестиком в детстве да смахивание пыли с хозяйской машинки «Зингер» в немецкой слободе. Трогать руками такую ценную вещь ей категорически запрещалось.

— Вот же ж дура безрукая! — возмущалась наставница. Феня действительно туго соображала в заправке ниток, а ровная строчка не давалась вообще. Но она очень старалась, оставалась на вторую смену и просиживала просто рядом со швеями.

— Да что ты под руку все время смотришь? — шипели они. И Феня таки научилась, а когда наконец-то поняла принцип, как будто в голове со скрипом повернулись какие-то ржавые шестеренки, она стала строчить как скорострельный автомат, выдавая несколько норм и жадно нахватывая еще и еще работы. Она упивалась своим триумфом, почетными грамотами, а больше всего дополнительными премиальными рублями к получке. Она по прежней, оставшейся от немецкой хозяйки привычке откладывала с каждой зарплаты. На что? Она сама не могла объяснить. На что-то прекрасное неведомое и далекое — вроде санатория или белых туфель на каблучке. Правда, в конце месяца регулярно все отложенное выгребала, потому что два пацана ели как не в себя, и прокормить эту пару полудиких уличных щенков было неподъемной задачей.

— Да когда ж вы вырастете! — ворчала Феня, обнаруживая вечером пустую кастрюлю от борща. — Да тут же на два дня было!

— Смотри, Феня, — ухмылялась соседка по коммуналке, — не доживешь ты до их четырнадцати, когда в ремесленное можно будет сдать. Они тебя когда-нибудь сожрут!

— Та они уже всю кровь мне выпили!

Кровоопийцы — восьмилетний Серега и шестилетний Толик, Тося, как называл его брат, — не только объедали мать, но и промышляли по окрестностям. Все абрикосы в округе, все сливы с бесхозными ветками через забор, а то и просто прилавки Привоза и все, что с них падало, были под их неусыпным присмотром. Но лучшими днями в году были не Новый год с Первомаем, а Проводы, поминальная неделя.

Братья работали на контрасте — Сережка с хитрой конопатой рожей был невероятно обаятельным и замлаживал отчаянных теток,

пришедших вопреки политике партии отдать должное религиозным предрассудкам и усопшим.

— Тетенька, дай колева ложечку. Я молитву знаю! — А потом выдавал безотказный козырь — смотрел прямо в глаза и добавлял: — Не жалейте, меня тоже... — он успевал срисовать с памятника имя покойника, — тоже Василием звать...

Тех бессердечных и опытных, кто не велся на Сережкин щебет, добивал Тося. Он с выгоревшими до белого бровями и ресницами просто молча стоял поодаль, насупившись, и буравил взглядом поминающих. На вопрос: — Ты чего там стоишь? — угрюмо отвечал: — Мамку ищу. Говорят, ее здесь схоронили...

Возвращались они уже затемно, потому что объедались так, что просто засыпали там же, на кладбище. Но и домой они несли полные карманы хлеба и пасок.

А Новый год — что Новый год? Через пару лет после смерти Якова Феня решила устроить большой праздник, как у господ в немецкой слободе — принесла домой еловую ветку и навесила на нее настоящих конфет. Целых девять штук. Всем по три. И предупредила:

— Не жрать! Это на Новый год.

Сережка с Тосей весь вечер заворуженно просидели у стола, глядя на такую роскошь и осторожно касаясь веток и конфет на ниточках.

А когда на следующий день Феня пришла с работы, на ветке не было ни одной конфетки. Ни единой. Даже фантиков. Слишком сильным было искушение. Феня в слезах отходила обоих отцовских ремнем, пока не устала рука, и, рыдая, пообещала неблагодарным сыновьям, что больше никогда! Слышите! Никогда не будет вам ни елки, ни подарков! И слово свое держала.

Дурак дураком

Семейная жизнь Нилки Косько и Йосифа Канвского в дальней Фириной комнате несмотря на бытовые неудобства выглядела идеальной. Нила хлопотала по хозяйству, возилась с ребенком. Встречала Йосифа в его короткие увольнительные накрытым столом. Самые вкусные пирожки, настиранные и наглаженные рубахи, накрахмаленная до хруста постель, коржики с собой... Но за этой

заботой и благополучием, за скрипучей тяжелой дверью их спальни была такая бесконечная черная дыра, которую не заткнуть было никакими пирогами.

После рождения дочери Нила всеми способами увиливала от выполнения супружеского долга. То живот болит, то ребенок заплакал, то Зинка за стенкой не спит и дядю Котю пилит, а у них кровать сильно скрипит... Сразу после свадьбы она тоже не особо отличалась инициативой или темпераментом. Канавский про себя удивлялся — каждый раз как в первый, чуть не со слезами. Йосиф был уверен — все из-за скромности и неопытности, вот родит и войдет во вкус. Но Нилочка, которая распевала своим хрустальным голосом колыбельные, как японка, на тягучий медленный лад, переиначив все комсомольские песни, как только дочь засыпала, моментально теряла и живость, и веселое настроение.

— Да что с тобой не так?! Что ты бревном лежишь и руки, как покойник, на груди скрестила?! — взорвался Канавский.

Нилка расплакалась:

— Прости, прости меня, пожалуйста. Я стараюсь. Я очень стараюсь... — И уткнулась лицом в подушку, уже беззвучно выдыхая туда, — но не могу...

Йосиф хмыкнет, подскочит, пройдет, как по клетке, из угла в угол по комнате и осядет на угол кровати:

— Ну так же невозможно!

— Прости меня, Йосичка, — Нила сядет рядом и погладит его по колену, — прости меня. Ты хороший, красивый, добрый. А я, наверное, какая-то поломанная. — И дрогнувшим голосом добавит: — Или... испорченная. Давай я тебя отпущу...

— Что значит отпущу? Не привязывала.

— Привязывала, — Нила крутила обручальное кольцо. — Давай разойдемся. Не будем мучать друг друга.

— Да ты чего? — ошалел Йосиф. В этой набитой людьми квартире они говорили, ругались и даже кричали шепотом. — Ну? — он повернул ее к себе. — Ну перестань, наладится.

Нила подняла лицо к потолку, стараясь удержать слезы, и еле слышно ответила:

— Ты же сам знаешь, что нет...

— Но почему? Что я не так делаю?

— Все хорошо. Ты хороший. Я не знаю. Я не могу так...

Нила плакала в подушку. Канавский сидел столбом и безнадежно молчал, а потом выдавил:

— Ты меня не любишь?

— Люблю, — отозвалась Нила, — но... наверное, не так...

— Понятно, не любишь, — тяжело отрезал он. — А зачем тогда? Зачем голову морочила? Зачем замуж пошла? — отчаянно шептал он.

Нилка продолжала плакать.

— Я думала, что люблю.

— А как же твое «Бачылы очи, шо купували?» А? — с горечью спросил он.

— Так я и терплю. Терплю и стараюсь. Изю всех сил. Честно. Но ты — несчастный. А я не могу сделать тебя счастливым.

Йосиф уедет в часть, сказав на прощание, что вернется через месяц, а она пусть подумает еще раз. Хорошо подумает, как ребенку без отца расти. И уходя, сам себе побоялся признаться, что заранее знает Нилкин ответ.

Он вернется, посмотрит на своих девочек. Он хотел орать, орать, орать и крушить кулаками и сапогами все — и эту собачью узкую комнату, и эту проклятую пыточную металлическую кровать, и старый мешанский дубовый шкаф так, чтобы рухнуть, разбить руки до костей и со всей силы до крови ударить эту... эту... Он не знал, как ее назвать.

Он ничего не сделает, аккуратно соберет сложенные наглаженные вещи, поцелует Людочку, со вздохом посмотрит на Нилю:

— Я буду присылать деньги каждый месяц.

— Не надо никаких денег, — у Нилки не переставая текли слезы, она их даже не вытирала. Стояла как прибитая, макнув голову в плечи, раздавленная собственным решением.

— Да как это не надо?

— Мне алименты не нужны. Я тебе, сволочь, жизнь сломала, а ты мне приплачивать собрался?

— Не тебе. Моей дочери.

— Не надо! Пожалуйста. Заклинаю!

— Это мне решать.

Она молча плакала на кровати, он уходил и больше всего на свете мечтал, что сейчас она рванет за ним, схватит за спину, прижмет и

скажет, что боится его потерять. Что это блажь, глупая шутка, проверка... Но никто не выйдет. Йосиф уйдет не оглядываясь. Как будто просто в часть.

Во дворе не сразу поймут, что капитан Канавский ушел навсегда.

А когда поймут, то удивлению не будет границ.

Ася развешивала белье и ворчала:

— Да-а, зажрались уже эти молодые! Хороший мужик непьющий, военный. А она его выгнала! Харчами перебирает... И куда теперь? Кому с прицепом нужна?

Ривка поддакивала ей с лавочки у дверей:

— Ой, мишигинер, да я Гедалю своего вообще первый год убить хотела за его пьянки. И ничего. И ты, Аська, тоже не сердцем выбирала.

— Ага, — отозвалась Аська, — стерпится-слубится — это про нас. Жизнь свою без Васьки теперь не представляю. А они теперь совсем страх потеряли.

— Да ладно вам, — в беседу с размаху вклинилась вошедшая за ручку с Анюткой-младшей мадам Голомбиевская, — залетела, вот и вышла. Надоело — развелась.

— Это что же за мода такая? — Ася вылезла из-под простыни, — Нюся, ты работу-то свою с семьей не путай!

Нюська подбоченилась:

— Ну мне за это, в отличие от вас, деньги платят, а вы то же самое делаете даром, еще и готовите, убираете да обстирываете.

Рива застонала:

— Ой вэйзмир! Да кто тебе платит? Пенсионерка заслуженная! Мне Гедаля даже пьяным больше цветов приносил, чем тебе все клиенты за всю жизнь. Ты любовь-то со срамным делом не путай. Ишь ты, суффражистка престарелая!

Нюся аж подпрыгнула:

— Ага! Не путать, говоришь, с этим делом, так что вы до Нилки прицепились, как репей до чулок! Если она без любви жить не хочет — значит, не шалава. Не думали?

Асю и Ривку этот неожиданный пассаж Голомбиевской погрузил в глубокие размышления.

— То же мне — сраный Достоевский нашелся, — наконец выдала вердикт Рива.

— Это отчего ж еще?! Достала?

— Да философствуешь тоже.

И только новоиспеченная соседка Танька из тринадцатой злорадно хихикнула, когда Нилка вышла с Людочкой на коридор:

— Ну что? Ушел твой? Сложил, наконец, два и два? Что семимесячные по четыре кило не бывают? А то ходил — дурак-дураком! Аж жалко!

1951

Одесса-мама

На Одесском железнодорожном вокзале стоял немолодой, но крепкий мужчина типичной одесской наружности — черноглазый, кудрявый, с легкой проседью на висках, в двубортном костюме и с парой добротных чемоданов у ног. Он так и не двинулся от вагона, хотя все пассажиры уже выплеснулись на перрон и растеклись ручейками в сторону Старосенной и Пушкинской. Мужчина улыбался и медленно, с наслаждением втягивал носом воздух — как дорогой одеколон.

— Мама, — протянул он, — Одесса-мама. Борис Семенович Вайнштейн наконец-то приехал домой.

Он так долго ждал этой встречи, так готовился к ней, что теперь боялся испортить впечатление и двигался медленно, смакуя каждый шаг. Он тысячу раз представлял свое идеальное возвращение в родной город. Он терпеливо выжидал. Да, Ванечка на вокзале в Хабаровске чуть не спутал все карты. Но Вайнштейн твердо решил не рисковать, а выждать и заработать, чтобы вернуться домой с капиталом.

Кроме того, несмотря на четверть века в разлуке, старые кореша вполне могли его узнать, а про то, что ташкентские кинули маляву, что Боря Вайнштейн, он же Виктор Гиреев, — крыса, и ждет его правило и смерть, — он даже не сомневался. Как и положено по законам древней войны, он решил дожидаться, пока «по реке не поплывет труп врага». С такими стратегическими замашками самурая Борька стал бы блестящим командиром, но выбрал другой путь. Он знал, что сейчас в мутной воде одесских улиц начнется полный беспредел, а точнее — новый передел Одессы среди воровских авторитетов. И война будет знатная. Он все правильно рассчитал и дождался-таки. Массовые зачистки одесского блатного мира в сорок восьмом, устроенные опальным маршалом Жуковым, помогли ему вздохнуть с облегчением. Никого из старых не осталось. А кто остался — или рванул, или сидит тихо, как мышь под веником на дальних бессарабских хуторах.

Но не в сорок восьмом, ни в сорок девятом Вайнштейну не удалось вырваться. Всё гешефты, всё сборы да перестраховки...

И куда ж такому красивому податься? Борька уже решил: гостиница «Аркадия», а потом можно и к Аньке Беззуб. Она за годы

войны столько ему рассказала о своем фонтанском доме, что он его и с закрытыми глазами найдет. Зная Аньку, Борька не сомневался — если хату не захватили пришлые, то она никуда оттуда не уедет. А гостиницу снял — для вещей и на всякий случай. Вдруг она совсем мишигинер стала или совсем никакая — когда они расстались в Крыму, она была настолько запуганная, забитая, потухшая, что не ровен час и спиться могла. Но у нее есть информация о сыне. А где его горячая кровь в свои семнадцать могла очутиться — вопрос. Но все по чуть-чуть. По порядку.

Вайнштейн оставит костюм в номере и с наслаждением переоденется в легкую полосатую рубашку с коротким рукавом, широкие светлые брюки, обует белые пижонские парусиновые туфли и бережно достанет из чемодана новомодную мягкую шляпу.

Поездка в Аркадию превзойдет все его ожидания. Отстроенный после войны один из главных пляжей Одессы вернул его в юность. И здание ресторана «Аркадия» уцелело! Новая аллея с молодыми пальмами, шикарная веранда над морем, россыпь кафе...

Боря с удовольствием, не спеша, прошелся, а затем присел выпить пива. Он снова наполнялся силой, куражом и ленивой беззаботностью родного города. Вайнштейн чувствовал себя помолодевшим. Одесса не разочаровала, а наоборот — как будто готовилась к его приезду, возвращаясь в золотые времена расцвета раннего НЭПа. Так здесь все строилось, обустроивалось и кипело летней курортной жизнью.

Это первое впечатление после разлуки Боря воспринял как добрый знак. Он вернулся в гостиницу, принял прохладный душ, повалился часок на постели, скорее, чтобы не отдохнуть, а понежится в предвкушении, и поехал к Аньке. Планируя сначала посмотреть на нее и решить — оставаться на ночь или тихо свалить и вернуться уже с утра с официальным визитом.

— Ого! — Борька присвистнул: Аня напомнила ему новую Аркадийскую аллею — раздалась, налилась, что ее не портило, а наоборот, наконец превратило из вечного измученного подростка в женщину. Загорелая кожа, выгоревшие светлые пряди из-под косынки. Анька стояла в соблазнительной позе — склонившись с банкой краски и кистью над расстеленным по дорожке транспарантом. В глубокой задумчивости... С подоткнутым чуть не до пояса подолом юбки...

Боря довольно хмыкнул свое знаменитое «есть фарт» и толкнул калитку:

— Здрасьте вам через окно, — весело начал он.

Анька от неожиданности уронила банку и завопила, как будто увидела покойника.

— И шо? Даже не поцелуешь? — улыбнулся он.

Но она отряхивала краску со ступней и пыталась понять, как реагировать на воскресшего.

— Тьфу ты! Напугал до смерти! Боря... ты как это?.. Подожди! Не подходи! Ты откуда вообще взялся такой нарядный?

— От верблюда! — оскорбился Вайнштейн. — У тебя мужик вернулся, а ты что-то не шибко рада!

Анька вдруг уперла руку в бедро:

— Откуда вернулся-то?

— Из тайги! — огрызнулся Боря. — Настроение у него стремительно падало. — Что ты, не рада меня видеть?

Анька все время косилась куда-то назад, себе за спину.

— Да я рада. Наверное... Но что-то как-то неожиданно через семь лет ты объявился. Хоть бы телеграмму дал. Тебя что — освободили?

— Можно и так сказать, — процедил Боря. — Где мой сын?

— Надо же. Вспомнил, — с горечью ответила Аня. — А я знаю? Ему уже восемнадцатый пошел. С друзьями гуляет.

— Где он? Как? — Борька уже не улыбался, а требовал.

— А ты не кричи на меня — не в Джанкое, — вдруг ошетибилась Анька. — Явился не запылится! Я все глаза выплакала. В Крым ездила, пороги обивала, письма везде рассылала. Мне сказали, ты умер по дороге от тифа. А тут раздайся море — плывет Боря!

— Ань, кто там? — слышался сиплый голос. За спиной у его Ханки вдруг вырос огромный мужик в тельнике. Мужик по-хозяйски взял Аньку за бедро, отодвинул ее и обратился к Боре:

— Что забыл, мил человек?

Анька вынырнула из-под его лапищи:

— Это к соседям — дальний родственник приехал. Адрес перепутал. Вот выясняем, куда ж ему надо — он с этими нашими линиями все попутал. Я проведу — тут рядом.

— Недолго там! — по-хозяйски рявкнул этот бугай и тяжелым взглядом буравил спину Бори, пока тот шел до ворот.

За воротами Борька вскипел:

— Это еще кто?

— Это муж мой — китобой, гарпунер. Так что ходить сюда не советую.

— Да больно надо! Скажи, где мой сын. Ты меня не интересуешь!

Анька презрительно хмыкнула: — Ты меня тоже! А твой, то есть мой сын, между прочим, в высшей мореходке учится, так что не портить парню биографию — у него все шансы в загранку пойти, а с папашей, который с фашистами якшался, он всю жизнь будет сардельку в Черноморке ловить. Держись подальше. А то я Осю на тебя натравлю. С гарпуном.

— Никейва! — бросит ей вслед Борька, но Анька не услышит.

Вайнштейн вернется в номер в бешенстве — кто бы мог подумать! Он эту доходягу партийную дважды от смерти спас, выкормил, долю в деле дал, а она! Ты смотри, какая борзая стала! Китобоя она завела, шикса престарелая! Сидела же всю войну — рот боялась без команды открыть! А тут — не подходи!

Боря решил остыть и вернуть прежнее благостное состояние. Он гулял по городу, который кипел, роился, фонтанировал — людьми, новыми фасадами, кафе и кинотеатрами. Такого подъема Борька не помнил с двадцать пятого. Только сейчас все было централизованнее и в разы масштабнее. И здесь крутились огромные деньги, это было настолько очевидно, что не нужно было быть королем криминала, чтобы это понимать. Вот только теперь Боря без образования, партийности, внятных документов и трудовой книжки да еще и разменяв шестой десяток, обидно оставался незванным гостем на этом празднике жизни и госбюджетов.

Спокойно жить на собранный капитал не получится: тихо сидеть — не в его привычках, гулять на широкую ногу — сразу заинтересуются товарищи из органов и другие бывшие товарищи. Вайнштейн оказался в патовой ситуации и решил, пока все не прояснится, просто побыть отпускником-курортником, а заодно завершить еще одно старое дело — навеститься на Мельницкую, в свою бывшую квартиру.

Восьмой номер был точно таким же, как раньше, и у Борьки вдруг застучало в голове и в груди до холодной испарины. Детство, юность,

брат, отец... Все так нелепо оборвалось, все закончилось, все ниточки... Хотя нет. Да что же это он — конечно не все...

Вовка Шнобель стрельнет у Бори сигарету из пижонского портсигара и взахлеб расскажет ему обо всех жителях двора.

Все начнется элементарно: Боря срисует юного местного жителя, который его точно не знает, и поинтересуется за мадам Гордееву, которая его когда-то лечила. Жива ли?

И так слово за слово узнает весь текущий дворовой расклад. А в первую очередь, что этот пацаненок — внук Гордеевой и сын Женьки. И что его Шейне-пунем уже два года, как стала бабушкой. А еще он выяснит главное: Петька погиб, и Женька с сорок первого одна. Он не повторит ошибки с Анькой и понаблюдает пару дней. А Шейна все еще вполне. Конечно, это не тот цветок, который он так и не сорвал, но на первое время вполне годная кандидатура. Все черты, которые он предугадывал в ней шестнадцатилетней, теперь не просто проступили явно и очевидно, а читались, как плакат. Сука редкопородная. Злющая и надменная. Его любимый фасон.

— Евгения Ивановна! — В Женькин кабинет главного бухгалтера районной стоматологии заглянула сияющая санитарка. — Вам тут письмо!

Женька удивленно посмотрела на конверт и побледнела: — Дай!

Она взяла конверт трясущимися руками, но нет, он был не запечатан, без адреса и подписей.

— Не может быть, — шептала она, доставая записку. Ее первая мысль была: «Петя! Петечка дал знать!»

Но увы. В конверте была записка знакомым почерком с той самой подписью «Твой друг навсегда». Без имени, но с приглашением в ресторан у моря.

Женька откинула записку на стол и закурила, чтобы успокоиться и сдерживать улыбку. Санитарка не уходила: — А шо передать взад, если опять появится?

— Передай... — Женька прищурилась, — передай, что я не возражаю.

Она придет в «Аркадию» с точностью до минуты и как всегда при параде. Подойдет и присядет за столик Вайнштейна. Разумеется, лучший, в дальнем уголке с отличным видом на море. На тот самый пляж, где они целовались.

Она молча сядет напротив и хитро, улыбаясь морковно-красными губами, закурит свой любимый беломор.

— Шейна, ты что, куришь? — наконец заговорит Вайнштейн, улыбаясь.

— Ты представляешь? — глядя ему прямо в глаза, ответит Женька. — И даже пью!

— Шампанского?

— Упаси боже! Коньяк.

Да... Борька ликовал. Она сама как коньяк. Перебродила, отыграла и вошла в крепость и вкус.

Женька подняла рюмку:

— С воскрешением! Тебя, кстати, как звать нынче? Случайно не Лазарем?

Боря ее рассматривал масляным кошачьим взглядом:

— Для тебя я навеки твой Боречка. А ты как будто не удивлена моим появлением?

— Ну как же не удивлена? Тетя Дуся, санитарка, разве не сказала — я чуть со стула не упала! Но я всегда верила в твои способности. Отлично сохранился, кстати. Север?

— Восток. Дальний. Хабаровск.

Они не сводили глаз друг с друга. Борька — томно-изучающих, Женька — призывно-насмешливых.

— Надо же! А у нас Ксюха в Хабаровске была. Помнишь, наша младшая, ты мне с ней еще записки передавал. Не встречались?

— Нет. Я б ее даже не узнал, — почти не соврал Борька. — Да что я, ты как?

— Отлично — ты ж, я думаю, уже справки навел, раз на работу заглянул. А кстати, ты уже не боишься? Ну что тебя схватят?

— Да кому я нужен?

— Это правда, — внезапно согласилась Женя. — Надолго в Одессу?

— Надеюсь, что да. Ты так смотришь. Я с ума схожу. Как мальчишка. Как тогда. Помнишь?

Женька чуть наклонилась вперед через стол и, глядя Борьке в глаза, ответила: — Забыла.

— А я все эти годы тебя вспоминал, — Борис вместе со стулом подвинулся поближе и облокотился на стол.

Женька тоже сдвинулась вперед:

— Врешь, гадина, но как всегда складно и красиво.

— Отвечаю!..

— Боюсь представить, при каких обстоятельствах ты вспоминал, — ухмыльнулась Женька.

— Шейна, да ты что! Ты мне сердце разбила, или тоже забыла? И вообще столько лет прошло, столько пережито! Может, все-таки завершим начатое? Или новое устроим?

Женька наклонилась к нему так близко, что чуть не касалась губами его губ, и шепнула:

— А что, Боречка, Анька уже не дает? Или совсем разонравилась?

Боря отпрянул:

— Какая Анька? Ты чего?

— Так это ты забыл? Анька, мать твоего сына с типичным еврейским именем Иван, моя сестра. Рупь за сто, что ты у нее уже был. А теперь ко мне пришел? Потому что она с мужиком, а я одна? Так я обьедки не подбираю, — Женька откинулась на стуле и опрокинула рюмку: — Твое здоровье!

— Шейна, ты что несешь? Это кто еще обьедки?! Ты меня, фартового авторитета, на эту немчуру деревянную променяла и что выиграла? Что получила? Пенсию по утрате кормильца? Или сильно шикарную жизнь тебе твой Петя-Петушок устроил? Курица, тебе жизнь козырного туза подкинула на старости лет, но мозгов понять и оценить таки не хватило!

— Да... — Женька встала и вытерла уголки губ. — Правильно я тогда в шестнадцать выбрала. Раньше еще, бывало, сомневалась грешным делом, а теперь точно — нет. Иди, Боречка, откуда пришел. Какая любовь в твои-то годы, Тузик? Здоровье беречь надо, вон давление поднялось, жилочка на виске дергается. Ты сиди, сиди, коньяк пей, а то вдруг удар схватишь. А я пойду. Мне еще внучке сказку на ночь читать.

Женька шла не оглядываясь и ликуя. Вот это подфартило — и она смогла-таки сказать Борьке в лицо все, что хотела тогда, в сорок четвертом, когда узнала от Аньки.

Борька тупо смотрел на море и потягивал коньяк. Он не просто негодовал, он бушевал, он кипел от возмущения:

— Ах вы две старые хуны! Совсем оборзели! Берега попутали! Зубы обеим выбить последние за дерзость! И раком поставить. Чтоб знали!

Но Анька — сука какая! Мало того, что Женьке про них растрепала, так и еще и руки в бок ставит! Китобоя она себе завела — да там же смотреть не на что! Забыла, как в углу от страха скулила и у него в подполе пряталась! С чьих рук три года ела? Тварь неблагодарная!

Вопреки логике, Женька Вайнштейна ранила сильнее. Именно потому, что была права. Потому что он был с ее сестрой. Но чего ж сразу, как Анька, — не отказала, а пришла, покуражилась, станцевала на его самолюбии, а он — как последний лох повелся, обрадовался! Коньяком ее поил. Вот змея!

Борис допьет, рассчитается и пойдет гулять по Аркадии, до вечера добавляя на коньяк то пива, то разливного таировского вина. Он знал, что ищет, и специально зашел подальше и поглуше от гуляющих парочек. Когда к подвыпившему сидящему на парапете босому Борьке подвалили два тощих гопника с финкой, сьвки поганые, а не гопники, он с нескрываемым наслаждением избил обоих, сломав носы и ребра, разбив в лоскуты все руки. Он с наслаждением слизнет с костяшек свою и чужую кровь и, наконец успокоившись, поедет спать.

Как фамилия?

Вайнштейн снимет домик на Слободке. Двор на двух соседей. Напротив доживает старуха. Та еще штучка. Как ему шепнули — она дольше сидела, чем ты живешь. Баба Нюра была запойной. А в короткие похмельные просветы драила двор, витиевато матерясь на окружающих, на погоду и на советскую власть. Борьку она приняла, сразу считав блатного. А его устраивали и слободские дебри, где и днем-то даже постовые пробегали рысцой, и близость кладбища, и выход прямо из подпола в катакомбу, по которой его провели до развилки и показали два выхода — ближний на кладбище и дальний аж на Пересыпи. А еще тут совсем неподалеку был «Экипаж» — общежитие мореходки, где учился уже на втором курсе Ванька Беззуб-младший.

Боря не просто осторожничал. Он откровенно боялся, что после такого фиаско с обеими сестрами контакта с сыном тоже не получится. А это страшнее и важнее всех баб, вместе взятых.

Боря «чисто случайно» столкнулся с Ванькой возле экипажа. И обомлел:

— Ваня? Ильинский?! Ты как тут? Не узнаешь?

— Дядя Витя? — искренне удивился Ванька. — А вы-то как в Одессе?

— Да перевели по работе. Рыбное хозяйство поднимать, — стал замлаживать Борька, — так что живу тут на Слободке. Работаю. Может, в гости зайдешь? У меня такая камбала сегодня — закачаешься! Поболтаем. А то я Сансанча совсем из виду потерял.

— Ну я не знаю, — протянул Ванька и после настороженно добавил: — Сансаныч тоже в Одессе, но он так тебя клял, промежду прочим, за тот нож. И сказал, что ты очень нехороший человек.

— Я?! Дожились! Хотя я знаю, чего клял. Понятное дело... Ладно, захочешь — заглянешь как-то. Расскажу. Ну, бывай!

Боря развернулся и зашагал вверх по Маловского в сторону Слободки. И считал шаги — раз, два, три, четыре... На седьмом Ванька его окликнул:

— Да подождите! А сейчас время есть? А то любопытно. Я так эту выкидуху хранил...

— Шо значит хранил? Шо? Потерял? — расстроился Борька.

— Да нет, менты отобрали, — понтуясь, бросил Ванька.

— Ишь ты, — Боря снова почувствовал радость внутри — его, его пацан, его воровская порода. — Ну пошли, расскажешь.

Под камбалу и стакан вина Ванька выложил всю свою жизнь в Одессе — и про выкидуху, и про «Стальканат», и про мамкиного хахалю Осипа, и про свое чудесное поступление. А потом, выговорившись досыта, как тогда в Хабаровске, вдруг спросил у Борьки:

— Так почему тебя так ненавидит Сансаныч?

— Потому что я — твой папа, — вдруг неожиданно для себя ляпнет Боря. — Это со мной ты катался на коне в Крыму, со мной летал самолетиком по саду, и это лучшее, что у меня было в жизни.

Ванька сидел ошарашенный, уставившись на него.

— Так я Викторович?

— Борисович, — снова на автомате ляпнет Вайнштейн и похолодеет от такой откровенности.

— Надо же, — протянул совсем прибитый такими новостями Ванька и затих. Он сидел нахмурившись, явно перебирая в голове слова, ситуации, вопросы, чтобы задать самое важное.

— А почему... — он допил залпом свое вино, — а почему ты мне в Хабаровске не сказал?!

— Не мог. Я в бегах был.

— А сейчас? Амнистия? Ты почему только сейчас появился?

— Не мог раньше. Дела.

— Дела? Дела?! — взвился Ванька. — Да я с твоим ножом как дурень с писаной торбой носился! Я так мечтал, чтобы мой отец был на тебя похож. Я даже думал, как хорошо было бы, чтоб ты был моим отцом! Тогда, в двенадцать. Знаешь, как ты мне был нужен? Даже не догадываешься! У тебя-то самого отец был?

— Был конечно. Всему меня научил, — начал Борис...

— А кто мой отец? Ты или Сансаныч? Или Осип? Вот они — мои отцы. Оба чужие. И оба меня тянули. А я, твоя родная кровь, ладно, война, потерял, туда-сюда, но потом! После Хабаровска! Ты пять лет собирался за мной?!

— Ты ничего не знаешь и не понимаешь, — тяжело проговорил Борька.

— Это детям лет в десять можно так говорить. А я уже взрослый мужик! Зачем мне отец в восемнадцать лет? Или это я тебе наконец понадобился? За кефиром бегать некому?

— Послушай, я все могу объяснить. Ты не представляешь, что и сколько я могу тебе сегодня дать...

Ванька с горечью осмотрел комнатку на Слободке:

— А что ты мне можешь дать? Ты мне даже фамилии своей не дал. И отчества тоже. Кстати, папа, а как моя настоящая фамилия?

Борька тяжело дышал:

— Я не могу... не сейчас...

— Ну тогда оставайся. До свидания, дядя Витя. У нас разные фамилии. И отчество у меня — Иванович.

Ванька чуть пошатываясь выйдет со двора и пойдет в экипаж.

А Борис снова обнулил все счета...

1952

Туалетный фарт

Вайнштейн не долго горевал по сыну. Ему нужно было определяться. Работать — не по понятиям, не работать — заметут за тунеядство. И он стал искать тихое, но перспективное место для трудовой книжки и возможных гешефтов и нашел — приемный пункт артели «Коммунальник», которая собирала заявки на ремонты домов и квартир. Совсем скоро он обзавелся собственной отдельной базой умельцев и подтянул электриков с сантехниками, подхватывая функции управдомов, которых на Слободке отродясь не было. Дальше он посадил пенсионера-фронтвика на сбор заказов, а сам засел в конторе.

А фартовое дело, как и положено, само нашлось. Уже через месяц, сидя в дворовом сортире, Боря задумчиво разглядывал обрывок газеты, заботливо надранной похмельной соседкой:

«Одесский госипподром. 27 мая в два часа дня состоится открытие сезона испытания лошадей. Участвуют в скачках лошади 7 конезаводов. Работает тотализатор». Боря улыбнулся и бережно отложил ценный листик.

Несмотря на то что сданный ипподром третий год подряд не могли довести до ума и убрать остатки строительного мусора, беговые дорожки здесь были одними из лучших в Союзе, да и сезон желающих развлечься и подзаработать в курортный сезон было предостаточно. И это был совсем легальный способ — и гульнуть с барышей, и наварить на собственном тотализаторе.

Папа, спаси

Иван Беззуб-младший начиная лет с тринадцати маялся не пойми от чего. Он сам не понимал причину этой грызущей тоски. Он никак не мог определиться: чего же ему хочется? Какой он? Как будто в нем жили как в коммунальной квартире совсем разные люди. А так и было. Все его и детство, и отрочество у него менялись ориентиры и герои. Сначала мама и бабушка Ира, бабушка, конечно больше. Потом

Хабаровск и строгий, но справедливый Сансаныч и крученная веселая Ксения, потом мама, но уже совсем другая, любящая слепо и безотказно и как-то бестолково, по-детски, без ориентиров и напутствий, и рядом с ней внезапно суровый совершенно другой, не местный Осип. Медленный, молчаливый, но невероятно авторитетный. Ванька метался — на кого же быть похожим, к кому прислониться, и самое обидное, что этот паскудный папаша, вынырнувший из небытия, был ему ближе всего по духу, удали и замашкам. Хотя... кто знает, был ли Вайнштейн его отцом? Ваньку как магнитом тянуло ко всему криминальному, не бандитскому, а скорее, просто к воровскому шику и козырным замашкам. Но как и тогда, в тринадцать, за этими понтами и формой не было ни навыков выживания на улице, ни уверенности.

Январским утром, досдав последний экзамен зимней сессии, Ваня по дороге в экипаж увидел ее, Валечку, первую красавицу Слободки. И конечно, увязался следом, решив познакомиться, и конечно, она согласилась вечером встретиться, потому что курсант высшей мореходки это без пяти минут капитан-китобоец и лучшая партия в Одессе. Юная Валечка не отличалась добрым сердцем или дальновидностью, потому что появление пришлого вечером на Слободке, да еще и на танцах, было чревато длительным отпуском в травматологии местной же городской больнички.

Со своими закрытыми одноэтажными двориками-крепостями с подземными ходами и колодцами Слободка была похлеще Молдаванки. Тут чужим было неповадно гулять и среди бела дня, не то что ночью. А уж крутить с местными девками могли только совершенно отчаянные идиоты.

Но Ваня пришел. Курсант в форме вызвал восторг и зависть всех барышень и такой же неподдельный интерес у слободских. Ему почти сразу намекнули на «выйти-поговорить». Ванька нагло огрызнулся, что ему с ними разговаривать нечего и если они хотят общения, пусть ждут окончания танцев.

Ему дадут провести Валентину почти до двора, а потом окружают:

— Тебе что, слободских пацанов мало? На форму позарилась?

Ванька крикнет Вале: «Беги!», врубит в челюсть самому борзому и рванет с криком: «Сявки слободские!», уводя от девушки возбужденную стаю. Бегал Ванька отлично, а вот слободских полутемных переулков не знал. Его догонят. Ванька, правда, успеет

выхватить главное курсантское оружие — ремень, который носили не в петлях, а просто поверх брюк. Пряжка отскакивала одним движением, край наматывался на ладонь и получался вполне годный для уличного махача кистень с бляхой на конце. Но воспользоваться им он успел всего разок. Не было деда Беззуба с его казацкими навыками, никто из мужчин в его детстве так и не обучил никаким хитростям уличной драки. И когда с разбитыми в лоскуты губами и поплывшим глазом он увидел в руке одного из слободских финку — испугался. Настолько, что рванул вперед на обидчика. И сбил с ног, оба покатались кубарем, пыхтя и пинаясь. Вдруг слободской пискнул и затих — его собственный нож торчал из правого бока.

— Замочили! — заорал кто-то из местных, и Ванька рванул. За ним не бежали.

Он домчится до двора и на адреналине перемахнет через ворота и затарабанит в дверь.

Борька подскочит, достанет трофейный вальтер из-под подушки и крикнет: — Кто?

— Папа, спаси...

Борька метнется к дверям, увидит окровавленного Ваньку.

— Я человека убил, — выдохнет тот.

— Сам живой? — моментально включился Вайнштейн. — Кто видел?

— Много...

— Хватит скулить! — рявкнул. — Чем убил?

— Финкой, его финкой...

— Значит, защищался... Баба?

— Да.

— Знаешь ее? Она тебя?

— Да, Валя Глушак...

Борька покачал головой: — Ну ты и адиёт! Нашел к кому пристать! Здесь сиди. Никому не открывай!

Вайнштейн накинет пальто и кепку и вынырнет в зимнюю ночь. Придет с рассветом. Толкнет спящего Ваньку:

— Вставай, а то в экипаж опоздаешь. Тебе еще губы шить, я с лепилой договорился, по-тихому примет. И переоденься, — бросит свои штаны и куртку.

Он заведет Ваньку в больницу со стороны морга, а потом доведет до экипажа и строго-настрого запретит соваться на Слободку.

— Спасибо, — пробубнит не поднимающий головы Ваня.

— На здоровье, — бросит Борис. — Не ссы, живой тот отморозок, пальто спасло. Ты фартовый — в карман накладной попал, через три слоя финка до печени не дошла. И не смей никому говорить. Ни слова — шел-упал. Нигде не был. В больницу пошел зашивать. И к телке этой не смей соваться. Понял?

Ванька только молча часто кивал.

Вайнштейн развернется и на крейсерской скорости рванет обратно на Слободку. Ему надо было первым добраться до этой дыры и ее родителей.

Следователь, приехавший в больницу, на проникающее ножевое средней тяжести — обычные слободские разборки — устало огрызнется:

— Как вы мне надоели! У вас чуть что — курсанты. Они вам что, в борщ насрали? Не ходите к ним — не нарветесь. Или тебя свои за косяки на перо посадили, а ты теперь выгораживаешь? Знаешь, кто конкретно? Как зовут? Ладно поищем.

Следователь на всякий случай заглянет к Валентине:

— Что там за мореман у тебя нарисовался?

— Я не знаю. В клуб пришел. Потанцевали пару раз. Вызвался проводить, а там хулиганы выскочили — бить его начали, я домой убежала.

— Вот молодец! Настоящая комсомолка.

— Я не комсомолка, — огрызнется Валя, — меня не приняли, я ж в оккупации была в семь лет. Неблагонадежная.

— Поговори мне тут! Как морячка звали?

— Андрюша, — покраснеет Валя. — Фамилию не знаю.

— Факультет?

— Тоже не знаю. Мы про это не успели...

Следователь сплюнул — иди ищи там этого Андрюшу. Через два дня Валечка срочно уедет лечиться от слабых легких в Ялтинский санаторий. И останется в Крыму.

Вайнштейн, сидя в конторе, водил по костяшкам счетов, что-то прикидывая... Быть отцом окажется очень дорогим удовольствием.

Санаторий и подъемные на пару месяцев для этой дуры плюс помощь родителям — круглая, однако вышла сумма...

Служу Советскому Союзу

Вовка Косько по кличке Шнобель однозначно пошел в мамину породу, а точнее — был больше похож на неприкаянного дядю Котю, чем на своего педантичного красивого отца или отчаянно гордую стальную мать. Рос он уличным бурьяном — после смутного смазанного довоенного детства по гарнизонам и поездам он пережил войну и дальше оставался предоставленным самому себе. И улице. Мать работала, часто прикрывая усталостью какое-то равнодушие к детям — и если Нилка не оправдала ее великих надежд и родилась девочкой, то Вовка подзадержался на пару недель и родился позже Анькиного первенца и поэтому тоже не стал воплощением лучшего мужчины на свете — ее отца, Ивана Беззуба. Вовке было все равно. Его не трогали, и он старался не привлекать к себе дополнительного внимания. После трудотерапии на «Январке» у дяди Коти Вовка понял, что не хочет никаких научных высот, и уважаемой рабочей специальности ему вполне хватит. Так в пятнадцать он пойдет в ремесленное училище, которое, помимо хлебной профессии, давало койку в общежитии, форму и обувку. Ну и треть самых толковых уличных корешей оказалась там же.

Как и положено, в восемнадцать Вовке пришла повестка в армию. И он пошел, а так как учился на автослесаря и разбирался в моторах, то чудесным образом был отправлен служить в Группу советских тогда еще официально оккупационных войск в Германию. Вовка был похож на Женю своей отрешенностью по отношению к семье, при том, что строго соблюдал «протокольные семейные традиции» — поэтому ко всем праздникам мать, сестра и племянница получали красивые немецкие открытки с нейтрально-цветочным сюжетом и традиционным пожеланием крепкого здоровья и успехов в светлый день — Рождения, годовщины Октября, Первомая и Нового года. О себе не писал ничего. Нилка хранила все открытки и, получив очередную, расхохоталась:

— Такое чувство, что он купил оптом пачку одинаковых карточек и сразу все подписал, а теперь вставляет только имена и даты.

1953

— Мамочка! Сталин умер! — Рыдающая Полечка бросилась к Нюсе, которая, тяжело дыша, зашла в дом. — По радио передали: Иосиф Виссарионович умер!!

— И что? — пытаюсь отдышаться, Нюся присела на стул у порога, привалив к ноге полную кошелку овощей.

Анечка младшая заплакала:

— Мама, а как же мы теперь жить будем? Как жить теперь без Сталина?

— Как жить?! Ха... — Нюся Голомбиевская только открыла рот, но Полиночка бросилась с ней с выставленными вперед ладонями:

— Не смей! Не смей ничего говорить! Слышишь! Нас посадят! Не смей!

Нюся презрительно посмотрела на дочь:

— Да кому мы нужны! Тем более теперь не посадят. Подох наконец-то!

— Мама, замолчи!

— Ню-ю-ся-я! — орала снизу Ривка. — Ню-юся, ходи до меня! Такие новости! Я к тебе не дойду.

Нюся свесилась с галереи:

— Я не пойду — я только домой дошкрябала, так кричи!

— И шо, я скорбеть и поминать товарища Сталина через балкон буду? Ползи обратно! И закуску захвати!

— А шоб тебе! Тебе лишь бы выпить! Иду уже! — Нюся повернется к дочери и внучке: — Всё! Вы пока тут плачьте, а я до Ривки — скорбеть будем по-стариковски.

— Знаю я ваше «скорбеть»! — поджала губы Полиночка. — Мама, тебя нельзя столько пить. У тебя сахар.

— Ну хоть у кого-то в этом дворе сахара с избытком. Жаль, из него гнать нельзя, — Нюська подмигнет внучке и начнет спуск.

Мадам Голомбиевская переживет генералиссимуса всего на три месяца. По дворовой традиции они пропустят с Ривой и Аськой вечером по стаканчику, обсудят последние хуторские и столичные новости. А утром Нюся не проснется.

— Семьдесят восемь... такая молодая. И смерть хорошая, легкая, и с Фирой там ржете, небось, уже, как кобылы Гедалины... И Гедаля мой... Господи, забери меня к ним... — причитала на похоронах Рива, — одна я осталась...

Седина в бороду

— Ах ты ж кобелина красномордая! Спермацета там, что ли, перенюхался! Ты смотри на него! Гарпун свой сует куда ни попадя! — Анька, с годами раздавшаяся, румяная от жизни на природе и регулярного употребления китового жира, печени и прочих морских деликатесов, поставляемых Осипом с китобоя, орала, как торговка из рыбного ряда. — Я тебе устрою переход через экватор с обеих сторон! Шоб ты от спирта своего подох!

Скандал был грандиозным и всколыхнул всю Восьмую станцию аж до конца Чубаевки. Такой громкости и матросских трехэтажных выражений от культурно-идейной соседки не слышали даже старожилы. Окрестные кобели всех видов — от двуногих до четвероногих — на всякий случай затаились от греха подальше, потому что Анька своим пролетарским гневом явно завела всех баб в округе. Сегодня были просто отголоски на бис для приехавших сестер. Выбирая, как рыбу из сетей, суть конфликта, запутавшуюся в проклятиях на идиш и русском мате, Ксюха с Женей наконец выяснили.

Анькин гражданский муж и редкая тварь Осип Егоров, придя вчера с промысла и выдав подарки, как всегда, без подготовки, нордически коротко и ясно изложил текущую политическую ситуацию.

Молодая учительница с их плавбазы (да какая ж она молодая — перестарок тридцатилетний!) — а на китобойной флотилии с годами появился огромный комплекс по организации быта и досуга моряков — от кинотеатров и библиотеки до вечерней школы для марсовых матросов) — совершенно случайно забеременела от Осипа. Так получилось, потому что девять месяцев одному совсем тяжело. А она, как Анька, такая же культурная (это уже Анька пыталась найти хоть какое оправдание).

А так как официально они с гражданкой Беззуб не женаты, а конфуз уже видно, да и капитан с помполитом ему плешь проели, он теперь женится на этой корабельной...

Аня шипела, как кошка.

— И едут жить они в Крым, потому что она там в рейсах болеет, а в Крыму климат подходящий! Да шоб ты там спекся, падла архангельская! — продолжала бушевать Анька, жалуясь сестрам. — Вы представляете, он мне заявил: ты ж мне ребятенка не родила! А у меня уже внуки должны быть, а сына нет. А еще китобой! Гордость страны! Вы знаете, что он мне на прощание заявил?

— Что? — обреченно поинтересовалась Женя.

— «Ну, не поминай лихом!» Да я тебя помяну и станцюю! И на курву эту в профком порта напишу! И в газету «Труд» тоже!

— А что воняет так? — поморщилась Ксения, которые последние минут десять этого «полета Валькирии» ерзала на стуле и кривилась. — Я надеюсь, это не Егоров?

— В смысле? — оглянулась Женя

— Ну, не его труп так воняет?

— А, это? — Анька деловито махнула рукой. — Это я в него банкой ворвани — китового жира метнула. Весь ковер уделала. А он, гад, увернулся, только обляпался.

— Слушай, — у Ксени загорелись глаза — а давай он тебе отступного даст! Свой участок с домиком!

— Да на кой мне его участок! Нашли огородницу! — Анька действительно наплевательски относилась к дачному участку даже при хозяйственном Осипе. Он только бурьяны косил. А Анька недоумевала: зачем тебе огород? Что, рынка нет? Вот растут вишни, груши и абрикосы — ешь и радуйся, чего на грядках-то стоять?

— Да подожди ты! Он тебе отдаст — а я у тебя куплю. Место больно хорошее, и фундамент каменный готов, а я дальше расстроюсь и с тобой соседкой буду. Будет морально-материальная компенсация.

— Да ну, это ж служебное, — осадил сестру Женя. — Губу-то не раскатывай! Как выдали, так и отберут!

— Не, ну какой подлец! Проморочил мне голову! Семь лет жизни на него потратила! Козлина старая!

— Ну так радуйся, — мрачно прервала ее Женя.

— Чему радоваться?

— Ну как чему? Ну сколько еще ему плавать? Это — во-первых, а во-вторых — долго ли твой козлина кобелиной пробудет? А потом что — спишут его на берег, будет сидеть, гундеть тебе, и ни пользы, ни женской радости. А так — пацана подняли, в вышку засунули. Чего

тебе? Его и так девять месяцев в году не было. Ты бы с ним год день в день прожила — сама бы выгнала.

— Почему?!

— Да с ним же говорить не о чем.

— И то правда, — процедила Анька и добавила мстительно: — Но в газету я все-таки напишу.

— Лучше нарисуй, — подбросила Ксения.

Гарпунер Осип Егоров был не единственным в славной китобойной флотилии, кто воплотил хрестоматийное «седина в бороду — бес в ребро». Через десять лет выйдет убийственная статья в «Комсомольской правде», посвященная легендарному Алексею Николаевичу Солянику, главному организатору советского китобойного промысла, Герою Социалистического Труда и трижды кавалеру ордена Ленина. В статье корреспондент гневно прошелся не только по рабочим моментам, но и по личной жизни Соляника, который взял в рейс свою молодую жену и устроил для нее на палубе персональный бассейн. Флотилия била китов уже значительно выше, ближе к тропикам. А суда, рассчитанные для работы в Антарктике, перегревались. С регулярными тепловыми ударами росло недовольство.

Вторая жена Алексея Николаевича была моложе его сына от первого брака, который пришлось спешно расторгнуть, когда роман пятидесятилетнего китобоя со студенткой Политеха стал достоянием общественности.

Первый после Бога, капитан Соляник имел персональное звание Генерального директора флота рыбной промышленности III ранга, но не смог удержаться в должности, несмотря на авторитет и высоких покровителей, настолько весомым тогда было газетное слово. По легенде, сам Брежнев скажет ему: «Ничего не могу поделать... Ты перегнул. Хамства люди не простят ни тебе, не мне...»

1954

Почти военный

Феня сидела в комнате и рассматривала сыновей. Тося за лето вытянулся и догнал Сережку, который влетел в комнату с вечным вопросом:

— А есть шо пошамать?

— Вон хлеб.

— А сахар можна?

— Нет сахара! — Ее сыновья съедали все. Иногда Фене казалось, что они даже муку подъедают. Она поймала старшего и поставила перед собой:

— Сережка, да стой ты, шоб ты провалился уже, шо ты крутишься! Тоже вымахал! — скорбно объявила она, прикладывая к нему школьные, они же единственные штаны. Самое страшное, что теперь было нужно сразу две школьные формы. Две! Потому что Сережкина позапрошлогодня была мала на обоих.

Феня крутила штаны и чуть не плакала — еще и между ног до дыр протер. Она стегнула штанами Сережку по тощей заднице: — Говорила тысячу раз!! Не носи их на улицу! Лето вон! В трусах ходи!

Она посмотрела на свою юбку... Почти такая же. Ну и что, что черная...

— Значит, между ног вот тут вставим лоскут и снизу притачаем такой кант... — вслух размышляла она...

— Какой кант? — ойкнул Сережка. — Не буду я с таким ходить! Я шо, баба?

— Значит, в трусах в свою школу пойдешь!

— Пусть Тося в этом пойдет, ему канта меньше надо. А мне новую!

— Шо это за тряпка черная на мотне!

— Ластовица новая! Ничего страшного. Не свети своей мотней! Тоже мне тилигент! Стесняется он! Форму ему новую! Да где я тебе столько денег возьму? Я ботинки уже тебе купила. Нет у меня больше денег, — она оглядела комнату, — и продать нечего...

— Мам, я в чем пойду? — вдруг подал голос Толик.

Феня думала всю ночь и всю смену, и всю вторую смену, и дома, вставляя черную латку в старые Серегины штаны. Она выбирала —

кто из сыновей. Серега был шустрым пронырой, как дворовый кот. Вечно побитый, подряпанный, порванный, в свежих и засохших соплях, но веселый. Вечно где-то носился и что-то добывал, подьедал. А Тоська — тихий, чистый ангел. Где оставил, там и нашел. Ковырялся во дворе, приглядывался ко всем мужикам с железяками и инструментами. Но никогда у них не спрашивал, не просил, близко не подходил, как волчонок. И смотрел так же — волком.

Феня подняла голову — Тоська, словно почувствовав ее взгляд, оторвался от щечек и железяк, которые хранил в уголке в коробке, и уставился на мать. Феню обдало холодом — этот квадратный подбородок, этот взгляд исподлобья — вылитый покойный Яков.

Фенино образование заканчивалось тремя классами церковной школы, потом отец забрал — читать-считать выучилась, и довольно. И ей хватало. Тем более, считала она эти проклятые копейки после немцев отлично и поняла, что двоих сыновей не прокормит. А что бывает с теми, кто не ест, она помнила с детства. И решила спасти всех.

— Будешь учиться в специальной школе, — объявит она вечером Толику.

— Какой школе?

— Специальной такой.

— Для дебилов? — захохочет Сережка.

— Да я тебе! — замахнется Феня. — В хорошей школе. Для умных. В интернате.

— Я не хочу в интернат, — прошептал Тося. — Мамочка, не отдавай меня в интернат... Пожалуйста.

Даже Сережка затих и сжался. Феня скривила рот и сморгнула слезы:

— Ну ты что, дурачок, — она погладила Тосю по голове, — это ж не навсегда. Это в школу. Как суворовец будешь учиться, а на каникулы — домой.

— Как суворовец? Военный? — с надеждой спросил Тося.

— Почти. Сначала просто школа, а потом военный...

Сережка сползет со стула:

— А я? Я тоже в военный?

— А ты в школу свою пойдешь! Я вон тебе штаны залатала уже.

Одинокой швее поможет отдел профсоюза работников швейной промышленности.

В августе Толик Верба будет зачислен в школу-интернат с довольствием в 15 копеек в день и выдачей койки, обмундирования и обуви.

Феня вздохнет с облегчением — вроде она не отказалась от сына, а государство помогло ей, бедной вдове, позаботилось о ее ребенке. Вот и все газеты пишут, что скоро такими школами-интернатами охватят весь СССР, чтобы дети росли в достатке, а родители ударно трудились на пользу государства. А товарищ Хрущев плохого нам не сделает.

Школы-интернаты массово откроются через год по всему Союзу. Пока это были пробные шары, первые ласточки глобальной идеи Никиты Сергеевича Хрущева по созданию идеального гражданина. Начали, разумеется, с его любимой Украины. Пятилетние планы подъема страны после войны нужно было выполнять и перевыполнять, а для этого ничто и никто не должен был отвлекать граждан от ударного труда. Школы-интернаты изначально заявлялись как помощь для «фронтовых вдов», хотя все дети погибших на войне уже успели закончить школы. На самом деле это были в основном дети матерей-одинок, которые в послевоенной бедной на мужчин стране стремились просто родить хоть от кого. И рожали, а выкормить было сложно. И если хоть какое скудное питание матери добывали, то на воспитание времени уже не оставалось, и подрастала новая смена, но не рабочая, а уличная, неконтролируемая. Школы-интернаты должны были снять все заботы матерей-одинок по воспитанию и содержанию, и с семи лет все дети получали не только нормальные условия, сколько необходимое идеологическое и трудовое воспитание. И грамоту знали, а не сбегали во дворы, не сбивались в стаи. Родители за это ударно трудились и семейными ценностями не заморачивались. Была даже градация — матери-одиночки могли обучать детей бесплатно, семьи с небольшим доходом оплачивали часть образования и содержания, а полные семьи полностью содержали своего ребенка в интернате. В любом случае, если ребенок сбегал или дебоширил, к ответу призывали не педагогов, а родителей. Переход к «трудовым школам-пансионам» затягивался. Хрущев внятно утвердил главную формулу — «в достатке, но без излишеств» и планировал обучение

сначала с пятого, затем уже с первого класса, а в идеальном мире — просто с рождения до двадцати лет с профориентацией и готовой специальностью под нужды страны на выходе.

Интернаты должны были решить сразу множество глобальных проблем — во-первых, непосещение школ, а ведь тогда и второгодники, и просто те, кто забил на обучение с третьего класса, составляли чуть ли не треть всех детей среднего школьного возраста. Причины были разные — от обычного недосмотра родителей до вопиющей бедности, такой, что в школу было не в чем ходить. Вторая глобальная проблема — криминал, улица растила будущих уголовников, а не рабочий класс. И третья — никто не рвался на заводы и фабрики. Те, кто хоть немного соображал и тянул, мечтал о высшем образовании и «чистой работе», тех, кого растила улица, на ура принимали воровской принцип «работать западло». Интернаты стали бы кузницей дисциплинированной и образованной рабочей силы.

Толик Верба идеально вписывался в формат интернатов: мать — вдова милиционера, денег на содержание нет. Правда, питание на пятнадцать копеек в день трудно было назвать достатком. Зато материальное обеспечение воспитанника интерната (не путать с детским домом! В интернате у всех был хоть один родитель) выписывалось невиданно щедрое — одно зимнее пальто со сроком носки три года, одно пальто демисезонное, один шерстяной и три хлопчатобумажных костюма / платья, две рубашки (для мальчиков), два школьных фартука (для девочек), три полных смены нижнего белья (включая лифчики для девочек), теплые зимние шапки и летние панамы, зимние варежки / перчатки, рейтузы, свитера, чулки, носки, по одной паре ботинок, домашних тапочек, галош и валенок, три полных комплекта постельного белья и полотенце, летнее и зимнее одеяла, перьевые подушки и покрывало... О такой роскоши Феня и мечтать не могла.

1955

Учитель

Во втором классе в школу-интернат пришел новый учитель рисования и черчения Николай Григорьевич Нашилов. В идеально скроенном костюме, наглаженной рубашке и пижонском фиолетовом галстуке.

— Вот еще! — хихикнул кто-то из пацанов. — А зачем мне на заводе ваше рисование? Я шо вам, буржуй? — Класс залился счастливым хохотом.

А смешной учитель вдруг рявкнул: — А ну молчать, холеры!

Все замерли. Он продолжил:

— Рисование и черчение — самые важные предметы. Если вы на заводе будете работать без твердой руки, без понимания, как выглядит деталь, что с ней происходит, вы ни черта не поймете и не выточите. Вы должны уметь видеть вещь сверху, сбоку, снизу, сразу, даже если ее нет в комнате. Хотите?

Класс неуверенно протянул: — Да, хотим...

— А у меня таланта нет — я даже пишу плохо, — отозвался с галерки Толик.

— Врешь ты все, зараза, — с запалом ответил учитель и подскочил к нему. — Захочешь — будешь великим художником, захочешь — лучшим инженером в СССР!

— Да прям-таки, Тося — художник! — заржали все.

— Если будет делать всё, что я скажу, станет. И любой из вас, кто захочет, станет. Есть одно правило — слушать и делать всё, что я скажу. И тогда я гарантирую...

— А если нет?

— А если ты все будешь делать три месяца каждый день и ничего не получится — я мел съем. Весь, что на доске и в той коробке.

Толик недоверчиво посмотрел на Нашилова.

— Пospорим, Анатолий? — с вызовом выдал странный учитель.

— А с меня что, если проиграю?

— Если за три месяца научишься красиво писать и рисовать, то — отличные оценки по всем остальным предметам. По рукам? Только честно выполняешь, что скажу. Слово держать умеешь?

— Я за базар отвечаю, — выдал восьмилетний Верба.

— Ну если без воровского арго никак — то принято. Смотри, не проотвечайся.

И соревнование «двух упертых баранов» началось. Сначала Тося старался доказать, что не может, потом его взяло зло — и он решил доказать, что сможет, и к концу месяца вдруг обнаружил, что ему нравится.

— Понимаете, — подливал масла в огонь этот чудак в фиолетовом галстуке, — человек может все. А рисовать — это просто знать законы переноса того, что видите, на бумагу — объем в плоскость.

Он объяснял очень много и очень доходчиво, и несмотря на то что требовал абсолютной тишины и чистоты, его, такого странного и фанатично увлеченного обоими предметами, полюбили все интернатские.

— Смиттё! — обращался он классу. — Вы пока все смиттё, но каждый может стать человеком.

Он гневно поворачивался к двери: — Это кто натоптал? Вы что, тряпки не видели? Ноги не могли протереть?

По следам он сразу вычислял нарушителя.

— Возьмите-ка, друг мой, венецианскую кисть, — объявил он как-то раз соседу Толика по парте.

— Где это? — оробел конопатый Леха.

— Это там, в углу. Возьмите венецианскую кисть — и убирайте!

— Швабру, что ли? — догадался Леха.

— Ее, родимую. И ноги вытрите.

К концу второго месяца стало ясно — Тося проиграл и научился рисовать лучше всех в классе. Это чудо настолько его потрясло, что пришлось выполнять вторую часть уговора — получить пятерки по всем остальным предметам.

Как в романе

Роман-дилогию «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» после запрета в сорок восьмом снова переиздали. Но и до этого первый тираж в семьдесят пять тысяч экземпляров, изданный в двадцать девятом году, все еще гулял по рукам одесситов. И только Боря, после

всех своих походов, лишь сейчас ознакомился с классикой одесской литературы.

Дочитав первую часть, он скрипнул зубами и отшвырнул книжку — форменное издевательство. Такое чувство, что «Двенадцать стульев» эти зубоскалы писали по мотивам Борькиных злоключений. Он опять вспомнил самую неприятную из всех историй, которые случились с ним в первый год после возвращения. Мало того, что обе бабы отказали и сын отвернулся, так еще и тайная надежда, и обеспеченная старость были утеряны самым бездарным способом.

Еще с ранней юности Боря знал о семейном запасе «на черный день». Из его комнаты, ведущей в катакомбы, почти сразу у двери, буквально под рукой, в ракушняке была выпилена и тщательно закрыта «схованка» с небольшим кожаным кисетом, в котором лежал бархатный мешочек. Ерундовый, меньше ладони. С камнями на черный день. Никто так близко бы и искать не стал. Папаша знал толк в конспирации. И мысль о том, что приличная финансовая подушка дожидается Борю в таком близком, но по-прежнему недостижимом родном доме, подстегивала и приятные мечты, и охотничий азарт. В конторе он любил в затяжной обеденный перерыв заняться разработкой схем попадания в свою берлогу. Понятное дело, что за столько лет лаз в комнате давно обнаружили и, скорее всего, заложили. И как ты его вскроешь? И с другой стороны не подобраться — на углу их дома, где раньше была рюмочная, теперь, как насмешка над Вайнштейном, расположилась юридическая консультация. А в самой квартире уже лет двадцать жила семья партийного работника Ижикевича.

И тут Борю осенило! Ну не идиот? Зачем же ему пхаться через квартиру, когда можно пройти через катакомбу! Он не очень точно, но все-таки помнил, куда выводил прорубленный первыми одесскими каменотесами ход. На воспоминания, экипировку, сборы, обследования — где выход, не заложили ли его? — Вайнштейн потратит полгода, наконец заполнив свой досуг чем-то покруче ипподромовского тотализатора. И вот дойдет, оказавшись буквально за стеной своей квартиры. Он боялся дышать, потому что уже не самое юное и здоровое его сердце предательски громко стучало, он был весь в липком адреналиновом поту и, как ему казалось, вонял так, что его могли почуять сквозь тонкую перегородку, которой закрыли лаз. Борис

тихонько присел, дождался, пока Ася Ижикевич закончить орать на сына, потом ругать мишигинера — мужа, который выпил ее кровь и закусил ее молодостью и теперь опять опаздывает в свою дурацкую контору. А после хлопнула дверь, и Ася, зарядив своих мужчин перед работой, наконец заткнулась. Он слышал ее тихое удовлетворенное то ли пение, то ли мурлыканье в такт патефону где-то в стороне. Боря провел рукой по кладке, качнул заветный камень и вытащил его — тот поддался на удивление легко. Вайнштейн осторожно запустил пальцы в темный сырой прямоугольный лаз. Ничего. Он обвезил ладонью все стенки, поднял лампу — пусто! Борис плюнул и ругнулся, и осекся, чтобы не услышали за стенкой. Искать вора было бесполезно — во-первых, по катакомбам всякие засохшие следы жизнедеятельности и пара боковых обвалов — вполне могли партизаны шариться и на этот ход нарваться или кто-то из отцовских корешей, кто приходил и уходил этим ходом, он же, Борис, выжил тогда, может, еще кому удалось... И с обратной стороны, из квартиры, возможно, какой-то везучий или просто шибко толковый чекист нашел, или того же батю перед тем, как расстрелять, допросили с таким пристрастием, что сдашь не только бриллианты...

Вайнштейн, как уже упоминалось, тогда еще не читал Ильфа и Петрова. И вот сейчас, закончив последнюю страницу и запустив книгой в дверь, он начал догадываться, куда делись его сокровища.

Еще два дня в городской библиотеке — и он найдет ответ. Все было точно, как у этих поганцев-авторов. И кто скажет, что это выдумка?

Газета «Большевистское знамя» в сорок четвертом чуть ли не ежедневно с восторгом рапортовала о связи руководства страны с самыми сознательными одесситами, сдающими личные средства в Фонд обороны СССР. С начала войны, а точнее с 31 июля сорок первого граждане стали сдавать деньги и материальные ценности. К инициативе подключились звезды первой величины — Сергей Рахманинов перевел в фонд на нужды Красной армии весь гонорар за несколько концертов в США, Шолохов отдал полученную Сталинскую премию в сто тысяч рублей, а дальше понеслось — Маршак с Сергеем Михалковым и братьями Кукрыниксами за свои деньги купили... танк. Русская православная церковь во главе с Патриархами Московскими и всея Руси Сергием и Алексием I собрала пожертвований на 300

миллионов рублей и на эти деньги построили танковую колонну и авиаэскадрилью с именами Дмитрия Донского и Александра Невского. Помогали представители и других христианских конфессий, несколько раввинов и муфтиев.

Но эффективнее всех выступил одиозный менталист и главный советский «ясновидящий» Вольфганг Мессинг, который за свои средства просто приобрел истребитель Як-7 и подарил легендарному летчику Ковалеву с дарственной надписью на борту: «Подарок от советского патриота В. Г. Мессинга Герою Советского Союза летчику Балтики К. Ф. Ковалеву».

Не оставались в стороне трудовые коллективы и рядовые граждане, которые сдавали и деньги, и ценности на великую победу. Массовый сбор средств в Фонд обороны и Фонд Красной армии принес больше семнадцати миллиардов рублей наличными, 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра и еще почти на два миллиарда драгоценностей. За эти деньги было построено больше двух с половиной тысяч боевых самолетов, несколько тысяч танков, восемь подводных лодок и шестнадцать различных военных катеров.

Общий энтузиазм и отчеты по приходу средств не просто регулярно публиковались в газетах. Каждый! Каждый, кто сдал ценности в Фонд обороны, получал приветственную телеграмму «лично» от Иосифа Виссарионовича Сталина с благодарностью за помощь. О каждой телеграмме сообщали в новостях.

Борька морщился и листал библиотечную подшивку — Одессу заняли в октябре сорок первого, значит, после октября быть не может — нужны только газеты после апреля сорок четвертого. И он найдет. Между Рувимом Марковичем Гореликом из Колодезного переуллка, внесшим в Фонд обороны десять тысяч рублей, и работницами завода «Пионер», нашедшими при очистке территории завода серебряную сумку 84 пробы и золотое кольцо 56 пробы с ценным камнем. Крошечная новость гласила: «Мальчик, переживший все тяготы войны, отдал найденные им ценности классового врага в размере двадцати тысяч рублей в Фонд обороны и принял следующую телеграмму: «Одесса, ул. Моисеенко, 8, Ижикевичу Сергею

Прими мой привет и благодарность Красной армии, Сережа, за твою заботу о Красной армии.

И. В. Сталин. 17 мая 1944 года».

Листок подшитой газеты предательски трясся в Борькиной руке:

— Какие двадцать тысяч? Суки... там было бриллиантов на четыре миллиона!

Вайнштейна не утешало ни то, что подобный случай благодаря писателям вошел в историю еще до его горя, ни то, что Ася Ижикевич, принявшая телеграмму от товарища Сталина, била потом Сережку смертным боем так, что супруг, которому тоже досталось, еле оттащил...

Была не за помощь фронту, а за беспросветную глупость — хоть бы один камешек матери оставил, адиёт!

«Артек»

Всех учеников ЭНГэ (как окрестили Николая Григорьевича интернатские) делил на две категории — «смиттё» и «гении». Вторых были считанные единицы, и это была высшая похвала.

— Толик Верба, иди к доске, повернись к классу, — торжественно объявил Нашилов и, открыв папку, с театральными паузами, осматривая класс, прочел:

— «За отличные оценки и активное участие в общественной жизни школы-интерната ученик третьего класса Анатолий Верба награждается... путевкой во Всесоюзной санаторный пионерский лагерь «Артек» имени Молотова»!

Класс охнул и загудел.

— Тишина! — объявил Нашилов. — Учитесь, смиттё! Тот, кто трудится каждый день, всегда получает заслуженную награду. Мы тебя соберем.

От ночной «темной» — иначе все свои эмоции и удушающую зависть кореша высказать не могли — Тосю спас его угрюмый характер и отчаянное свинцовое упорство, которое он проявлял не только в учебе. Вечером он вылез на свою тумбочку и показал всем заточенную, а точнее стертую о камень до состояния бритвы ложку.

— Полезете ночью — зарезу первого, кто сунется, — сообщил.

— Да ты что? Мы что, суки? — крикнул кто-то из одноклассников.

— Я предупредил.

Тося плохо помнил дорогу — он ехал в плацкартном вагоне, с открытым ртом глядя в окно. Он был в поезде впервые. Этот богатый чай в металлическом подстаканнике, да еще и с сахаром, белая постель... Он, как и прежде, нелюдимо и односложно отвечал на вопросы любопытных теток, но исподтишка подсматривал за произведенным эффектом:

— Интернатский. В «Артек» еду.

Самый знаменитый пионерский лагерь СССР и визитная карточка пионерской организации страны работал еще с 1925 года и сначала был лагерем-санаторием для туберкулезных детей. В тридцать седьмом он уже функционировал круглый год, имея на своей территории и каменные дома, и полноценную школу. Международным он официально станет через пару лет, а пока только небольшие группки детей из Чехии и коммунистов, участников Сопротивления, попадали во всесоюзную здравницу. Но для всех советских школьников от сиротских домов до самых престижных школ это была недостижимая мечта. Разумеется, на лучшие летние смены попадали в основном дети номенклатурных работников со всего Союза или уж совсем выдающиеся таланты. Тосе крупно повезло — его происхождение и нищенское положение стали главными козырями для сумасшедшего учителя, который взял измором областной отдел народного образования систематическими визитами. Он всегда действовал так, как учил детей, и был уверен: «Любая система всегда лучше разового блестящего выхода». И каждый день заносил и регистрировал письма с указанием необходимости поощрения будущего рабочего класса и недопустимости перегибов. Он был таким бесконечно нудным, что через двадцать дней приема по записи и официальных ответов цель оправдала средства, и путевка для его любимой светлой головы была получена.

В «Артеке» от увиденной роскоши и небывалого разнообразного досуга Тося вдруг разговорился, да еще и как!

Четко исполняя, к радости вожатых, все пункты режима, выходя первым на зарядку, застилая по-армейски (интернатская школа) постель в идеально ровную поверхность, участвуя во всех отрядных заданиях и засиживаясь в кружке по рисованию, Тося успел еще многое. Например, обнести все соседские сады и бесхозные

персиковые деревья, поделиться с новым товарищами правилами жизни на Молдаванке и другими навыками дворовой культуры.

Его самым любимым местом в «Артеке» стала столовая. Здесь, в лучшем пионерлагере Союза на питание каждого ребенка выделялось полтора рубля в день, а в Тосином интернате — пятнадцать копеек. Количество и качество еды соответствовало финансированию.

Тося залетал в столовую первым и быстро инспектировал расставленные тарелки, выбирая самую большую «пайку», а когда заходили остальные — быстро тыкал пальцами еще в парочку. Поначалу тепличные дети из семей партийного руководства брезговали и не ели. Да и пятиразовое питание помогало восполнить пробелы в порциях. А через неделю жертвы стали демонстративно выхватывать помеченные тарелки. Но волчонок, выросший между улицей и коммуналкой, даже не думал уступать и на обеде, доев свой суп, он просто смачно харкнул в две ближайшие тарелки — сына первого секретаря горкома Винницы и отпрыска директора киевского военторга. А потом под рвотные позывы своих товарищей по отряду с удовольствием съел все трофеи.

После суровых интернатских будней на курорте он быстро возглавил свою комнату и стал, как написали бы в характеристике лет через двадцать, «неформальным лидером». Поймать его не удалось, несмотря на ябед. Да и Тосина дворовая муштра, а особенно наказания за проигрыши помогала их отряду выигрывать все эстафеты и спортивные конкурсы.

После прощального костра и обмена галстуками и адресами Тося увозил из «Артека» плюс десять килограмм живого веса, а его «тепличные» товарищи возвращались нормальными правильными пацанами, которые сморкались в сторону без платков, плевали на дальность и свистели в два пальца. Но главное сокровище было нематериальным. Тося обогатил их словарный запас золотыми россыпями зэковской фени и трехэтажными матерными оборотами.

1956

«Белая акация»

Нила примчалась домой счастливая:

— Мама, мама! Мне в профкоме выделили два билета на «Белую акацию»! Это же оперетта про китобоев! Музыка Дунаевского! Два билета! Ты пойдешь? Это тридцатого января!

— Сходим, — отозвалась Женя. — А что, больше не с кем?

— Я с тобой хотела. Порадовать. Это же премьера! Все обсуждают, говорят, будет что-то невероятное. Ты же любишь...

— Я? Это ты любишь. Но пойдем. Посмотрим.

В фойе театра они встретятся с главной семейной театралкой — Лидией Ивановной и ее вечно виноватым Николенькой за спиной.

— Как пудель с поноской, — резюмирует Женька, глядя на Николеньку с Лидкиной шубой, переброшенной через руку, и ее же театральным ридикулем. Давнишним, но все еще шикарным.

— Вы куда? На галерку? — уточнит Лидочка. — А мы там, в партере в седьмом ряду. Увы, связи уже не те, ближе не получилось.

Зато ближе получилось у Ильинских — Ксения с Сансанычем заплыла в зал и, повернувшись из третьего ряда, развернулась, чтобы ее было видно остальным, и помахала Лиде рукой.

— Ксаночка, ну зачем ты ее дразнишь, — погладил обтянутое модным зеленым панбрахатом бедро жены Ильинский. — Тебя невозможно не заметить. Не знаю, как оперетта, а твоего платья с этим, — он тронул рукой крупную затейливую брошь в форме обезьянки с рубиновым мячиком, — точно на две недели разговоров хватит.

«Белая акация» в Одессе моментально стала триумфальной, несмотря на робкие попытки критиков рассказать про драматургическую рыхлость сюжета и некоторых схематичных персонажей. Оперетту сделали такой яркой актеры со своими талантами и голосами. Евгении Дембской, игравшей легкомысленную вертихвостку Ларису, даже поставили на вид, что она слишком искренне признается в любви и не выглядит отрицательным персонажем. Да и как не признаться в любви капитану-китобою?

Спектакль любили не только зрители, но и актеры, уже летом гастролирующие с «Белой акацией» по всему Союзу.

Ну а женщины семьи Беззуб, удивительным образом собравшись в театре, после спектакля поехали в гости к Ксене.

— Без вариантов, — заявила она, — автомобиль есть только у меня.

Нилка увильнула от приглашения, потому что знала, что сейчас начнется.

Собравшись вместе, сестры тренировались друг на друге в остроумии и ехидстве. Начала, конечно, Лидка, которую раздосадовали Ксенины билетно-торговые связи. Она намекнула, что чуть ли не стояла у колыбели оперетты, потому что когда в июле пятьдесят четвертого Исаак Осипович (ну ты же помнишь его, Николенька, такой длинный, интеллигентный), Исаак Осипович Дунаевский, земля ему пухом, умер, совсем чуть-чуть не дописав... Она прижала платочек к совершенно сухим глазам.

— Так вот Дунаевский вместе с авторами либретто гулял по Одессе в цветущих акациях и обдумывал сюжет для совершенно новой советской оперетты, зашли к нам, проведать. И даже моим двором вдохновились. Видели? Это же его прописали в начале.

— А в газете писали, что это двор на Приморской, — оторвалась от чайной чашки Женя.

— А что за сценаристы? Не слышала о них, — Ксения пыталась поддержать беседу.

— Да ты что, — довольно хмыкнула Лидка. — Это же они написали сценарий «Веселых ребят» а потом, — она понизила голос почти до шепота, — потом их того... на три года без права проживания кышнули из Москвы. А после войны вернули. Но из титров тогда сразу убрали. Сильно языкатая пара доигралась со своими фельетонами. Но мне в целом понравилось, хотя почему нормальное женское желание Ларисы красиво одеваться подается чуть ли не как смертный грех!

— А на Лариску не ты их случайно вдохновила? — хихикнула Ксения.

— Да что Лариска! Это ж практически про Аньку с ее Осипом. Анька — чистая Тоська-патриотка, — отозвалась Женя.

— Ага, продолжение оперетты — «Опавшая акация» или «Ушла любовь, завяли помидоры», — вдруг подал голос Николенька.

— Николай! — стукнула ладонью по столу Лидка, а сестры расхохотались.

— Ой, девочки, — обходя всех с бутылкой наливки, вздохнул Сансаныч, — как страшно вам на язык попасть. Все косточки перемоете.

— И обглодаем, — прижалась к его руке Ксения.

Не прощу

Евгения Ивановна вышла из стоматологии. День был пасмурный, влажный. Ее подкрашенные басмой такие же густые, как в юности, но еще более черные кудри завивались мелким бесом.

— Черная овца, — хмыкнула она, бросив взгляд в витрину. Она протиснулась в трамвай и остановилась в центре, прижав к груди сумку.

Кто-то накрыл ее пальцы горячей ладонью, но не убрал руку, а слегка сжал.

Женя, приподняв еще выше наведенную урзолом навеки изумленную бровь, медленно оглянулась:

— И шо, кому-то тесно? Сейчас будет мало места...

Сзади нее стоял Петька. Живой. В дорогом плаще и надвинутой на глаза шляпе. Несмотря на морщинки и поплывшие щеки, глаза были такими же водянисто-прозрачными и колючими.

— Пе... — осеклась она.

Петька чуть сильнее сдавил руку и шепнул в шею:

— Тихо. Просто выходи на следующей. Не оглядывайся.

Бледная как простыня Женя, заливаясь потом под нейлоновым плащом, с трудом переставляя ватные ноги, шла в Нижний садик, бывшие Дашковские дачи, в дальний угол, туда, где-то когда-то девчонкой целовалась с Петей. Она рухнула на скамейку и оглянулась — никого. Сердце колотилось, выпрыгивая из горла. Голову сдавило до рвоты. Женька трясущимися руками достала из сумки беломорину и закурила.

— С ума сошла. Маразм начинается, — прошептала она и жадно затаилась.

Беззвучно со стороны газона подошел и присел он. Совершенно живой и здоровый ее пропавший без вести четырнадцать лет назад муж.

— Ну привет... — Петька неловко улыбнулся. — Ты такой же стойкий оловянный солдатик. Я боялся — в обморок грохнешься.

— Боялся бы — в трамвае не подошел, — фыркнула Женя.

— Вообще не изменилась.

— Ага... А то я в зеркале себя не вижу... А как? Как? Петя? Ты как? Ты живой? Как ты выжил? — Женька осторожно коснулась его руки и поняла, как набухают, наливаются не заплаканным глаза, — Жи-и-и-вой...

— Задание... — выдохнул Петька. — Я был на задании...

— Задание? — Женька сморгнула. — Ты знал?

Петька молчал.

— Ты знал в сорок первом? Ты... ты знал и молчал?!

— Я не мог. Я и здесь не должен быть... я до сих на работе... в Германии.

Женька уже пришла в себя. Отшвырнув смятую в пальцах папиросину, потянулась за следующей, прикурила. Молчание было тяжелым, влажным и крохким, как старый ракушняк мельницких дворов. Наконец не выдержала:

— Да, конечно... я понимаю... Ты не мог иначе... А здесь какими судьбами?

— Вольница. Появилась возможность — первая, и я приехал.

— Насовсем?

— Нет. Завтра уеду. Я и так все протоколы нарушил.

— Детей хочешь увидеть?

— Я уже видел. Я три дня в Одессе. Брожу тут... неподалеку... У мамы был... на кладбище... Спасибо тебе...

— Да я при чем? М-м, а внучку свою?

— Людочку? Да, чудесная девочка.

— Ну да, ну да... забыла, кто ты у нас. Точнее, у них...

— Ну что ты... Ты такая же красивая. И дерзкая.

— А ты такой же болван... Ну зачем ты приехал?! Зачем?...

— Я не мог. Я об этом думал все четырнадцать лет. Представлял. Потом уже и представить не мог... Просто жил. Держался за надежду. За ту фразу свою на вокзале: «Не в последний раз...»

— Я так ждала... я всегда знала, что ты живой, что ты не можешь уми... уйти... Петя...

Женька резко развернулась к нему и уставилась в глаза:

— Петр Иванович, а-а... семья у тебя там... там есть?

— Есть, — просто ответил Петька. — Жена и сын. Так было положено.

— Все понятно. — Женька отшвырнула папиросу. Встала и отряхнула плащ. — Всего доброго, товарищ Косько. Спасибо за официальный визит.

— Женя... Женя, ну как ты не понимаешь? Я не мог иначе! Просто не мог! Это приказ! Это Родина. Прости, я нарушил обещание. Но не по своей воле. Я ваши жизни защищал. Я...

— Наши жизни?! Наши?! — задохнулась Женька. — Я из Одессы не уехала! Жена чекиста! Ты понимаешь, что меня чудом не расстреляли. Как еврейку! Или ты не в курсе? А что дочь твою чуть не изнасиловали? Про себя я вообще молчу! А что мы жрали в оккупации? И за что добывали эту еду? Не докладывали тебе товарищи?! А как пенсию на пропавшего без вести я выгрызала по всем конторам, чтобы детей и мать твою прокормить?! Кого ты защищал? Свою шкуру? Да тебе просто нравилась твоя жизнь!

— Неправда, — выдохнул Петька, — неправда, но я тебя понимаю. — Он не мигая уставился куда-то за деревья своим прозрачным виноградным взглядом, медленно процедил: — Всегда боялся, что ты не сможешь принять... понять.

— А я не понимаю! Война закончилась одиннадцать лет назад. Одиннадцать! И за одиннадцать лет ты не смог никак намекнуть, что жив? Я не верю, Косько. Просто не верю, что за столько лет у тебя не было ни единой возможности. Скучаешь? Возможно. Но мы так — отработанный материал, зола. Продолжай скучать с другой семьей!

— За плинтусом в нашей спальне есть гильза. В ней координаты — там схрон довоенный в катакомбе. Найдешь, там хватит на тебя и на детей.

— Мне ничего от тебя не надо.

Петька рывком прижал Женю к себе и прислонился лбом к ее щеке. Она окаменела и сцепила губы, не отвечая, не обмякая, не реагируя. Отвела голову в сторону.

— Прости...

— Нет. Не прощу. Никогда.

Евгения Ивановна Косько с идеально прямой спиной и задраным, как в отрочестве, носом уходила по алее сквера Гамова.

Она дойдет до дома, оглохнувшая, невидящая. Зайдет в свою комнату и запрется на ключ.

— Не стучать! У меня голова раскалывается — ужинать не буду! — Она с силой потянет за палец — распухший узел сустава не даст стянуть проклятую обручальную паровозную гайку. За эти сорок лет она сняла ее только в первые роды — по народным приметам, иначе было бы трудно родить. С Вовкой она в такую дремучую ересь уже не верила. Кольцо вертелось, но не снималось. Женька всхлипнет и зажмет рот рукой. Тщательно обслюнявит безымянный палец, обдирая кожу до ссадин, стащит гайку. А потом залезет на подоконник, откроет неудобную форточку в правом углу креста оконной рамы и метнет ее в густые сумерки Михайловской.

Ночью она вытащит из семейного альбома все Петькины и их общие фотографии, аккуратно мелко порвет и медленно, по частям сожжет в пепельнице, проконтролировав, чтобы ни клочка не осталось.

Ни за завтраком, ни вечером никто и не заметит пропажи.

Павлин

Нила после развода с Канавским устроилась на одесский завод пищевых концентратов. И от дома не так далеко, как Кодыма, и всегда худо-бедно, но при харчах — и кофе, и каши, и сухой суп в брикетах. Уже с голоду не помрешь. Каждый день она выбегала из дома под веселое треньканье трамвая, который проходил точно по Мельницкой. Нилку с ее улыбкой — «Как наше ничего? Приветствую лучших вагоновожатых Одессы!» — запомнили быстро. И теперь ей не надо было бежать на остановку на Алексеевскую площадь. Потому что уже через неделю после ее выхода на работу трамвай притормаживал напротив восьмого номера. А если она опаздывала, еще и нетерпеливо звонил. Как она умудрилась очаровать суровых вагоновожатых не «отвлекая водителя во время движения», одной фразой, одной утренней улыбкой, — загадка. Нила умудрялась найти общий язык с любым человеком в течение пяти минут после встречи взглядами. С любой торговкой на рынке, злым водителем, который запутался в бестолковых накладных, с любым матюкливым мастером или утомленным жизнью грузчиком. Всегда с какими-то шуточками и

добрыми словами. И под ее обаянием растаяли даже одесские трамваи. Ей в наследство досталась Фирина птичья легкость и любовь.

— Да что же это такое! — изредка возмущались случайные пассажиры, когда трамвай, проехав метров триста от остановки, тормозил посреди маршрута и открывал переднюю дверь для какой-то вертихвостки.

— Тихо мне там будьте! — рывкала крупная вагоновожатая. — А то высажу-на!

И Нилка, прижав к груди сумку, запрыгивала в вагон. Жизнь налаживалась, можно было дышать полной грудью. Вот опять цены снизили в магазинах, кино показывают, почти напротив их завода к литейным цехам достраивают новые заводские корпуса. Ее все радовало ну или веселило.

После родов наконец ушла эта проклятая худоба, и Нила стала «на человека похожа» — как объяснили ей Ася с Ривой. Потому что «женщина без живота — как корова без хвоста». Теперь «глистой в обмороке» во дворе осталась только Полиночка.

Нила так и порхала в трамвай день за днем. Пока на торжественном собрании в честь тридцать девятой годовщины Октября не увидела его. Рядом с актовым залом стоял сам... Павел Кадочников. Самый популярный актер советского кинематографа, сыгравший в «Подвиге разведчика» и в «Повести о настоящем человеке». На его «Маресьева» она ходила смотреть двенадцать раз. Он был такой красивый, что Нила остановилась и просто вытаращилась.

— Ты чего замерла? — толкнула ее напарница.

— Смотри, Кадочников! — Нила, смеясь, ткнула пальцем в красавца, который, как нарочно, откинул со лба длинный волнистый чуб.

— Это ж Пава Собаев.

— Какой Пава?

— Ну его все так называют — Павел. Сергеевич, кажется. Наладчик на фасовке. Чистый павлин. Воображает о себе невесть что. Ты даже не смотри. Эта гнида поматросит и бросит. У него дольше недели никто не задерживался.

Нила все равно украдкой посматривала на этого павлина. Господи, до чего красивый, как в кино.

Почему Пава понравился Нилке, было совершенно очевидно. Бабы к нему липли лет с пятнадцати. Его демоническая красота — томный взгляд с поволокой, темный черешневый рот, густые блестящие кудри — однажды спасла ему жизнь. Собаев попал на фронт только в сорок четвертом семнадцатилетним и в первом же бою был легко ранен и сильно контужен. В госпитале полевой врач, хирург, тертая, жесткая тетка слегка за тридцать, увидела его и поплыла. — Нельзя, невозможно, чтобы такая красота погибла! — приговаривала она, осматривая сначала рану, а потом и всего Павлика в своем кабинете. — Я не знаю, кто тебя таким создал, — родители, природа, но такое чудо я от войны и смерти уберегу любой ценой.

Она продержит милого Павочку в госпитале почти полгода под разными поводами. Он будет честно рассчитывать на природу.

И если Котья женщин искренне любил без разбора, то Павел Собаев, единственный поздний ребенок, будет просто позволять себя обожать и так же просто и безжалостно прекращать отношения, когда они начинали его утомлять. А после появления на экранах Кадочникова ему вообще проходу не давали.

Чего он запал на эту учетчицу, было вообще непонятно. Ну симпатичная, но не такой магнетически-яркой внешностью, как у него, а скорее, классически правильными тонкими чертами лица, спокойной неброской красотой. Ну смешливая. Но не было в ней ни темного, не волнующе-запретного. А потом он понял: Нилка была как воздушный шарик — радостно-легкая. И заряжала этой легкостью всех, кто с ней общался. Такая душа нараспашку. Ну влюбилась в него, и ладно. Таких влюбленных тут половина. Но чтобы он не мог оторваться уже месяц, такого не было. Он каждый раз прислушивался к себе и понимал, что снова хочет ее. И не только иметь, но и быть рядом. Да так, что предложит жить вместе.

Нила была действительно воздушным шариком — помимо беспричинной детской радости, которую она вызывала в людях, она так же легко парила по жизни, и казалось, любые удары судьбы не причиняли ей вреда — она просто выскользывала из-под них и поднималась, отскакивала без малейших видимых повреждений. И этой легкости, этого воздуха Паве очень не хватало.

Только комнату семейную им не дадут. Потому что по документам — как он смущенно буркнет: «чисто по документам» — он был женат.

Нилочка вздрогнула, сжалась и испуганно спросила:

— Ты ее любишь?

— Нет конечно. Да мы и не живем вместе давно.

Пава и правда жил в заводском общежитии с двумя соседями по комнате последние полгода точно.

— А детки у тебя есть?

— Сын, — неохотно отвечал Пава, — ну и что? У тебя вон дочь есть, и что из этого?

Ольга Николаевна Собаева с сыном проживала рядом с Одессой, в Малой Долине. И да, первая страсть и очарование Павой у нее прошли еще пару лет назад. Но, во-первых, как пацану без отца? Во-вторых, она и так содержала этого тунеядца с сорок восьмого по пятидесятый, пока он наконец перестал искать себя и не соизволил пойти работать. А уйдет совсем — кто ей деньгами помогать будет? Или зря она, что ли, все время уговаривала Павку не сдерживаться, пока не залетела, чтобы заполучить его в официальные мужья, чтоб дитё красивое было. Вот дура-то! Сокровище оказалось контуженным на всю голову. Да еще и при любой затяжной пьянке (а уходил он в запой при первом стрессе или неудаче) впадал в приступы дикой ревности или кидался на невидимых врагов и чуть ли «белочку» не ловил.

Ольга закрывала глаза на то, что семьей они не живут, да и многочисленные похождения этого ходока ее мало трогали. Но когда он пришел собрать вещи и сообщить, что ему надо развестись и быстро, Ольга взбесилась. И по старому доброму женскому принципу «так не доставайся же ты никому» поехала в профком завода и лично заглянуть в глаза «разлучнице».

Скандал разразился знатный. Нилка наслушалась проклятий по самые уши и, дождавшись, когда поток праведного гнева иссякнет, сказала:

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Я со всем согласна.

— И шо? — ошарашенно спросит Ольга.

— Вот и я спрашиваю: И шо теперь? — подмигнула ей Нилка. Она так любила Паву, что общественное мнение отлетало от нее как от стенки. Павлик получит развод, обязуется выплачивать алименты и точно перед Новым годом они с Нилкой поженятся. Но с консервного

придется уйти обоим, чтобы не портить показатели по моральному облику и не бесить барышень своим счастьем. Собаевы за руку просто перейдут через дорогу — на завод строительно-отделочных машин. Павку возьмут сразу — на заводе к литейным цехам пристраивали новые корпуса, и рук, особенно умелых, не хватало, а у Нилки в отделе кадров вдруг спросят: — А почерк у тебя хороший?

Она рассмеется:

— Каллиграфический.

— А может, к нам? Младшим инспектором по кадрам?

Нила уже еле сдерживала смех — ее «ушли» с завода, чтобы не разлагала кадры, а тут предлагают их возглавить. Конечно она согласится.

Семилетняя Людочка пообещает «новому папе»:

— Если маме с тобой хорошо — я тебя тоже любить буду.

А Женя молча осмотрит нового зятя и после, с глазу на глаз, выдаст дочери свой вердикт:

— Долго искала? Да на него все бабы будут вешаться! Чистый павлин.

— И шо теперь? — выдаст свой фирменный ответ Нилка.

Через год Павлик напьется в хлам с мужиками на Первомайской демонстрации и продолжит праздновать, не переставая, аж по десятое. Но самое страшное, что в таком состоянии он заявится на завод и устроит драку с начальником цеха, который на него неправильно смотрел и неуважительно обращался. Нила уговорит уволить ее фронтовика «по собственному», и страдающий от жесткого похмелья и неприятного начальства Пава перейдет тем же наладчиком в чулочно-носочную артель на плосковязальные станки. Перейдет и обидится на весь мир. А Нилка останется на заводе у обидчиков.

1957

Сашка Ильинский вдруг стал вставать и выходить из дому на полчаса раньше. Тайна открылась через неделю, когда Сансаныч подзадержался и вышел вместе с сыном.

— Пап, подожди минутку! Сейчас такое будет!

И действительно — по Канатной в сторону технологического института с бодрым фырканием проехал какой-то забавный темно-голубой недомотоцикл с очень важным зрелым мужчиной, восседающим на нем, как Иван-дурак на Коньке-Горбунке.

— Папа, что это? — с восторгом прошептал Сашка.

— Тю! — рассмеялся Ильинский. — Это же мотороллер! Никогда живьем не видел — только в журналах. А вот водителя знаю — это твой тезка, Александр Васильевич, профессор, между прочим, и завкафедрой в технологическом. Что-то там по мельницам и элеваторам.

Сашка с завистью смотрел вслед модному профессору:

— Да зачем ему такой? Он же старый! Он на «Волге» должен ездить, раз профессор!

Ильинский расхохотался:

— Это что значит старый? Мы с ним практически ровесники, между прочим!

— Ну, папа, ты бы разве на таком катался?

— Конечно!

— Ой, а давай купим!

— Да где ж мы его возьмем? — хитро улыбнулся Сансаныч.

— Да у профессора своего спроси, а потом маме скажи — она же все что угодно может достать!

— Так! Мать не трогай! И вообще — посмотрим на твою учебу. Вот будешь отличником по всем предметам, тогда я посмотрю, можно ли у Деда Мороза такое попросить!

— Буду! Буду!

— Вот и поглядим. А я пока в свой немодный «москвич» пойду — опаздываю уже.

Ильинский улыбался — первый советский мотороллер «Вятка» был действительно очень красивым. Еще бы — Вятско-Полянский

машиностроительный завод в качестве прототипа просто «скопировал» легендарную итальянскую «Веспу», которая после выхода в пятьдесят третьем «Римских каникул» моментально стала самым модным транспортом. «Римские каникулы» дойдут до советского проката только через три года, но о новом мототранспорте уже писали в журналах и газетах. И свежееиспеченная «Вятка» из первой партии в Одессе появилась именно у профессора Одесского технологического института им. Сталина Александра Панченко. Где, как и за сколько он добыл такой дефицит — он не рассказывал и ежедневно являлся предметом восхищения и любой зависти всех одесситов.

А уже к концу осени «Знамя коммунизма» отрапортует в рубрике «Новости»: «Одесский автомобильный магазин «Укрспортторг» получил первую партию мотороллеров «Вятка-150». В тот же день все 10 машин были проданы. Первыми обладателями мотороллеров стали заслуженный артист УССР Михаил Водяной (в этом году как раз вышла киноэкранизация «Белой акации», где он сыграл Яшку-буксира) и начальник электростанции станции Одесса — Главная т. Тененбаум и др. В первой половине декабря магазин получает еще 40 мотороллеров «Вятка-150».

Ильинский прочтет и заулыбается — Санька действительно старался и был одним из лучших учеников класса. Значит, заветную игрушку (а Сансаныч, положи руку на сердце, тоже хотел мотороллер) оба мужчины получают под елочку.

Для здоровья

Женя деловито оправила подол, пристегнула спущенные чулки и, присев на рабочий стол, закурила.

— Не возражаете, Леонид Моисеевич? — бросила она через плечо, с которого очень продуманно небрежно сползала черная кружевная бретелька комбинации. Высший шик. Черного белья в СССР в природе не существовало в принципе. Как Женя ночью тайком трижды красила добытую шелковую белую комбинацию и лифчик заодно с руками анилиновой краской, и тушью к счастью и, главное, сохраненному здоровью, не знал никто из семьи.

— После того, что на нем сейчас было, уже нет, — заведующий стоматологией Гольденберг заботливо накинул Женьке на плечи белый халат. — Не простудитесь, Женечка Ивановна.

«Не обольщайся, не настолько я разгорячилась за эти десять минут», — подумала Косько, но промолчала и, затянувшись, насмешливо посмотрела на своего обожателя и начальника. Жизнь налаживалась. Ее теперешняя должность главного бухгалтера в районной стоматологии это, конечно, не Ксюхины обороты, но выживать больше не надо, на хлеб с маслом хватает. А к ее юбилею, который через неделю, главврач Леонид Моисеевич сделал царский подарок.

Женька после первой примерки ухмыльнулась — надо же, как в детстве, своими руками!

— Рибка моя, золотыми вот этими рученьками, — уточнил Моисеевич, демонстрируя свои тонкие и невероятно умелые пальцы.

Фарфоровые зубы и золотые коронки — произведение искусства, созданное Гольденбергом для Евгении Косько, — по стоимости были практически автомобилем «москвич» во рту. Правда, на них не уедешь. Ну и ладно. Женька благосклонно, как должное, принимала подношения, не обращая внимание на завистливый шепот молодых смазливых медсестер. Главный бастион и самый ценный кадр стоматологической поликлиники из всего доступного и готового бабьего царства выбрал эту старую суку. Да от нее ж папиросами разит сильнее «Красной Москвы»! Да ей же на пенсию скоро!

Но и Гольденберг разменял седьмой десяток. И с Женей, в отличие от юных красоток, у него было даже серьезнее, чем он хотел. После многолетних неудачных ухаживаний и намеков она в прошлом году сама пришла вечером с месячным отчетом в его кабинет и закрыла дверь на ключ. И набросилась с такой одержимостью, что он только успел снять очки.

— Кажется, меня только что изнасиловали, — скажет Леонид Моисеевич, поднимаясь с пола.

— Сам виноват. Давно нарывался, — по-мужски ответит Женька.

Роман был сугубо служебным, несмотря на попытки Гольденберга встречаться в более комфортных местах и не только для секса. Вот и сейчас он сидел за рабочим столом и обращался к Женькиной попе:

— Я могу прийти поздравить двадцать второго домой?

— Нет, — не поворачиваясь, отвечала Женька.

— Но почему? Я твой начальник!

— Вот и поздравляй на работе, грамоту, там, вручи почетную, гвоздики. Можешь премию выписать.

— Ну почему домой нельзя? Я уже год, как вдовец! Ты что, меня стесняешься?

Женька недовольно обернулась и отчеканила:

— Стыдилась бы — не лежала б у тебя на столе. Мне семья новая не нужна. У меня уже была семья. И есть. Не хочу больше. Иди, вон, любую дуру с коридора свистни — они куда хошь и пойдут, и пригласят.

— Шейна Ивановна, — хмыкнул Леонид, — что ж ты вредная такая? И манкая такая, — он протянул руки и подвез Женю по столу к себе поближе, прижимаясь лицом к ее спине и запуская одну руку сверху в сумасшедшую черную комбинацию, а вторую под подол и шепча ей в спину: — С ними и поговорить не о чем, а ты — женщина-загадка.

В этом классической рабочей интрижке Женьке было нужно только одно. То самое. Сугубо для здоровья и чтобы чувствовать себя живой. И желанной.

Для нее все начиналось как банальная женская месть Петьке. А похотливый начальник оказался самой ближайшей и давно готовой кандидатурой. Ей было все равно с кем.

Женя так долго и, как выяснилось, совершенно зря отказывала себе в самом необходимом — если не любви, так хотя бы страсти. Ей не нужны были отношения. Вместе с Петькиными фотографиями сгорели и стыд, и чувство долга, и последние страницы ее большой и, как оказалось, единственной любви.

Кулички

Котька ушел со своей любимой «Январки». Точнее, жена настояла.

— Зиночка, ну зачем сейчас-то? Сколько мне там до пенсии осталось?

Но Зинка была неумолима. Да и о чем говорить, когда ютишься вчетвером в крошечной комнатке с двумя дочерьми-подростками. Еще пару лет, и не ровен час зятя притащат. А в судоремонтном и зарплата поприличнее, и у моряков (да не спорь!) можно что-то прикупить в семью, и главное, что семейные рабочие и служащие Первого судоремонтного после смены строили себе дома. Ну как строили? Помогали строителям управиться быстрее и не за бесплатно, а за будущую квартиру. И что из того, что это задница мира и задворки Одессы на Пятой Фонтана в стороне и от моря, и от цивилизации? Зину такие мелочи вообще не волновали — хоть к черту на кулички! А там до трамвая дойдем.

Через полгода писем и второй Котькиной смены случилось долгожданное — на Мачтовой закончили фундаментные работы и приступили к сооружению трех одноэтажных домов по четыре квартиры в каждом. И плевать, что это непонятно где, если тебе положена двухкомнатная.

Ну как же так?

— Ксения Ивановна, срочно возвращайтесь в Одессу! — влетел на территорию рыбхоза начальник опорного пункта милиции

Черноморки, где Ксения сегодня принимала у местной рыболовецкой артели спецзаказ.

— И где у нас случилось? — отозвалась она.

— Там ваш муж! В Еврейской больнице. Товарищи перезвонили. Его только что из Коминтерновского района срочно доставили. Товарищу Ильинскому там плохо стало.

Ксения не станет ждать и снова, как двенадцать лет назад на Хоэ, отдав точные распоряжения по доставке рыбы, помчится на служебной машине на Молдаванку. Сансаныч, инспектируя весь Коминтерновский район, обычно уезжал на два-три дня и отбыл только вчера. Значит, случилось что-то страшное. В приемном отделении ей сначала сказали ждать, но, увидев двух милиционеров в сопровождении, выдали белый халат и отправили в хирургию. Там метался по коридору водитель Ильинского.

— Он на операции. Говорят, гнойный аппендицит.

— Фух, — Ксения выдохнула, — с аппендицитом Ильинский справится!

От курлыкающего на суржике расстроенного водителя она быстро выяснила, что Сансаныч перед обедом жаловался, шо брюхо тянет, и поесть, наверное, надо, а через час на обеде у председателя вдруг просто переломился пополам и взвыл от боли. А пока везли, сказал, что вроде отпустило, велел домой везти. Но потом возле дома опять болеть начало, и мы уже сюда. И так все хорошо было — и не ел ничего такого в дороге, шутил, семечки у меня отобрал, говорил, ты вкуснее всех жарить, с солью. А я их страсть как люблю и ему дал...

— Да успокойся, — Ксения присела в коридоре. — Все будет хорошо.

Дверь операционной открылась, вышел дежурный хирург и, пряча глаза, пошел к Ксене, которая, подхватив сумку и фирменно улыбаясь, шла к нему навстречу.

— Здравствуйте, наш спаситель, давайте знакомиться...

— Здравствуйте, — перебил ее врач. — Вы жена?

— Да — продолжала сиять Ксения.

— Товарищ Ильинский... скончался. Мы сделали что могли. Не успели. Перетонит... Необратимая стадия...

— За что?!!! — Ксения сползла по стенке. — За что?!! — орала она в потолок и билась затылком в стену. — Почему?!!! Почему, Саня?!

Почему?!!!! Ему же сорок восемь всего! Нет!!!! Да отойдите от меня!!!!

Она прикусит батистовый платок с вышитой монограммой и затрясется уже беззвучно. Кто-то из медсестер примчится с водой. Ее поднимут, попытаются усадить и дать валериановых капель.

Но младшая Беззуб уже придет в себя и размажет ребром ладони слезы.

— Так, всё. Хватит. Я в порядке. Я могу его увидеть?

— Вообще, сейчас не положено, — робко начнет врач, но, покосившись на милиционеров, которые будут двумя истуканами стоять у нее за спиной, вздохнет и откроет дверь.

Ксения медленно подойдет к операционной кушетке и поднимет простыню.

— Сашенька... Сашенька мой любимый... — Она поцелует его в щеку. — Ну как же так?

Всхлипнет и выйдет в коридор:

— Когда я смогу забрать те... забрать моего мужа?

1958

100 лет в обед

Восьмого марта — по традиции — сестры собрались на Мельницкой.

— Девочки, как хорошо дома! — откинулась на стуле Ксения. — Как в детстве, помните?

— И чего сейчас хорошего? — вяло отозвалась Лида.

— Ты просто пенсионерка, уже не помнишь и видишь хуже, — хихикнула Аня.

— Очень красиво! А еще сестра родная! — оскорбилась Лидка. — А я им подарки привезла.

— Да ты что?! — удивилась Женя. Лидкина скупость с годами только прогрессировала. — Ну давай, удиви нас.

— Дамы, — Лида выдержала торжественную паузу и достала из сумки несколько узких билетиков, — дамы, имею честь пригласить вас на торжественное мероприятие в честь юбилея Николая Николаевича.

— У Николеньки день рождения?

— Да нет. Праздник в честь его отца, профессора, выдающегося русского психолога Ланге.

— Так... — Женя нахмурилась, — он же старый, как... копыто мамонта. Он же старше Лёльки был.

— И что? Работы его научные остались, ученики.

— Так он что, помер? Когда? — ахнула Аня.

— Ой, вспомнила! Да еще в двадцать первом, — отмахнулась Лида.

— Ишь ты! — хмыкнула Женя. — А нас даже на похороны не позвала.

— Та можно подумать, ты его при жизни знала!

— Ну не знала, а пирожков бы поела, — бросила Женя. — А сейчас чего зовешь? Думаешь, я его работы вечерами перечитываю?

— Можешь не приходить! — вспыхнула Лидка. — Вот ведь! Предлагаешь культурное мероприятие, знаковое! А ты выкобениваешься. Я, между прочим, про вас думаю! Это же кошмар!

— Ты? Про нас? А что кошмарного-то?

— А то, что все поголовно неустроены. А вам давно не семнадцать и даже не тридцать. — Она сделала паузу и совершенно

трагическое лицо и шепотом добавила: — И уже не сорок... Кавалеров и так осталось с гулькин нос, а вы уже практически чернослив, и заметьте — тоже не самый свежий.

— А Ланге нам расскажет, где мужиков взять? — расхохоталась Ксения.

— Ну за тебя я спокойна — у тебя хоть голова варит, — ответила Лида. — А эти две престарелые чекистки совсем на себя рукой махнули.

— Не поняла? — приподнялась Женя.

— Господи, я уже сомневаюсь, а стоит ли вас звать... — поджала губы Лида. — Это я на пенсии, а старческая деменция у вас началась. Я куда вас зову-то?

— На поминки?

— На вечер памяти с чтениями и обсуждениями его работ!

Женька взяла билетик:

— О, сто лет в обед! А обед будет? Или хотя бы буфет?

— Ага, — угрюмо подтвердила Лидка, — и танцы в бальной зале. Узнаю гарнизонную львицу.

— Я не пойду, — отрезала Ксения. — Это ж тоска смертная! Мне партсобраний на работе хватает.

— А вот у тебя, между прочим, шансов больше всех! Ну как вы не понимаете, — трагически простонала Лида, — там же вся профессура! Весь цвет — ну те, кто выжил. Есть несколько достаточно крепких стариков. Хоть пару лет поживете нормально.

Сестры дружно расхохотались.

— Ничего смешного! Чтобы корни подкрасили и платья достали! Женя, Ксения, снабдите вашу сестру таким буржуазным пережитком, как помада, иначе шансов у нее нет.

— Что значит шансов нет? — оскорбилась Аня. — Я хоть светскую беседу об искусстве поддержать могу. А вы что?

— Главное, чтобы к тебе подошли, а то поддерживать будет нечего!

— Или некого, — подмигнула Женька. — Дедушки хоть сами ходят?

— Вот ведь гадины! А еще говорили, что я в семье бесчувственная!

Ксения обняла сестру:

— Ладно, приду. Женька, ты возьми своих соленых огурчиков в сумку.

— Что?!

— Ладно, Лидка, не дергайся. Жень, конфеток мятных. А я флягу Сансаныча с коньяком прихвачу. Посмотрим на твое кладбище слонов. То есть мамонтов!

До праздничного мероприятия дошли только Женя и Ксения. Аня просто не явилась. Нарядные сестры были обескуражены — полный зал университета с гудящими студентами, аспирантами и бодрыми старичками в заскоружных пиджаках.

Ксения томным взглядом обвела публику.

— Без вариантов, — выдала вердикт она. — Ни одного годного кандидата младше шестидесяти пяти.

— Фамильный склеп какой-то! — фыркнула Женя. — И как я только повелась на этот Лидкин развод!

— Та ладно тебе, дай старшей сестре самоутвердиться. Видать, совсем тоска заела, что даже нас позвала. Вспомни ее журфиксы довоенные.

— А что мне вспоминать? Меня туда не приглашали.

Дамы заняли почетное место в первом ряду рядом с Лидочкой, одетой во все элегантно черное.

— Жаль, все-таки, что это не сыщик Ланге, — шепнула Женька, — все б веселее компания была.

— Подожди, а вдруг потом концерт симфонический или дружеский банкет, — предположила Ксения, — для тех, кто доживет до конца.

Женька покосилась на президиум под кумачовой скатертью и на трибуну с графином:

— Ты про гостей или про выступающих?

На сцене восседали трое.

— Чур, мой — вон тот, бодренький, — шепнула Ксения.

Женя, сдерживая смех, осмотрела сцену:

— Тот, которому сто два?

— Девяносто четыре! Крайний, с мэфистофельскими бровями.

Женя сделала вид, что кашляет в платочек под пронзительным взглядом Лиды.

— Раз в пятьдесят лет решила их в свет вывести — и туда же! Молдаванское отродье! — шипела она. — Вы можете не ржать в первом ряду, как кобылы!

Сестры героически выполнили просьбу. Тем более, что к концу первого часового доклада заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Бориса Михайловича Теплова, об основных идеях в психологических трудах Николая Ланге Женя, согревшись в зале, уже периодически засыпала, томно прикрыв лицо рукой. От конфуза ее спас шепот Ксени:

— Лидка, а Лидка, тут написано: действительный член АПН — правда, что ли? Насчет члена?

Лидка покраснела и засопела, как паровоз.

Проснувшаяся Женя снова прижала платочек к глазам и яростно зааплодировала.

К трибуне вышел следующий докладчик.

— Он тоже член?

— Бери выше, — шепнула Ксения — член-корреспондент. Чур, мой!

— Нет уж! Ты ж сказала, твой вон тот, самый свежий, бровастенький.

Лида наклонилась к сестрам и громко зашептала:

— Дуры! Под него научный институт психологии наркомпроса в сорок пятом открыли! Он, — Лидка кивнула в сторону трибуны, — его руководитель. Вы уровень представляете? Опару свою лучше в декольте поправь, — бросила Ксения.

Лидка сидела с идеально прямой спиной второй час и с живым интересом слушала, делая пометки в крошечной записной книжке.

— Ты посмотри, что она там чёркает, поди ж, ерунду какую-то.

— Поражаюсь ее мужеству и выдержке. Давай сбежим. Я третьего не выдержу.

Но побег не состоялся. Закрывал конференцию памяти профессора Ланге главный организатор мероприятия и его любимый ученик Давид Элькин, тот самый, с демоническими бровями. Он моментально выскочил на трибуну и, глядя прямо на сестер, улыбнулся:

— Иногда время тянется бесконечно долго, не так ли, девушки? А иногда пятилетка пролетает как мгновение. Это все разное восприятие

времени. Уникальные особенности нашей психики. Но это мои наработки. А сегодня всё только об учителе и о влиянии Сеченова на его работы. По факту мой доклад займет тридцать минут, я сделаю все возможное, чтобы вы не заметили, как пролетит время.

Зал одобрительно загудел, раздались хлопки с галерки. Студенты явно любили Давида Генриховича. Его выступление завершало вечер и было на удивление живым и понятным. Элькин закончил под восторженные овации студентов.

— Женька, свистни, ну свистни! Ты ж умеешь, — толкнула ее в бок Ксюха.

— Гражданка, у вас пятый десяток на горизонте, а никак не угомонитесь, — Женя засиделась на неудобном откидном стуле и радостно подскочила, одергивая юбку.

— Мне, между прочим, сорок один, а полтинник тебе через месяц! — оскорбилась Ксения.

— И это что всё? Ни шампанского и ни концерта? — повернулась она к Лидии Ивановне. — Ради чего мы мучились?

— Вы меня опозорили, — скорбно сообщила Лида. — Это был первый и последний раз, когда...

Она не договорила — со сцены к ним чуть не с прискоком сбежал «Мефистофель» и подошел к сестрам.

— Добрый вечер! Лидия Ивановна, кто эти прелестницы?

— Мои сестры, — скорбно выдохнула Лидка. — Евгения и Ксения. Давид Генрихович, они давно не были в обществе, умоляю, не обращайтесь на них внимания. Вечер прошел блестяще. Я так вам благодарна! Всё! Спасайте старших товарищей от этих страждущих подхалимов и едьте ко мне. Все скромнее, чем обычно, но тем не менее помянем Николая Николаевича в узком, — она выразительно посмотрела на сестер, — в узком семейном кругу.

Давид внезапно прихватил младших Беззуб под локоток:

— Только если ваши сестры украсят собой этот вечер. Вы сможете выдержать наше стариковское брюзжание ради старшей сестры?

Когда он убежал на сцену, Лидка страдальчески закатила глаза:

— Умоляю! Заклинаю! Женя, Ксения! Это профессура! Белая кость! Уцелевшие бриллианты — это не воинская часть и не торгаши.

Это тонкая натура. У вас появился шанс. Так что... — Последнюю фразу она буквально прорычала: — Будьте милыми и помалкивайте!

Ксюха хмыкнула и повернулась к Жене:

— Будешь милой?

— Мне-то зачем? Видишь, твой бровастенький таки клюнул.

— А чего ты решила, что на меня?

— А то ты не видела! Это все старческая дальность — он же персонально твоему декольте рассказывал!

Ксения поправила платье и вырез.

— Не, этот даже по моим вкусам староват. А вот тебе — в самый раз. Не робей, он из прошлого века, теперь таких не делают.

Женька давно не стреляла и не метала ножи, но абсолютно незаметным движением молниеносно двинула своей бархатной театральной сумочкой точно по кудрявому затылку сестры. Та от неожиданности взвизгнула:

— От босячка!

Семейный вечер в остатках Лидкиной былой роскоши проходил на удивление спокойно и тепло. Сестры мило улыбались и сдержанно отвечали на вопросы званных гостей. Лида выдохнула. Но зря. Давид Генрихович после перехода от официального обеда к свободному общению под дижестив предложил Евгении Ивановне выпить.

— Да что вы, товарищ. Коньяк? Портвейн? Я же вдова чекиста. К таким напиткам непривычна. Употребляю исключительно водку. Или самогон. Лидия Ивановна, самогона не найдется?

Лида, поджав губы, достала Николенькин обеденный штоф с водкой.

А Элькин с восторгом все задавал и задавал какие-то вопросы. Женя, утомившись от такого внимания, устало спросила:

— Я как на допросе, только еще не рассказала, где была и что делала с 17 октября сорок первого по апрель сорок четвертого. Может, для разнообразия, я вас спрошу, чем, кроме времени, вы интересуетесь?

Элькин оживился:

— Понимаете, время и его осознание — это огромный пласт. Особенно в детском восприятии. Но я еще занимаюсь инженерной психологией и исследованием интеллекта людей и даже животных. Вы с сестрой — просто находка. Редчайшие образцы!

— Ну, Лидия Ивановна нас нынче и кобылами, и змеями уже нарекла. Так что вы не первый. А теперь мы к какому виду? К млекопитающим или все-таки к рептилиям?

— Ну что вы! У вашей сестры феноменальный интеллект! Такие невероятные смелые гипотезы!

— Увы, ошиблись. Сумасшедшая в семье не она. Та, что мишигинер, сегодня не пришла.

— Ксения — выдающийся математик! Мирового уровня! А вы... вы... вы как клинок, как машина. Я вас умоляю! Я должен провести с вами анкетирование. Ради науки.

— Ага, значит, все-таки подопытный кролик. Нет уж, увольте, меньше чем на кобылу не согласна. Я пойду, пожалуй, а то интеллект от недосыпания резко падает. А я бухгалтер. Не простят. И жалованье не выплатят.

— Женя, ну ты что? — выдавая ей пальто, пеняла в коридоре Лида. — Ты же видишь его интерес!

— И что теперь? Предложить себя по-быстрому? Зачем?

— Или это... — Лидка блеснула глазами. — Это ты его заманиваешь так? Да?

— Нет. Он меня как мужчина не привлекает. Если тебя это интересует.

— Да кого это вообще интересует! Я про перспективы.

— А какие перспективы-то без постели? Что мне там с ним делать? Время терять?

— По-моему, ты его теряешь последние лет пятнадцать!..

— А с чего ты это решила? То, что я вдова и мужиков домой не вожу, совсем не значит, что я одинока. Может, я в дом и в жизнь больше пускать никого не хочу? Не думала? Так что анкету заполнить для науки могу. Если за деньги. Иди уже спокойно. Там Ксения осталась — и если твой профессор стоящий, она его точно не упустит.

Но остаток вечера не задался. После ухода Жени Элькин явно потерял интерес к развлечениям и беседе и вскоре отклонялся.

— Вот зараза! — резюмировала Лидка после приема Николеньке поведение Жени. — Вот всегда так. Понимаешь, ни себе, ни людям! У Ксении был неплохой шанс.

Лида ошибется. Ксенин звездный час и шанс будет впереди.

1959

Горячая пшонка!

— Людка, чего сидишь? — На Мельницкую ввалился потный, взлохмаченный Сашка Ильинский. — Ставь кастрюлю! Будем пшонку варить! — Он, пыхтя, тащил в кухню пыльный мешок, полный кукурузных початков.

Людка Канавская оторвалась от книжки:

— Ух ты! Ты где столько взял?

— На поле, где ж еще?

— Украл, что ли, — округлила глаза Людочка.

— Нет, просто взял, — хохотал Сашка. — Поле чье? Народное! А я кто? Народ. Вот и взял чуток.

— А если б поймали?

— Та не поймали! Я ж на велике. Давай! Бикицер варим, соль — в коробку от спичек, и поехали. Как раз к обеду успеем.

— Куда успеем?

— На пляж! Пшонкой торговать. Двадцать копеек штука.

Людка оробела:

— Ты что? Как это? Это же стыд какой! Что про нас подумают!

Сашка расхохотался:

— Это почему еще стыдно?

— Ну мы же как спекулянты. Позорище какое. Еще и по доброй воле.

— Вот ты странная! Ты людям вкусное принесла, приготовила, на подстилку доставила — это разве не стоит двадцати копеек? Ты ж им не силой ее впариваешь. И товар — свежак!

Людка покраснела еще больше:

— Я не поеду.

— А на раме? Я сам буду торговать, а ты велик сторожить. И давай к кастрюле какую-то веревку привяжем, а то в руках носить будет неудобно.

— Меня Женя за кастрюлю убьет, — прошептала Людочка.

— Да ладно, она не заметит — мы быстро продадим и еще до пяти дома будешь.

Людочке было десять, и она точно знала, как страшно и стыдно быть спекулянтками. Сашка-то старше на два года, и чему радуется?

Торговать — это же позорище! Такое позорище! Она бы в жизни таким не занималась. А он ржет и радуется. Просто Саша Ильинский никогда не убегал по рынку от отрядов дружинников и от милиционеров не прятался в подворотне. А она это делала почти полгода, когда этот ханьга-отчим работал на чулочной фабрике и воровал чулочные заготовки. Невесомые, прозрачные, телесного цвета. Их, в отличие от готовых чулок, не считали, и он выносил полные карманы. Каждую ночь, когда Пава наконец засыпал, при свете керосиновой лампы, чтобы соседи не заметили, чем она там по ночам промышляет, мамочка сшивала на колоде, похожей на свиную голяшку, чулок по шву. Такими же тонкими невидимыми капроновыми нитками. В идеально ровный шов. Потому что если пропускал хоть одну петельку — вся кропотливая работа насмарку. И к утру почти ничего не видела. Потом они эти чулки красили в модный черный цвет. А дальше самый страшный день недели. Не понедельник — суббота. День, когда они с мамой ходили продавать чулки на Привоз.

Нилочка надевала чулок на замерзшую красную руку и, аккуратно вытягивая ее из-за пазухи пальто, улыбалась торговкам и покупательницам:

— Девочки, черные чулочки! Тонюсенькие! Недорого!

— Да что ты ходишь! — отмахивались бабы. — Дубарь такой на дворе, а ты с чулками! Носки бы вязала, что ли, или водки принесла на разлив.

— Ну мужика носками не заманишь, а чтоб от водки отвлечь, надо в чулочках пошвицать, — подмигивала Нила, а Людочка сжималась в комок. Потому что пока мама улыбалась и показывала товар, она смотрела по сторонам, чтобы подать команду: — Бежим!

И они бежали через ряды, стараясь затеряться в толпе, вынырнуть куда-то в сторону Эстонской, в дворы, в парк Ильича. Потому что так далеко милиции лень было бежать, да и пока за одними погонишься, в это время десяток на рынок вылезет. Однажды Люда зазевалась и не заметила дружинников, вынырнувших из ряда с соленьями. И мама поскользнулась и упала. Ее схватили, как воровку, за воротник. И чуть не поволокли за собой. Как эти страшные дядьки кричали и стыдили! Как рыдала бедная мамочка, когда ее вывели с Привоза! Люда бежала рядом и просила: — Дяденьки, отпустите, пожалуйста! Мы не спекулянты. Нам есть нечего.

Мама тогда отдала все — и все чулки, и все деньги — и те, что заработала от продажи, и те, что были с собой на хлеб. Ее еще обозвали и отпустили. И она так горько плакала, что Людка до самого дома не сознавалась, что обмочилась от страха. Дома Нила снова рыдала и каялась перед Павликом, что вся выручка ушла. Но бутылка была. Она одолжила. А то опять бы началось.

А так Пава только ругнулся, что она колода неповоротливая. Мама за последние пару лет очень поправилась. Сильно-сильно. Как будто все слезы, весь стыд собирался и распухал киселем внутри. Но мама этого козла очень любила и все прощала. Слава богу, что его таки поймали с заготовками и выперли. И этот субботний кошмар закончился...

А тут Сашка по доброй воле, сам, со своей кукурузой... Но Людка привыкла спасать мамочку. И бросать любимого двоюродного брата в такой беде не собиралась. Он же просто не знает, что его ждет.

Но на пляже Сашка со своей смазливой рожей и ужимками даже особо не ходил, — он устроился у кромки воды, весело надрываясь: — Горячая свежая пшонка! Берем — не стесняемся! Надо две, шоб не бегать!

Людка все оглядывалась но никаких милиционеров не было, и дружинников тоже, и везучий Сашка легко меньше чем за полчаса распродал все кочаны, оставив два последних — себе и Людке.

— Ну вот и всё! А ты боялась. Держи рубль!

— Это зачем?

— Это за помощь.

— Я еще деньги с брата не брала!

— Не с брата, а с гешефта. Ты как не на Молдаванке живешь, — удивился Сашка. — У вас тут так классно. Никто за тобой следом не ходит — гуляй где хочешь. А у нас на Канатной все такие скучные. Только в мяч гоняют и со двора выйти боятся. А в делах ничего не соображают. Да и в школе тоже тоска зеленая. Вроде музыканты народ веселый, а у нас одни дохлятины нудные. Ручки берегут, ушки берегут, мамы их за ручку водят. Учителя — и то задорнее. Поехали, я тебя домой доведу с кастрюлей. Пока баб Женя вас обеих не хватилась.

Сашка унаследовал Ксюхину легкость и предприимчивость. А крутясь все время в торговых разговорах, он с детства усвоил — зарабатывать не стыдно. Стыдно бездельничать.

Посиделки

Во дворе, как и полвека назад, вечерами собирались жители с закуской и напитками на «поговорить за жизнь». Вечерний морской бриз приносил долгожданную прохладу с классическим летним ароматом помойки из подворотни, куда в ожидании мусорной машины жильцы сносили свои ведра с отходами. На одесской жаре все эти рыбки кишки, кукурузные кочаны, арбузные корки неистово благоухали, пока не вваливался Яшка-мусорщик, гремя здоровенным колокольчиком над головой. Это призыв означал, что в ближайшие пять минут нужно и можно дотащить и вывалить свои ведра в мусоровозку, а кто не успел — нес обратно домой, потому что очищенная и присыпанная содой подворотня наконец-то переставала доминировать над всеми остальными летними запахами. Расправившись с мусором, готовкой, кормлением детей и мужей, женщины выходили подышать и поболтать, и, конечно, все радио и газетные новости обсуждались всем двором, и, в отличие от партсобраний, единогласных решений не было.

— Ася, Дора, Нилка! — надрывалась Ривка.

— Шо там уже? — кокетливо сокрушалась Ася, вынося на табурете миску с битками из тюльки и крупно порубанной помидорой. — Я без сто грамм вашу политинформацию слушать не буду!

— Так уже десять минут, как нóлито, — парировала Рива. — Я — старая женщина, должна всех ждать и мучаться от жажды! Нилка! Оставь уже своего Паву — он все равно спит и ни на что не годен! Ходи до нас!

— Да что случилось, Рива Марковна?

— Девочки, шикарная новость! — Рива картинно поднимала глаза к небу. — Спасибо нашему облсовету! На Пересыпи опять открыли рынок!

Ася сосредоточенно наливала вино по стаканам и чашкам. — Так, а где на Пересыпи рынок? И шо нам до него? Туда ж полдня переться надо.

— Девочки, — Рива держала интригу, — рынок скотопригонный! Продажа скота разрешается при наличии справки от ветеринарного

надзора.

— И шо? — спросила Нилка. — Коз во дворе заведем?

— Ой, я с тебя смеюсь — коз у нас и так хватает, козлов своих можете сдать по-быстрому!

— Шоб ты была здорова! — Дора поперхнулась вином.

— Я бы Зинку Котькину сдала, — прищурилась Ася. — Жалко, что съехала, там живого веса тонны полторы.

Василий Ижикевич в белоснежной майке и пижамных полосатых штанах робко подал голос, отодвинув край занавесочки:

— Мадам, а почему вы из всех одесских новостей выбираете только такие?

— Какие — «такие»?

— Ну или обидные, или нехорошие. То, что на Дерибасовской всё в лотках с фруктой и наливайках и грязь, то про этот рынок скотский, то про спекулянтов!

— Ой, — Ривка насмешливо выглянула из-за импровизированного стола, — иди сюда, страдалец, мы тебе тоже нальем. А тебе шо, другие новости пишут?

— Вот про то, что у нас новый порт будет огромный в Ильичевске, вы почему-то не говорите! И шо пару дней назад Николаев сдал, а Одесса приняла новую китобазу «Советская Украина», самую большую в мире. И шо...

— Ой, еще про партийную конференцию нам расскажи! И так наслушались!

Подключилась Ася:

— Ижикевич, не беси. Хочешь вина? Бери и молчи в трапочку, когда женщины политинформацию проводят.

Но скоро «в трапочку» замолчали все. Потому что Феликс купил телевизор, и теперь каждый день в 18.00, а по выходным в 17.00 весь двор, подтянув табуретки и переругавшись за места в первом ряду, смотрел настоящее одесское телевидение и хором здоровался с самой красивой дикторшей СССР. Нашей Нелечкой, первым одесским диктором, Нелли Харченко.

1960

Сдохнуть со скуки

По Пролетарскому, бывшему Французскому бульвару от дома отдыха «Морьяк» двигалась похоронная процессия. Среди скорбящих была шестнадцатилетняя Анечка Голомбиевская-младшая, которая с подругой горько рыдали друг другу в плечо. Отдыхающие, выползшие на трамвайные остановки с окрестных санаториев и пляжей, с ужасом косились на открытый гроб и сопровождающих. Какая-то сердобольная пышная дама с пустым бутылем в авоське утерла слезу:

— Надо же! Такой молодой! Сколько ж ему было?

— Двадцать шесть, — отозвалась из плеча подруги Анютка и всхлипнула.

— Вот горе-то какое! Бедная мать! Красивый какой парень. Совсем как живой!

Завывало странное музыкальное трио перед процессией, две трубы и почему-то тарелки пытались сыграть то ли очень упрощенную версию похоронного марша, то ли медленно и минорно последний хит Утесова «Одесский порт в ночи простерт». Четверо парней несли на плечах гроб с покойным, на котором помимо брюк и белой рубашечки была повязка на лбу с довольно свежими красными пятнами.

— Страсти-то какие, — отозвался бодрый отдыхающий. — Что? Прибили?

— Не, с пятого этажа выпал, головой прямо на край скамейки упал. У девушки, что на лавочке сидела, перелом ключицы, — вещал возглавляющий процессию парень, держащий на вытянутых руках морскую фуражку. — А наш бедный китобоец — насмерть, выглянул в окно на девушку и поскользнулся.

— Какая смерть нелепая!

Движение на Пролетарском замедлилось — любопытные водители притормаживали, чтобы рассмотреть странные воскресные похороны — а когда же еще хоронить? Жарко ведь! До понедельника завоняется!

Еще квартал, пока процессия не сошла с рельсов, за ней, деликатно позвякивая, медленно ехал пятый трамвай. Пока вагоновожатая не высунулась и не гаркнула:

— А ну в сторону, а то сейчас половина на цугундер отправится!

Процессия почему-то завернула не в сторону кладбища, а ближе к пивной, где и была замечена юными дружинниками Одесского технологического. Старший штаба дружины увидел, как молодой покойник еле сдерживает смех в гробу, а процессия слишком уж картинно рыдает. Да и все молодые, не в черном, без венков и морских старшин.

— Эй, товарищи!

Гроб с пассажиром понесли значительно быстрее.

— Эй, а ну постойте!

— Н-но, залетные! — вдруг выдал покойник и присел в гробу.

Носильщики рванули во дворы от дружинников, опасно накренив свой скорбный груз. Пока те ловили нерасторопных девчонок, покойник с подельниками успели сбежать.

Анька Голомбиевская оправдывалась в райотделе:

— Мы с пляжа шли, ребята попросили подыграть. Там они в карты проиграли — на желание. Надо было пять кварталов в гробу проехать до пивзавода. Да я не знаю, где они гроб взяли. Они нам мороженое купили. Покойника не знаю — мы на пляж под базой моряков ходим, там и познакомились.

Анюта во вторник будет шипеть Ваньке Беззубу:

— Да ну тебя! Обещал, что будет весело, а так подставил и сбежал! Ну не сказала я, как тебя зовут. Не дергайся! Сказала, что только познакомились на пляже и подыграть попросили.

Ваньке, как и в прошлый раз на слободских танцах, удалось выйти сухим из воды. Это он маялся от безделья между каботажными, внутренними рейсами по Черному морю на базе отдыха моряков и на фразе «Да здесь можно сдохнуть со скуки» предложил на слабó сдохнуть и помянуть отпуск в пивной.

Хулиганов так и не поймали, а вот директор базы отдыха, товарищ Черница, получил выговор с занесением, после того что информация об этом безобразии с «глупой инсценировкой», начатом на вверенном ему объекте, попало в одесские газеты.

Бунт на Мельницкой

— Шухер! Наших бьют! — Этот крик с улицы вместе со звоном стекол переполошил весь восьмой номер. Бунт на Молдаванке, как и положено по законам жанра — бессмысленный и беспощадный, разгорелся из-за сущей мелочи. Случилось все 18 декабря, накануне устаревшего Святого Николая, точно в День выбора народных судей. А всю судебную систему вместе с силовыми органами на Молдаванке никогда не любили. Тем более, что недавняя массовая амнистия заполнила слободские, пересыпские и молдаванские дворы и хутора бывшими сидельцами. В основном по 58-й — за измену Родине. Под нее мог попасть (и попадал) кто угодно — от диверсанта или румынского стукача до шутника, рассказавшего политический анекдот. А Молдаванка буквально была рекорд страны по «изменникам» всех мастей.

Всё началось из-за пустяка: день был выходной, по давней традиции — почти праздничный, ведь выборы. Солдатик одной из ближайших стройбатовских частей, пользуясь выходным и затишьем, рванул в самоволку в поисках простого солдатского счастья — спиртного и женщин. Доподлинно известно, что в гастроном на углу Степовой и Дальницкой он зашел уже в приличном подпитии и купил бутылку водки. То ли количество выпитого сыграло главную роль, то ли качество водки, которую нередко меняли на домашние подделки, но защитник отчества, сделав первый глоток, просто выблевал весь продукт, не отходя от прилавка. И громко нецензурно потребовал срочной замены «паленки» на нормальную — ну или возврат денег. На его беду, продавец, Витя-Рыбак, был дядькой крутого нрава и огромных габаритов. Так как пьяные скандалы в винном отделе гастронома на Молдаванке — дело ежедневно-многократное, то все здешние милиционеры закрывали глаза на методы, которыми Витя-Рыбак быстро тушил все жалобы и скандалы. Без протоколов и испорченной статистики. Он просто жестко лупил всех дебоширов. Не изменил Витя заведенного порядка и на сей раз — солдатик получил свою порцию тумачков и был выброшен из магазина прямо под ноги двум патрульным милиционерам, случайно проходившим мимо. Витю-Рыбака они хорошо знали и довольно часто отоваривались у него по разным поводам. Транспорта у них не было, поэтому был остановлен грузовик, и милиционеры попытались закинуть бесчувственного стройбатовца в кузов, пнув его пару раз за тяжесть. Но за солдат и за

их моральный облик отвечала не милиция, а военные патрули. И вот тут случилось непредвиденное — поддтая толпа, что собралась поглазеть на то, как Витя-Рыбак наводит порядок мозолистой рукой, вдруг начала вырывать солдатика из рук попутавших берега ментов-позорных. Потом от души наваляла обоим ментам и, разогретая победой, пошла громить гастроном, в котором поспешил забаррикадироваться Рыбак. Толпа разнесла все витрины, забрала спиртное, трехлитровые банки с соками и начала пировать по случаю победы. Потом никто не мог вспомнить, когда сбежал Витя и куда делался солдатик, да и как его звали, но это уже не имело значения для восставших.

Хорошо выпив и закусив, толпа, подогреваемая окрестными уголовниками, разметала два взвода курсантов школы милиции, которых безоружными прислали на усмирение, и три группы ментов-позорных, прибывших на подмогу из соседних райотделов.

У городских властей еще не было достаточно опыта мирного разгона демонстраций и ликвидации беспорядков. На всякий случай прислали несколько пожарных экипажей для разгона толпы водой из брандспойтов. Молдаванские посчитали, что массовые купания во второй декаде декабря — не лучшая идея, а если учесть, что ножи у местной шпаны не оружие, а продолжение руки, пожарные шланги не продержались и минуты. Все, что можно было оторвать или отбить, — снесли, пожарные предпочли покинуть поле боя.

А события приобретали уже кровавый оборот. Пойманных милиционеров пьяная толпа била смертным боем и даже пыталась казнить, подкладывая под колеса трамваев и троллейбусов. Но вагоновожатые и водители троллейбусов оказались людьми достаточно здоровыми и решительными — бунтовщики были нецензурно посланы в дальние путешествия, а самым ретивым было предложено исполнить казнь самим — сесть за руль и переехать приговоренных. Прибывшие к месту бунта солдаты оцепили Молдаванку плотным кольцом. Несмотря на прямой приказ из Москвы «стрелять по бунтовщикам», командующий Одесским военным округом Герой Советского Союза Амазасп Бабаджанян решил на свой страх и риск не открывать огонь, а до последнего просто сдерживать толпу, не пуская ее дальше в город. Хотя один выстрел все-таки прозвучал — стрелял в воздух местный участковый, тот самый, который задержал Ваньку Беззуба. Он прожил

здесь всю жизнь, поэтому понадеялся на свой непререкаемый авторитет у местных уголовников — он же знал всех подопечных по именам и все их связи родственные до третьего колена, но в этот раз авторитет и знания не помогли. Его жестоко избили, отобрали оружие, и только чудом ему удалось спастись от смерти — помогло доскональное знание всех закоулков в районе, ну и сердобольные одесские домохозяйки — его спрятали в одной из бесчисленных угольных кладовок в подвалах Молдаванки.

К вечеру, допив все трофеи, толпа стала затихать и рассасываться, а оперативники в штатском всю ночь доставляли в КПЗ райотделов Одессы всех любителей поживиться товарам в разгромленных магазинах Молдаванки.

По роковой и совершенно глупой случайности в гуще событий оказался Сашка Ильинский. Он приехал в том самом злополучном трамвае, под рельсы которого совали милиционера...

Евгения Ивановна Косько готовилась проставляться за день рождения в родной стоматологии и к своему фирменному «наполеону» попросила у Ксени раздобыть палочку приличной колбасы и сыра к столу. Целая головка дефицитного «голландского» и палка шикарного сервелата телепались в котомке младшего Ильинского, которого мать послала в выходной сгонять на Мельницкую с подарочком. Он болтался, как щепка в водовороте, среди толпы, когда понял, что вагоновожатая просто сбежала из трамвая, и глазел на разбитые витрины, а когда увидел бегущих в его сторону людей, тоже рванул в ближайшую подворотню. Где его и приняли вместо с «награбленным» и, не разбираясь, доставили в отделение. К утру оно было переполнено пьяными, трезвыми, избитыми и не очень мужиками — от урок до простых пьяниц. Сашка все пытался докричаться до дежурного, но без толку.

К вечеру Ксения забеспокоилась и поехала искать сына. Увидела оцепление и подняла на ноги все свои милицейские контакты. Через час она знала о бунте на Молдаванке больше секретаря горкома, но ее сына, пропавшего в бушующей толпе, не было. Ее чуть ли не силой доставили домой и велели ждать. Информация о сыне Ксении Ивановны прошла по всем отделениям. Только искать его было некому и некогда.

Утром началась всеобщая облава — искали зачинщиков, и первыми были арестованы все ранее судимые, на кого указали дворники, дружинники и донесли соседи. Через месяц показательно осудят двенадцать человек, назначив всем сроки — от 8 до 15 лет. На Молдаванке всех осужденных моментально окрестят «декабристами», проведя соответствующие параллели с Сенатской площадью и событиями на Степовой.

К обеду 19 декабря наконец вытащат Сашку и, услышав фамилию, доложат начальнику. Тот сам позвонит Ксене и пригласит в отделение.

Услуга за услугу

Ксению подташнивало, в глазах плыло. Да что же это за паскудное число двенадцать? Двенадцать лет назад она уже была в этом отделении, с Ильинским. В абсолютной уверенности, что ее задача просто быть красивой и жонглировать цифрами. Ее мужчина, ее каменная стена все решит и все сделает по определению. Она даже не спросила тогда, во сколько обошлось освобождение Ваньки Беззуба. Не все ли равно? А теперь она совсем одна. И помощи ждать неоткуда и не от кого. Сестры... Что сестры? Они всю жизнь держались приветливо-равнодушно, даже когда обладали какими-то возможностями и связями. А Ксения всегда всё сама. Только с Ильинским расслабилась, позволила решать ему, позволила себе быть слабой и беспробудно счастливой. И вот уже три года она снова одна. Его внезапная, нелепая смерть не вписывалась ни в какие системы, не входила ни в одну погрешность и вероятность с тремя нулями после запятой. Весь ее мир, непоколебимо стоящий на трех грессбухах и армянском коньяке, в одночасье оказался миражом, тонкой занавесочкой, которой молдаванские хозяйки защищают свои летние квартиры от внешнего мира. Времени на страдания у нее не было. Слишком много и долго она строила свой идеальный мир. И через день после пышных похорон снова была в строю.

Три года она держит марку, сохраняет статус незаменимой, остается добытчицей, маневрируя как китобой по северным штормам среди номенклатурных проверок, стукачей и чисток с неизменной улыбкой, в самом модном и дорогом платье. Но самым сложным и

тяжелым при работе с одесским руководством МВД было держать тонкую границу между глубоким, почти панибратским доверием и женской недоступностью. А сейчас новый удар.

Слава богу, что живой, главное, что живой, остальное порешаем — твердила Ксюха, возвращая себе эталонное состояние обмена ресурсами.

Тринадцатилетний Сансаньч-младший, ее не просто обожаемый — боготворимый сыночка, отличник школы Столярского (ну где же еще учился приличному мальчику?) сидел вместе с молдаванскими уголовниками, поднявшими бунт. О его масштабах даже без единой газетной статьи Ксения знала чуть не с первого часа во всех подробностях.

Она наденет на себя самое неотразимое выражение лица — по выражению покойного супруга — «обкомовское», — и постучит в дверь начальника. Они были знакомы лет пять, поэтому Ксения не стала церемониться:

— Где Сашка? Любые условия. Любые суммы. Все, что скажешь, все, что захочешь. Вообще все. Не стесняйся.

— Ксения Ивановна, во-первых, успокойтесь, — Алексей Владимирович, уставший, с запавшими от вторых суток без сна глазами, закурил и продолжил: — Сочтемся. Во-вторых, тут такое дело... Он попался с ворованным товаром, просто возле гастронома. Парни его и загребли и оформили сразу. Ну сразу, как смогли.

— Да это я ему эту колбасу проклятую вместе с сыром дала! Этих продуктов на Молдаванке лет двадцать на прилавках не видели! Он к тетке на Мельницкую шел!

— Да я понимаю. Но кто ж знал! Да и, честно говоря, с тем, что тут творилось, даже хорошо, что мои орлы его скрутили. Хоть целый остался.

Ксения открыла рот, но начальник отделения жестом ее остановил: — Я увидел фамилию и сразу позвонил. Всё здесь. Оформим как свидетеля. Иначе не могу. Это безопасно. Он даст описание, кого видел, под которое попадет все взрослое население Молдаванки.

— Это я виновата... — Ксения умоляюще посмотрела на начальника. — Это я его отправила на Мельницкую к сестре...

— Да ну кто ж знал, что такая... — Алексей раздраженно затряс рукой, сдерживая брань, — такое... завертится. Слава богу, живой и целый. Так что забирайте и не ругайте — он и так переляканный.

Ксения не вставала со стула

— Алексей Владимирович, я вам по гроб жизни обязана. Как могу отблагодарить вас и ребят?

— Да ну что вы! По гроб не надо... А вот... — Алексей вдруг понизил голос: — А вот консультация... Разовая. Ваша — как специалиста... Ну как бухгалтера. Приватная. И совет...

— Любая... — Ксения смотрела прямо в глаза милиционеру. — И не только консультация, но и частная проверка бухгалтерии любого уровня сложности. Вы меня понимаете?

Милиционер облегченно выдохнул:

— У моего шурина проблемы. По вашему профилю. По ресторанному. К нему ОБХСС собирается. Не откупишься. И там светит и срок, и конфискация. Ну и, как положено, вся семья будет под подозрением, а у меня трое. И пенсия не за горами. Оно мне надо?

Ксения не спрашивала, откуда всплыла такая секретная информация. Все понятно. ОБХСС — отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности — раньше входил в состав НКВД, а с сорок шестого перешел в систему Министерства внутренних дел. И это был главный животный панический страх любого руководителя. Отдел занимался хищениями социалистической собственности в организациях госторговли, потребительской, промышленной и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также отслеживал спекулянтов всех уровней.

Он начал свою работу еще в тридцать втором с постановления Центрального комитета об охране имущества колхозов (тот самый закон о «трех колосках») и действовал настолько жестко и неподкупно, что внушал священный ужас даже всезнающей Ксене.

— Когда можно будет увидеть их бумаги?

Алексей тяжело вздохнул и в упор посмотрел на нее:

— Сегодня... Я понимаю, что день был тяжелый у всех. Но завтра может быть поздно. Проверка должна пройти до Нового года, а эти ребята в долгий ящик не откладывают.

— В девять вечера пусть меня заберут отсюда. — Ксения написала адрес. — Не вы и не он. И отвезите на предприятие. Приготовьте все

бумаги за последние четыре года. Всю бухгалтерию абсолютно. Чистые бланки и печати внутреннего делопроизводства. Коньяк, шоколад, кипятилок и доступ в уборную... И чтобы до утра там никого не было. Сделаю что смогу. Ничего пока не обещаю — бумаг не видела...

Илья Степанович Панков был готов не только предоставить коньяк и гробсбух, но и душу вместе автомобилем «победа», только бы не попасть за решетку.

Но уникальный специалист, присланный родичем, оказался знойной еврейской красавицей с шикарным бюстом.

«Ну все, пиши пропало, — подумал он, — что эта вертихвостка в таких делах соображает?»

Но вертихвостка, бегло перебрав папки на столе, недоуменно повернулась к Панкову:

— Шо за химины куры? Вы адиёт, или как?

— В чем дело?

— Дело — в ОБХСС, где ваша черная касса, шлимазл?

Панков хмыкнул и достал из портфеля тетрадку.

— А теперь уходите за дверь. Вы мне мешаєте.

— Но это мой...

Ксения устало и совершенно цинично рявкнула:

— У собаки хата была? Это — государственный. Скажу, не вдаваясь в подробности: тут минимум десятка с конфискацией. Более бездарного ведения дел я даже в Хабаровске не встречала. Такое чувство, что ваши сотрудники сознательно копали вам могилу. За дверью подождите. — Ильинская смягчит тон: — Когда будет нужно, я вас позову. Печать, надеюсь, при вас? И где те бланки, что я заказывала?

Ксения налила коньяка на дно бокала — напряжение и пережитый страх последних двух суток сменились свинцовой усталостью. Но спать было нельзя.

— Пожалуйста, заварите мне чай покрепче, если умеете — лучше чифирь! — крикнула она в сторону двери и открыла записи.

Панков, постучав в собственный кабинет, поставил под ее пристальным взглядом чай и молча вышел.

Он заснет под дверью, скрючившись на маленьком диванчике. Разбудит его в утренних сумерках та самая вертихвостка. Она

пошатывалась и воняла перегаром. Панков подскочил, сонно хлопая глазами.

Ксения указала на туго набитую мусорную корзину:

— Это сейчас увóзите и сжигаете. Только не здесь и не дома. Пепел прикопать или развеять.

Он посмотрел на ее холеные белые руки все в чернильных пятнах. Ксения деловито выложила на столе десяток перьевых ручек и несколько пузырьков с чернилами:

— Присаживайтесь. Вот это все завизируйте, пожалуйста. Я буду говорить, каким цветом и какой датой.

— А?.. — спросит Илья, когда закончить, подписывать ворох внутренних актов, а Ксения, как машина, распихает их по папкам.

— Все хорошо. Максимум уволят. Не забудьте увезти корзину, — улыбнется она.

Илья Степанович и верил, и не верил. Но вопросов, как человек опытный и уже практически пропащий, не задавал. Довез эту цацу в каракулевой шубе до Канатной и поймал на выходе из машины: она поскользнулась на льду — то ли от усталости, то ли от ночной пьянки. Пустую бутылку из-под коньяка в своем кабинете Панков успел срисовать.

А пока он возился с Ксенией Ивановной и жег в углу Второго кладбища рваные бумаги, к открытию ресторана подъехала оперативная группа — изымать бухгалтерию на проверку. Трусили неделю.

Совершенно ошалевший начальник группы не верил своим глазам — ни-че-го. Ничегошеньки из той оперативной информации, которую им оставалось только подтвердить документально. Все данные поставок, приходно-расходные ордера, внутренние акты списания и заказы сходились до копейки. Все, что удалось накопать, — небольшой убыток из-за пары просроченных партий сезонных продуктов. И расхождение по вчерашней кассе на пятьдесят копеек. Он понимал, что случилось чудо. Но придаться было не к чему — даже чернила и почерк были разными.

Этого не хватало даже на выговор с занесением. После устной выволочки в кабинете обкома Панкова на собрании, посвященном празднованию Нового года, поставили в пример остальным товарищам

— как хорошего, честного сотрудника, которого даже компетентные органы признали достойным работником советского общепита.

Рождественское чудо, свалившееся в кабинет Панкова, не давало ему спать. После такого невероятного поворота судьбы он так и не отблагодарил свою спасительницу. Да что там не отблагодарил! Даже нарычал на нее поначалу.

Когда 30 декабря нарядная Ксения явилась к начальнику отделения милиции с традиционным «гостинцем под елочку», тот бросился пожимать ей руки:

— Мадам Ильинская...

— Лучше товарищ, — подмигнула ему Ксюха.

— Век не забуду...

— Это я... — она помолчала, — Лешенька, век не забуду, что ты моего мальчика спас.

— Там родственник сильно просится тебя отблагодарить. Спрашивает, что ты любишь?

— Тебя пусть благодарит. Мы в расчете.

— Выпьем по маленькой? — предложил начальник.

— Ну давай, холодно сегодня, — согласилась Ксения.

— Ты, кстати, фурор произвела. Неизгладимое впечатление не только на Панкова, — он испытующе посмотрел на Ксению и, понизив голос, добавил: — Там, — он приподнял брови, — все в шоке.

— Давай не будем, — Ксения оглянулась.

— А и правда. Но мы с Сонечкой приглашаем тебя с малым в гости. Второго января. Посидим по-семейному. Мы такую елку поставили! Отказ не принимается.

В гости к судьбе

В гостях у Алексея Владимировича, разумеется, «совершенно случайно» оказался Илья Панков.

— Адиёт и бестолочь, — как окрестила его Ксюха с первого момента знакомства. Она искренне познакомилась заново с братом Сонечки товарищем Панковым, одарила всех детей сладостями. Сашка умчался играть с сыновьями Алексея во двор.

А после долгого веселого обеда, пока Соня перемывала посуду к сладкому, Алексей Владимирович отвел Ксюху в уголок на разговор.

— Есть дело. Кому расскажешь — лично пристрелю. Есть шанс заработать, и по-крупному. Как ты сделала Панкову, но уже за деньги. Говоришь сумму до или после своего... — он пытался подобрать слово.

— Аудита, — подсказала Ксения. — Какой твой процент?

— Двадцать пять.

— Чего? Рублей? Процентом?

— Процентом конечно!

— Не многовато ли?

— Там моих пять. Остальное сама понимаешь чьи. Риск большой. Но ты говоришь свой гонорар не стесняясь.

Ксения считала даже тщательнее, чем при выборе супруга. Это совершенно другой финансовый уровень. Такой, что ее мечта про дом на Фонтане с абрикосами вполне становился планом на ближайшие пару лет. Эта мечта о доме держала и грела ее все эти годы. Ксения откладывала, но не так много, как надо, потому что привыкла жить на широкую ногу, и ежемесячные колоссальные расходы на одежду, прически, духи, безделушки, еду, взятки нужным людям, обеспечение Сашеньки почти полностью съедали весь ее правый и левый доход.

Риск был таким же огромным, как будущая прибыль. Если ее поймают — то там не двадцать пять лет и даже не смертная казнь, как диверсантке, подрывающей экономику. Ее убьют сразу при задержании или в первую ночь в камере — даже до суда не доживет с такими-то знаниями.

Алексей словно услышал ее мысли:

— Не поймают. Данные о проверке поступают прямо оттуда. От первых лиц. Меня самого после твоего шахер-махера чуть не грохнули. Мне ж намекнули, чтобы от расстрела хоть как-то отвел, а тут вообще комар носа не подточит. Плановую операцию завалили. А связь между мной и Панковым прямая. Но твой талант... даже там признали. Так что это надежно и только для самых... Самых зажиточных клиентов.

— Клиенты особо крупных размеров... — задумчиво протянула Ксения. В такую игру она еще не играла. Тем более, что, отоспавшись

после спасения Сашки и Панкова, уже составила целый перечень своих промахов в его проверке, а точнее — подгонке данных.

Она вперилась взглядом в Алексея: — Двадцать процентов. Тебе — двадцать процентов. Пятая часть от гонорара без рисков и личного участия — это шикарная доля.

— Да ты что! Это не я! Это все туда!

— Ой, Алексей Владимирович, — скривилась Ксения, — шо ты меня лечишь? Там свое берут все и сразу только за намек и имя. Твое или мое. Так что твои законные двадцать гарантирую. И работа не чаще раза в месяц. Чаще не потяну.

Начальник райотдела так быстро согласился, что Ксения огорчилась — надо было торговаться до стандартных десяти. Хотя... Раз ее гонорары не ограничивают, то чего жадничать?

Погруженная в свои мысли и будущие планы, она, не слушая, отрешенно кивала и поддакивала Илье Степановичу, который вился вокруг нее, как восторженный щенок, весь вечер.

— Так, значит, пятого?! — радостно уточнил он, тронув ее за руку.

— Что пятого? — отпрянула Ильинская.

— Ну как что? Идем в театр!

— Это почему?

— Так вы же только что согласились! — опешил Панков.

— Я согласилась на театр, но пятого я не могу, у меня дежурство, — соврала Ксения. — Давайте как-нибудь потом... когда потеплеет? — предложила она. — И вообще не пытайтесь меня благодарить. Тем более, я обычный скучный работник Упрторга и совсем не заядлая театралка.

— А может быть, вы мне так понравились, что я решил за вами поухаживать?

Ксения скользнула взглядом по статной фигуре Панкова. Он, конечно, ее фасона, но увы. Слишком похож ростом, габаритами, мастью и даже формой ладоней на ее Ильинского. Перебор. Хватит.

— Илья Степанович, а с чего вы взяли, что эта симпатия взаимная? Я вас вообще первый раз вижу.

— Второй, — тихо, но с напором сказал Панков.

— И надеюсь, что последний! — Ксения встала из-за стола.

Зря надеялась. Ксения Ивановна Беззуб, в замужестве Ильинская, сама того не зная, включила в Панкове все первобытные охотничьи

инстинкты. А охотником он был знатным и умелым. Его блестящая карьера напрямую была связана с этим мужским досугом. На стрельбищах и охоте чаще всего он и решал со старшими товарищами все нужные вопросы.

Ксюха ошиблась с диагнозом: он был совсем не адиёт, и его влияние и подконтрольные предприятия не ограничивались одним нефартовым кабаком. Болезнь роста — Илья Степанович настолько был занят стройками, плановыми показателями, собраниями, разъездами, организацией партийных банкетов, открытием новых столовых, что, когда его руководство выделило ему своего, «проверенного», бухгалтера на прибыльную точку, поворчал, а потом подписывал, не глядя, все бумаги, которые ему приносила ставленница товарищей из министерства вместе с конвертами. Часть содержимого конвертов он оставлял себе, остальное передавал наверх. О том, какой бардак творился последние два года, даже не догадывался.

После отказа Ксении он пошел по следу, собирая свое досье. И вдруг картинка совпала — на пьянках у родственника он не раз слышал о легендарной бабе, которая умножает и делит в голове быстрее арифмометра, вхожа в любые кабинеты и при этом никому не дает, хотя желающих не перечесть. Он узнает о сыне в школе Столярского и умершем муже.

Это только подкрепит его чувство, возникшее после фразы «Надеюсь, что последний!» Она его отшила. Это — та самая. Ровня ему. Все женщины, которых он знал начиная с матери и заканчивая официантками и администраторами, которых он пользовал, были слабыми, обычными, без голоса и прав. Их мир ограничивался чулками да кастрюлями, а выйти замуж в послевоенной, бедной на мужиков стране считалось высшим счастьем. Дальше пары ночей ему было откровенно скучно, и всерьез он баб никогда не воспринимал.

А тут эта — вдова за сорок с дитём. Бухгалтер, а одевается, как актриса кино. И не шлендра. А как лихо она им командовала! Да чтобы он, Панков, бегал и бабе чай подавал и за дверью халдеем дожидался? А ведь стоял по стойке смирно и помалкивал в тряпочку. Того, что она за ночь подогнала и переписала всю внутреннюю документацию разным почерком двадцатью ручками (и вообще додумалась их с собой принести!) — он до сих пор не мог осознать. Да еще и бутылку коньяка в одно лицо нахлобучила. Он бы понял, если бы после

спасения она затребовала гонорар или приняла подарок, но отказала, отработывая обязы его родне. Как настоящий мужик. Вот его судьба! И от нее, а точнее от него уже никуда не уйдет.

Затяжная осада

Ксения о Панкове справок пока не наводила. Ей хватало ежедневных забот.

Хороший понт дороже денег — этот главный одесский принцип Илья Степанович отлично усвоил с детства, проведенного на Канаве вместе со словами Иосифа Виссарионовича, что «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

Он присел рядом на торжественном собрании работников торговли и снова предложил пойти в театр, цирк или кино. Ксения вежливо отказала, сославшись на плавающий график.

На следующий день ей доставили на работу конверт с запиской. В конверте были билеты в лучшую ложу оперного на абсолютно все спектакли, которые давали в течение ближайших трех месяцев, с запиской, что парный комплект у него, и Панков готов составить компанию в любое время. Билеты она вернула через Алексея Владимировича и попросила больше не утруждаться с благодарностями.

Нахрапом не получилось, что еще больше раззадорило Илью Степановича. Обычными дорогими подарками эту дичь не возьмешь. Ксения была непробиваема: у нее было предостаточно всех доступных материальных благ — и шубы, и украшения, и модельная, шитая по ноге обувь, и даже оставшийся от мужа автомобиль, который, кстати, она сама ему подарила. Тогда он решил действовать масштабно.

Утром 8 марта Ксения Ивановна услышала смешки и галдеж под дверями и в своем домашнем, шитом на заказ атласном халате она распахнула дверь — вся лестничная площадка, а точнее пять широких мраморных пролетов от самого входа до ее второго этажа, включая площадки, была выстелена цветами.

— Пижон, — довольно хмыкнула Ксения, — адиёт и пижон.

Пижон через полчаса позвонит в дверь, вручит букет и предложит отужинать в ресторане.

— Нет уж, увольте, — Ксения будет откровенно наслаждаться. — Пила я в вашем ресторане — коньяк отвратительный. И вообще, что это вы устроили? Я, конечно, понимаю, что на сельских свадьбах так принято, но на Молдаванке цветы обычно за гробом стелят. А я пока не готова ни по одному из маршрутов.

— Какое село? Я с Канавы, — обиделся Илья. — А чаем угостите?

— Я чай обычно не пью, — хитро посмотрела на него Ксюха, — от него такая бессонница. До свидания, товарищ Панков. Я тронута и даже обескуражена таким вниманием. Благодарю.

У охотников есть понятие — скрадывать дичь. Это означает подбираться поближе незаметно, бесшумно, буквально по паре сантиметров, пока расстояние не окажется достаточным для меткого выстрела.

И начались букеты. Каждый день утром и вечером из центрального цветочного магазина Ильинской доставляли цветы. Приносили их посыльные в униформе и, пытаясь отдышаться, сообщали слова поздравлений.

Через неделю Ксения всех доставщиков знала в лицо и, жалея, просила: — Да оставляйте внизу. Мне их ставить некуда.

— Никак нельзя. Без вашей подписи и накладной считается, что заказ не выполнен.

Еще через две недели Сашка спросит у матери:

— А тебе эти цветы сильно нужны?

— А тебе?

— Ну-у, если можно, — начал, улыбаясь, Сашка.

— Девочкам? — подмигнула Ксения. Ее сын не унаследовал отцовской стати, а пошел породой в бабушку Иру — это был живчик, мелкий, черноглазый, шустрый и невероятно обаятельный. И девочками он уже вовсю интересовался. — Бери, конечно. Даже не спрашивай.

Сашка оставлял один букет, пока тот был свежим, а все остальные уносил.

— Это кого ж ты так окучиваешь? — поинтересовалась Ксюха.

— Никого. Девочкам отдаю.

— Это каким девочкам? Ильинский, ты что, гарем завел? Ну-ка поподробнее!

— Мам, ну ты что, я деньги зарабатываю. И с девочками делюсь.

Оказалось, что Сашка Ильинский с фамильной предприимчивостью утилизировал букеты Панкова, сдавая их официанткам в ресторан гостиницы «Красная», а те продавали цветы из них поштучно, предлагая порадовать дам.

— Ах ты жук! — рассмеялась Ксения. — Ты хоть не продешевил? Букеты-то хорошие!

— Мам, ну ты что, — улыбнулся Сашка. — Они же к ним накладную выдают. Вот я и сдаю вместе с накладной девочкам со скидкой в тридцать процентов и с доставкой. А все остальное — их заработок.

Точно как в ее отрочестве! Ксения расхохоталась и поцеловал Сашку в черную вихрастую макушку: — Мой сыночек! Моя кровь! — А потом с тоской подумала: «И как из него с такими талантами пианиста делать?»

На следующий день Ксения сама позвонит Панкову:

— Есть способы остановить это цветочную атаку?

— Ужин, — ответит Илья Степанович и добавит: — Сегодня. Я найду за вами.

За ужином они будут болтать и, как настоящие охотники, изучать друг друга. Да и пару столиков Ксениных знакомых с большим интересом будут за ними наблюдать. Вся Одесса спит под одним одеялом, и такую эффектную затянувшуюся осаду с удовольствием обсуждали в самых разных кругах — от силовых до торговых, делая ставки то на ее упрямство, то на его настойчивость.

Ксения отвечала кавалеру приветливо, но определенно продолжала держать дистанцию, пока к столику не подошла официантка с бутоньерками:

— Купите вашей даме цветочный комплимент.

Панков, не глядя на цветочницу, бросил:

— Давайте все!

Тут Ксения поперхнулась шампанским и расхохоталась:

— Нет уж! Не надо свои цветы второй раз оплачивать! — И рассказала историю про предприимчивого сына. — Кстати, я именно поэтому позвонила. Наживаться на романтике не лучший способ, хотя... — она оглянулась на изумленную официантку, — вполне прибыльный.

Вот тут настоящий охотник Панков и сделал свой меткий выстрел:

— И что, с такими коммерческими способностями вы хотите из пацана сделать музыканта? Это же не профессия!

— Ха, а Эмиль Гилельс? А тот же Утесов?

— А сколько кроме Гилельса выпускников в год в Столярского и в консерватории, а? И Гилельс, между прочим, с Утесовым музыку обожают. Что-то я сомневаюсь, что ваш сын сходит с ума по гаммам.

Вот оно! Попал! Зацепил! Он уже увидел это по глазам Ксюхи.

— А куда еще? — с тоской спросила она. — Где лучше? В мореходке? Так он полжизни будет в рейсах сидеть. А не дай бог что со здоровьем на судне, — она на долю секунды горестно скривила рот, — кто ему поможет? — А так хоть красиво, спокойно и хоть какой-то шанс мир посмотреть.

— А про языки не думали? Репетитора нанять.

— Ну так преподавателей море, и куда с языками в Одессе? Фарцевать?

— В Москву. В Первый московский иняз. А оттуда хоть в торгпредство, хоть в дипкорпус. Импорт, экспорт, загранкомандировки. Там вся элита учится. Ну и фортепиано его станет приятным дополнительным баллом при поступлении.

— Москву я не потяну, — с огорчением вздохнула Ксения. — Как говорится: на этот соус у меня не хватит майонеза.

— У нас, — Панков почеркнул еще раз, — у нас хватит. Тем более, что у меня там в деканате армейский друг.

Ксения уже все сложила. Еще на первом «у нас».

— Поехали отсюда — надоело на витрине сидеть.

Они уедут в уже теплую майскую Аркадию, пройдутся под ручку вдоль берега. Ксения покажет, где сдавала рыбу, где работала официанткой. Илья Степанович наконец-то обнимет ее и, как охотничья собака, зароется носом в благоухающую французской пудрой и «Красной Москвой» сдобную шею.

— Невероятно, — искренне огорчится он. — Быть этого не может! Ты работала у этого дурака Фимы?! Шо за цурес^[5]! Ты не дошла до моего кафе каких-то пятьдесят метров! Я бы такую не упустил. Тем более тогда, шестнадцатилетнюю. Вышла бы за меня замуж как миленькая к концу сезона.

Ксения расхохоталась:

— Ну так кто мешает наверстать? Это ж никогда не поздно!

Первая любовь

Котька в свои сорок восемь, как пацан, стоял на полсандалика на подножке троллейбуса, намертво вцепившись даже не в поручень, а в ремень и в потную ногу крепкого мужика на верхней ступеньке. Троллейбус с мычанием и протяжными тормозными стопами тащился к парку Шевченко со всеми открытыми дверьми. Мужики всех возрастов висели гроздьями на ступеньках, внутри был такой биток из тел, что, по выражению Котькиной благоверной, «ни чихнуть, ни пернуть». Водители тяжело вздыхали в такт своему транспорту и продолжали путь. Потому что сегодня, тринадцатого июня шестидесятого года состоится матч века. Впервые два непримиримых конкурента и злейших футбольных врага — «Черноморец» и СКА — объединились в одну сборную. И сражаться им предстояло не с киевлянами или с москвичами, а с легендарным миланским «Интернационалом».

Котька вместе еще с двадцатью тысячами болельщиков дальновидно прибыл за два часа до матча. Потому что к началу на стадионе будет больше сорока тысяч зрителей. Не считая тех, кто сидел в проходах, на перилах или, как мальчишки, висел на деревьях, забравшись повыше, или расположился за воротами, чтобы хоть послушать.

Котька, загруженный бытом и работой, редко вспоминал о своей давней юношеской футбольной страсти, но такое событие пропустить не мог, и никто, даже грозная Зинка, его бы не остановил. Он даже предлагал для надежности взять одну из дочек на матч, но супруга рявкнула на него: — Ребенка же затопчут! Тебя-то не жалко, а родную кровинушку я не отдам.

Котька радостно выдохнул и даже рассчитывал выпить пива после матча — гулять так гулять.

Рядом судачили фанаты:

— Хоть бы наши не опозорились! Хоть бы италяшки не в сухую выиграли!

Оскорбленный Котька встрял в разговор:

— Шо каркаете? Если они друг друга так мочат, то шо ж они с этими иностранцами сделают?!

- Так они ж несыгранные!
- А замажем, что наши их порвут, как Тузик грелку?
- На что замажем?
- Да хоть на три литра пива!
- На пиво и червонец!
- Уговор!

О, ни Котька, ни другие болельщики даже в самых смелых фантазиях не могли представить такой игры. Не смогли представить ее и итальянцы, для которых матч с провинциальным вторым дивизионом накануне встреч с ленинградским «Зенитом» и сборной СССР представлялся просто публичной тренировкой.

На девятнадцатой минуте армеец Олег Щупаков забил гол, а в начале второго тайма еще один. Стадион ревел от восторга. А потом охрип, потому что Валик Блиндер вкатал итальянским профи третий мяч. Итальянцы встrepенулись и забили гол чести, который почти сразу перекрыл еще один армеец — Дмитрий Подлесный. И тут проснулись «черноморцы», которых в одесской сборной было аж шестеро. И любимец публики Костя Фурс добивает счет до разгромного 5:1.

Что творилось на стадионе и в душе у Котьки и его соседей, невозможно передать. Вся Одесса, включая Беззуба, гуляла три дня. Правда, Костик прогуливал свой честный выигрыш. И никакие кары небесные в лице и теле Зинки не могли уменьшить эту радость.

Тем более, что совершенно обалдевшие от такой игры итальянцы выиграли через день у «Зенита» и сыграли с советской сборной в ничью. Ну а новость, как команда из группы Б «сделала» миланскую сборную, обошла все мировые газеты.

Котька зачарованно сидел у стола, смотря сквозь мелькающую и орущую жену и тихо приговаривал: — Мама была права... надо было идти в футболисты...

1961

Нилка со своей слепой любовью и полным непротивлением любому бытовому злу окончательно «испортила» и без того не самого светлого Павлика. С каждой пьянкой он все дальше и дальше расширял границы дозволенного — забрать, разбить, поднять руку... А утром встречал такой же полный любви Нилкин взгляд. Казалось, она физически не умела сердиться или обижаться. Она плакала коротко и горько, как ребенок, и стряхивала с себя болезненные воспоминания, замазывая фингал под глазом. «Воздушный шарик» с вечным «ну и шо?» — ревнует меня, страшное дело!.. Что это — глобальная, переданная Фирой любовь к своим или инфантильное детское желание оставаться всегда и для всех хорошей, не могли понять даже дворовые эксперты — Ася с Ривой и недавно принятая по наследству в их компанию Поляночка.

Это только Нилке все, что ни происходило в доме, Одессе и даже в стране, было нивроку и давало в худшем случае повод для зубоскальства. Могикане Мельницкой-Моисеенко относились ко всему устало-иронично. Больше всего газетчики раздражали Асю Ижикевич.

Она жаловалась Риве:

— Не, ты это слышала?! Яшке Гордиенко открыли памятник на школе. Вот с такими, — она показала что-то неприличное размером с кукурузный кочан, — вот такими золотыми буквами. Как разведчику и патриоту. Мать его, Мотька, выступала.

— Ой и кисло тебе в чубчик, Ася, — вздыхала Рива. — Чем они тебе не угодили?

— А тем, — распалялась Ася, — что мой шлимазл всю войну партизан кормил моими продуктами, по городу для них рыскал да еще и придурок малолетний бриллианты Сталину сдал! И ему даже вот такусенькой дощечки не дали! Даже грамоты паршивой!

— А телеграмма от Сталина?

— Та шо та телеграмма? Кто там уже помнит, да и культ личности развенчали — нигде не покажешь.

— Та успокойся, малахольная, — Рива обмахивалась фартуком. — Яшка ж погиб. Поэтому доска.

— А шо, Героев партизанам только посмертно дают?

— Да шо ты пристала до той доски? Тоже выступить хочешь? Так ты и так концерты каждый день на весь двор закатываешь шо та народная артистка! Не гневи Бога — толковый пацан, рукастый.

— Ой, Рива, не напоминай мне про руки! Он этими руками мамину сытую старость на телеграмму променял!

— Я ж говорю: хороший пацан. Родине помогал и тебе на старости поможет. Не писай догоры!

— Ой, Людка! А ну ходи сюда! — прищурилась, переключившись, Ривка. — Ты где такое пальто оторвала?

Людка Канавская покрутилась перед мадами: — Сама пошила!

— Та ладно! — удивилась Ася. — Из чего?

— Из баб Жениного.

— И она тебя не убила?

— Так его моль пожрала. Она достала, долго там чего-то причитала, потом посмотрела, что дырки здоровые, и думала из кусков что-то вроде жилетки сшить, но она не умеет. И я упростила мне подарить!

Ася потрогала рукав:

— А на чем шила?

— Так там прабабкин «зингер» стоял — вот и пошила.

— Что значит взяла и пошила? Ты как научилась?

Людка уже тяготилась допросом:

— Ну как? Как все — взяла книжку «Кройка и шитье», читала и делала.

— И шо? — удивилась Ривка. — Сразу вышло?

— Не, я сначала из тряпки кукольное сделала. А потом свое, но там, — Людка отвернула подкладку, — там криво, но сверху не видно.

— Вот молодец! — похвалила Рива. — Хорошая специальность, и копейка всегда, и сама одетая! Учись, доця!

Ася вдруг притянула к себе Людку и сжала в объятиях: — Какая же ты умница! Жалко, что маленькая! Заходи в субботу, у меня там отрез трофейный лежит, а мне этот цвет ни к селу, ни к городу. Понравится — отдам.

— Спасибо, — улыбнулась Людка и рванула в подворотню.

А Рива с Асей молча смотрели вслед.

— Да уж, — вздохнула Рива, — бедное дитё. В тринадцать лет себе пальто шьет. Мамка безмозглая с этим пьяницей, который все

пропивает. А ребенок себе бабкин дрэк выпросил и сама пошила, потому что ходить не в чем.

— А Женька, Женька что, слепая? Чего она внучке не поможет? — возмутилась Ася. — Она что, не видит, как дочка живет?! Сама-то хорошо зарабатывает!

— А Женька никогда доброй не была — такая стальная девочка. А с годами совсем заржавела, — вздохнула Рива. — Живет как в банке за стеклом, как не с дочкой, а в коммуне с квартирантами.

— Та меня б так жизнь ломала, как ее, с мужем ее, с расстрелом, с румынами, со свекровью этой, с чахоткой, — я б три раза сдохла уже! — искренне воскликнула Ася.

— Ну так, может, она и померла внутри? Выгорела. Вся. Чтобы выжить. Жалко, хорошая девка была когда-то! Огонь просто. Ты, Аська, не застала...

Газовая косыночка

Иван Иванович Беззуб, третий помощник капитана, прибыл в Одессу после своей первой заграничной — заграничного рейса. До этого, несмотря на хороший диплом и связи тети Ксении, дальше Сухуми его не пускали. Говорили загадочно, что характеристика подвела. А что в той характеристике? Кто ж скажет.

Помимо письменной казенно-официальной про хорошего товарища и активного участника жизни училища, он получил устную и предельно четкую от старшины роты на докладе товарищам из госбезопасности: «Ну как вам сказать, что за человек? Присматривать надо. Понимаете... не с гнильцой, но подванивает».

И вот только спустя пять лет болтаний в круизных маршрутах Иван вырвался в вожделенную за границу. И по примеру старших товарищей решил не просто одарить родню, а еще и подзаработать на самых ходовых позициях — болоньевых плащах (больше двух не привозить!) и «газовых» косыночках, последнем пике моды. Его зарплаты как раз и хватило на такой разрешенный набор.

На следующий день Ванька примчится к Ксении советоваться: куда, кому и почему можно сдать товар оптом. Тогда невесомые полупрозрачные платочки с тонкой люрексовой ниткой принимали у

моряков по пятьдесят копеек, а перепродавали на рынках по семь рублей за штуку.

— Или ты странный? — удивленно спросила Ксения. — Ты или заработал свои двести пятьдесят рублей сразу и пошел в новый рейс, или выгоднее оставаться на берегу, брать у своих и продавать в розницу. Так, конечно, геморрой на всю голову, но ты дома, и прибыль больше трех тысяч, ну округлим — три.

— А может, возьмешь у меня по рублю?

— Ванечка, — Ксения расплылась в улыбке, — я, конечно, родственница, но не фонд спасения голодающих беспризорников. Ты как себе представляешь? Я на базаре с платочками бегаю от дружинников? Или?

— А на работе своим предложить? — не отставал Ванька.

— Кому? Милиционерам? — расхохоталась Ксения. — Ты лучше скажи, что матери привез, кроме косыночки за пятьдесят копеек.

Ванька замялся: — Ну там, сладости, туфли удобные... И сто рублей зарплаты дал.

— Так... — Ксения нахмурилась. — А плащ этот новомодный?

— А что плащ? — засмутился Ванька.

— Плащ болоньевый. Как у тебя, новый, шо ты в нем пришел, понторез. Матери привез?

— Тетя Ксения, мне денег на два всего хватило — я хотел второй продать. На нем сто рублей можно поднять.

— А матери, значит, закрысил? Я чему тебя учила, позорник? — Ксения недовольно приподняла бровь, и взрослый модный Ванька покраснел, как пацан...

— Я не думал... а что, мне тогда продать свой?

— Зачем? Шо тебе те деньги? Ходи красивый и маму порадуи. Она заслужила, ей давно ничего стоящего с твоего рождения не дарили. Так что не будь говнюком. На косынках зарабатываешь. А со следующего рейса посчитай, что выгоднее — плащи или эти тряпочки. И кстати... — Ксения вдруг подмигнула Ваньке, — сходи до Бори.

— Какого Бори? — пискнул Ваня.

— Того самого. Я его тоже уже видела, и что вы общаетесь, знаю. Мать сказала. Так что иди и, как сирота, сдай ему по шестьдесят копеек. А вдруг согласится?

Ванька любил Ксению не меньше, чем маму, а иногда даже больше. Почему не Ксения его мама? Он даже внешне больше похож на нее, чем на Аню. Его восхищали теткинны коммерческие таланты, роскошь, которой она легко себя окружала, легкость по жизни. А мамина вечная борьба и бытовая неустроенность, особенно после детства под крылом бабушки и тетки, все больше раздражали.

А еще, пока он плавал, мама пустила в дом с десяток уличных котов, которые «мерзли и голодали», и теперь в их фонтанском доме воняло тухлой рыбой и ядовитой кошачьей мочой. Ванька, конечно, с порога не разобравшись, наподдал паре особо наглых, а ту рыжую скотину со своей кровати вообще выкинул в окно. А что? Ноябрь — не замерзнет, и лететь невысоко.

Вон у тетки живности нет, зато есть домработница, чистота и розы в хрустальной вазе. Он тоже хотел такой дом.

После выволочки у Панковой Ванька резко передумает дарить Ксении ту самую оптовую газовую косыночку, а просто расцелует ее, придет домой, вытащит второй женский плащ и повесит маме в шкаф. Пусть найдет и обрадуется. Господи, до чего воняет...

И тут Ванька обнаружит страшное. Мамины любимчики обоссали его чемодан с товаром... Они каким-то невыносимым образом его открыли, сделали свое черное дело внутри и закрыли. И бесследно растворились в облетевших фонтанских садах. Ванька три дня сладострастно кыскал и размахивал свежими, а потом уже вонючими бычками по всему участку, выманивая этих мерзавцев, — ни одна усатая скотина не пришла. Что делать с пятью сотнями никчемных вонючих тряпок, он не знал...

Но Аня не могла видеть, что ее самые любимые на свете существа — сын и коты — так невыносимо страдают. Она — в новом плаще — трижды перестирала всю партию и спасет заработок сына, еще и надушит на всякий случай косынки своей «Красной Москвой».

Борька откроет чемодан, поворошит невесомый товар и скривится.

— Их что, стирали? Шо ж они у тебя мятые, как из задницы, и духами чужими пахнут? Ладно, как у сына возьму по сорок пять копеек. И так в минус сработаю...

1962

Глаз бури

В самом центре любого урагана, шторма или тайфуна есть удивительное место, которое называется «Глаз бури». В нем высокая температура, ясность и полный штиль за стеной ураганного ветра и дождя — на границе с полным хаосом и дикой стихией. И этот абсолютный покой в эпицентре шторма еще страшнее самого урагана, потому что внезапно заканчивается. Мельницкая, 8 со своими коренными жителями и их молодой порослью, которая диким виноградом обвила пол-Одессы за пределами двора, но все еще питалась от молдавских корней в шестьдесят втором, снова оказалась «Глазом бури».

А это что?

Ванька Беззуб стоял у открытого чемодана, в котором рылся таможенник, и, закатив глаза, повторял:

— Ну я знаю правила — за один рейс на полученную валюту с целью контроля и таможенных ограничений можно ввозить не более четырех нейлоновых плащей — два женских, два мужских, — вот они, еще не более трех ковров за год, я во второй ходке — и вот один, он же первый ковер.

— Спекулируешь? — то ли спросил, то ли заклеил таможенник.

— Нет, матери везу!

— И сто косынок тоже ей? Или у тебя цыганский табор в родичах?

— А это можно! Никто не запрещал!

Таможенник продолжал ощупывать чемодан, потом вдруг убрал его на пол и, ловко перевернув постель, поддел подкладку матраса:

— А это? Бабушке или дедушке? — расплылся он в довольной улыбке.

В матрасе у Вани лежало еще шесть плащей и десяток запрещенных рок-н-рольных пластинок.

— Это не мое! — начал Ваня потухшим голосом.

— Ага, конечно, ну ты ж правила знаешь — оформляем контрабанду, и на берег!

— Это не мое, — попытался улыбнуться Ванька. — Это... это все ваше!

— Ты что мне, гад, взятку предлагаешь? Ты декларацию заполнил? Что-то я этого, — таможенник брезгливо поднял пластинки, — там не припомню! Так что приплыли тапочки к обрыву — правила ты знаешь. Помполит вам всем рассказывал: не видать тебе загранки как своих ушей! Как там? — таможенник мечтательно вскинул голову: жадность фраера сгубила?

Все попавшиеся на контрабанде моряки пополняли категорию «бичей» — опустившихся сезонных рабочих между рейсами. Их списывали на берег, и они месяцами, а то и годами томились в ожидании нового рейса и открытия визы. Что сделать, чтобы вернуть ее и длительность наказания не знал никто.

По карнизу

Интернатские свистели и вопили от восторга: еще бы — Тося Верба, самый здоровый и отчаянный семиклассник, на слабó шел по карнизу четвертого этажа.

После того что сам Нашилов признал в нем «гения», дерзкие уличные вылазки Тоси за доступной едой не прекратились, просто все остальное время он неистово рисовал и чертил. Тушью.

— Не надо быть талантом. Есть правила и законы перспективы, если соблюсти все до одного — получится прекрасная работа...

Из доступных материалов были только тушь и перо. Так Тоська стал главным художником-графиком интерната, часами перерисовывая гравюры из библиотечных книг. Кто и ради чего вызвал его на слабó — неизвестно. Злые языки утверждали, что это все из-за Нинки Ульяницкой, которая училась классом старше, но Тося был таким рослым и крепким, что и так вполне мог претендовать на ее внимание.

Он шел в своих негнибаемых казенных ботинках, протирая штанами штукатуренную стену и не отрывая от нее взгляд. Учитель рассказывал: не смотреть вниз. Если соблюдать правила и держать точку и линию горизонта, то ширины карниза более чем достаточно,

чтобы поставить ногу и шаркнуть очередной шаг не свалившись. Тося прошел уже три окна от угла и почти добрался до заветного финиша, но тут во двор, заметив толпу, выскочила новая училка математики и задрал за остальными голову, завизжала от ужаса:

— Верб-а!

Тося рефлекторно оглянулся. Он забыл элементарные законы физики и, потеряв центр тяжести, неловко взмахнул руками. Ботинок скользнул по карнизу, и Толик полетел...

— Феня Сергеевна, Феня Сергеевна! — В цех к машинке Фени бежала молоденькая кадровичка. — Там ваш сын в интернате разбился!..

Доигралась

Ксения Ивановна откинулась на стуле. За окном еще не рассвело, но темнота уже поблекла, полиняла, как старое черное платье после пяти лет стирок. Ксения такие вещи пускала на тряпки, не хранила на черный день, а вот Анька занасивала вещи буквально до дыр, а потом еще и в дырявом и рваном копалась у себя в саду, чем страшно злила Ксению:

— Ну есть же деньги, что ты в обносках ходишь?!

А может, она просто злилась на сестру, что та жила в доме, который без досмотра и ухода ветшал на глазах, как и ее сестра, а Ксения, несмотря на свои ежемесячные страшно рискованные и очень прибыльные черные аудиты, до сих пор нет. И Панков все искал хороший участок. Чего искать? Сколько ждать?

Ксения потеряла виски и затылок — глаза от бесконечных цифр уже слипались, страшно гудела голова, как будто ее зажали в тиски и все скручивали и скручивали винт, но она почти закончила и налила себе еще немного коньяка в тяжелую рюмку. Ксюха пошевелит отекающими от ночного сидения пальцами ног, похлопает со всей дури себя по щекам и запьет коньяк остывшим чаем. А дальше едва успеет отклониться от стола, чтобы не забрызгать только что выправленные бумаги. Ее рвало на пол в кабинете начальника промтоварной базы. В глазах потемнело, голова кружилась, тошнота подкатывала новой

волной, руки тряслись. Она изо всех сил уцепилась одной рукой за стол, второй — за спинку стула чтобы не упасть...

«Отравили или залетела?» — мелькнуло в голове у слабеющей Ксени.

И свет погас

Собаев всегда широко отмечал получку, донося домой едва ли половину. В этот раз он особо подзадержался. Пава дошел домой затемно, точнее, еле заполз на второй этаж и, почти преодолев бесконечную дорогу, ударился ногой о стоящий на дворовой галерее старый Фирин сундук.

— Ах ты ж мля, — ругнулся он.

Выскочила Нилка:

— Павочка, ты чего кричишь? Ночь на дворе! Ты где ходил? Идем домой уже! — зашептала она, потянув мужа за рукав.

— Ты меня преследуешь! — взвизгнул он, отпихнул Нилку и, пошатываясь выровнялся: — Отстань! Я обратно пошел! Денег дай!

— Нет у нас денег, — оправдывалась Нила. — У тебя же получка сегодня... Ты что... Ты всю зарплату...

— А ты мне считать вздумала?! Обобратить меня сонного захотела? — Пава с силой толкнул ее в сторону двери и, подгоняя кулаками, загнал в комнату. Нила на пороге оступилась и упала, закричала от боли:

— Ай, я, кажется, руку сломала...

— Ах ты падла жирная! — Собаев пнул ее ногой и ударил кулаком по голове, Нила вскрикнула и запричитала: — Павочка, не надо! Павочка, не бей!

На Молдаванке женщин не предупреждали, что все алкогольные психозы чаще всего усиливают тяжелые черепно-мозговые травмы. Оставалось утешаться мыслью, что «бьет — значит любит».

И Павочка не останавливался и месил кулаками Нилкины рыхлые, мягкие руки, которыми она пыталась прикрыть голову.

— Отвали от мамы! — Пьяный Собаев оглянулся. — Последнее, что он увидел — это Людка. Его тощая, длинная, носатая, как журавль, падчерица, в трусах и майке, с топором над головой. И свет погас...

notes

Примечания

1

Швицер — хвастун, выпендрожник (*идиш*).

2

Бѣбехи — шмотки, манатки (*иди*).

3

Никейва — проститутка (*идиш*).

4

Дрэк — дерьмо (иди).

5

Цурес — горе, неприятность (*иди*).

Table of Contents

Юлия Верба Нэцах

1944

Первомай

Ах ты шалава!

Вор у вора...

Бог палкой не бьет

1945

Нету тела — нету дела

1946

Гость с того света

1947

Муха в янтаре

1948

Не трожь!

1949

И снова здравствуйте!

1951

Одесса-мама

1952

Туалетный фарт

1953

Седина в бороду.

1954

Почти военный

1955

Учитель

1956

«Белая акация»

1957

Для здоровья

1958

100 лет в обед

1959

Горячая пшонка!

1960

Сдохнуть со скуки
Первая любовь

1961

1962

Глаз бури

Примечания

1

2

3

4

5

